Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

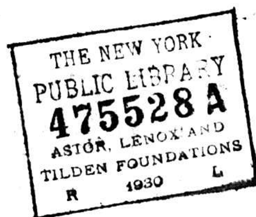
БОЛЬШЕВИК

№ 13—14 31 ИЮЛЯ № 13—14

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА"



Главлит № А—37105. Тираж 57.500 экз.

Типография газеты „Правда", Москва, Тверская, 48.

В борьбе за пятилетку.

Принятие пятилетнего плана развития народного хозяйства нашего Союза, синтезирующего и конкретно оформившего решения партии в деле осуществления задач социалистического строительства, явилось, вне всякого сомнения, одним из крупнейших политических событий последнего времени. Ясная и четкая цель, которая ставится этим планом перед пролетариатом, наметка путей, направления и условий его осуществления позволяют на совершенно конкретных и ясно очерченных задачах мобилизовать волю и энергию рабочего класса, открывают необ'ятнейший простор для вовлечения широчайших масс трудящихся в дело социалистического строительства, будят творческую энергию и изобретательство миллионов, направляя их в организованное русло — выполнение заданий пятилетнего плана. И именно в этом заключается одна из важнейших предпосылок, одно из важнейших условий выполнения пятилетнего плана.

Величайшим пустяком и чудовищным заблуждением было бы думать, что пятилетний план может быть выполнен «самотеком», что особенности нашей системы хозяйства и ее преимущества перед капиталистической «автоматически» гарантируют его выполнение и разрешение поставленной перед нами задачи догнать и перегнать страны передового капитализма. Без мобилизации воли и энергии широких масс трудящихся и в первую очередь рабочего класса, без подлинно творческого энтузиазма этих масс, без величайшей организованности, сплоченности и дисциплинированности, без решительного подавления обостряющегося сопротивления капиталистических элементов, без неуклонной и твердо проводимой борьбы со всякими идейными шатаниями и в первую очередь откровенно-оппортунистическим правым уклоном — выполнение плана будет поставлено под угрозу срыва.

Это в такой же мере бесспорно, как бесспорно, что при наличии всех этих условий пятилетний план не только может быть выполнен, но и значительно перевыполнен. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют как ход работ по выполнению заданий первого года пятилетки, так и те новые данные, новые дополнительные факторы, которые не были и не могли быть в должной степени учтены пятилетним планом.

Вовлечение все новых и новых слоев, новых сотен тысяч рабочих социалистической индустрии в социалистическое соревнование,

массовое движение бедняцко-середняцких слоев деревни к коллективным формам земледелия, подлинный творческий энтузиазм широких масс трудящихся, — все это такие явления в нашей хозяйственной и политической жизни, которые могут сделать и делают чудеса, которые обеспечивают такое движение вперед, такие темпы нашего развития, о которых мы раньше и «мечтать не могли». Но именно этого-то упорно не понимали и не понимают те, кто, взывая к «массе», этой «массы» боялись, не верили в ее величайшие творческие силы и возможности и кто упорно утверждает и до сих пор, что «мы для того, чтобы догнать и перегнать, скажем, папу римского, Кулиджа и Гувера, должны раньше «догнать и перегнать» наших попиков и церковников», ибо-де «это задача предварительная», ибо-де не поставив и не разрешив этой задачи, мы не можем хоть сколько-нибудь всерьез ставить задачу «догнать и перегнать» в технико-экономическом отношении страны передового капитализма; ибо-де, — согласно новой «теории» «организованной бесхозяйственности», — капитализм переходит к системе, которая имеет «формальное сходство» с советской системой хозяйства—«плановый капитализм», где уже изжиты противоречия внутри национально-капиталистических систем, где «проблемы рынка, цен, конкуренции, кризиса становятся все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри «страны» проблемой организации»; где основным «пороком» национально-капиталистических систем становится «бюрократизм» производственного аппарата (совсем как «у нас»!), где поражает «формальное сходство некоторых организационных проблем» «с проблемами, которые ставит в порядок дня и решает советская практика». Как будто всяческое стремление «причесать» капитализм, замазать раздирающие его противоречия, представить пролетариату стоящие перед ним непосредственные задачи, как «музыку далекого будущего»,—не является выражением откровенного, ничем не прикрытого оппортунизма!

И разве с этой точки зрения, с точки зрения разрешения пролетариатом стоящих перед ним задач, не является свидетельством полного идейного банкротства идеологов правого откровенно - оппортунистического уклона ход работ по выполнению пятилетнего плана?

В самом деле, разве не кричали правые уклонисты о «деградации» сельского хозяйства, о «разрыве», «размычке» союза рабочего класса с бедняцко-середняцкими массами крестьянства, грозящих срывом всего дела социалистического строительства? И разве не лучшим ответом на эти крики и вопли о «гибели» являются результаты истекшего сельскохозяйственного года? Вместо «деградации» мы имеем значительный рост яровых посевных площадей, не только перекрывший недосев озимых, но и обеспечивший по предварительным данным общий прирост посевных площадей на 5,9%, при чем есть все основания полагать, что допущен известный недоучет фактического роста посевных площадей и что директивное задание

семипроцентного прироста посевных площадей будет выполнено. К этому надо добавить характерное социальное содержание этого процесса: рост посевных площадей происходил в условиях сокращения посевных площадей в кулацких хозяйствах и увеличения в середняцких и особенно бедняцких хозяйствах. По отдельным районам бедняцкие хозяйства увеличили посевные площади по сравнению с прошлым годом на 10,3% (Украина), 13,4% (Крым) и 22,4% (Нижнее Поволжье)! Все это с величайшей убедительностью опровергает правоуклонистские басни и о «деградации» сельского хозяйства,—ибо «деградация» и рост посевных площадей вещи несовместимые,—и о «разрыве» и «размычке» союза рабочего класса с бедняцко-середняцкими массами крестьянства,—ибо хозяйства именно этих групп крестьянства дали такой рост посевных площадей, который перекрыл и недосев озимых и сокращение посевных площадей кулацких хозяйств.

Разве не кричали правые уклонисты о несвоевременности курса на форсированное строительство совхозов и колхозов, разве не требовали они «задержать и свернуть развитие совхозов и коллективного движения»? Разве не требовали они свободы кулаку на том основании, что-де основной производитель товарного хлеба—кулак, что-де хлеб «не пахнет» и когда государство терпит недостаток в хлебе, то безразлично, кем произведен нужный ему пуд хлеба—в кулацком ли хозяйстве, или, в хозяйстве середняка и бедняка, или, наконец, в колхозе и совхозе, с той лишь опять-таки разницей, что хлеб совхозов и колхозов—«музыка будущего», а хлеб кулака—это хлеб «реальный»? И здесь истинную цену этих правоуклонистских разговоров и требований со всей беспощадностью вскрывают результаты истекшего с.-х. года. Только год назад партия дала Зернотресту задание в течение 5—6 лет, охватив 6—7 млн. гектаров, довести посевную площадь до 2 млн. гектар с таким расчетом, чтобы к концу этого срока получить не менее 1.640 тыс. тонн товарного хлеба. Между тем уже сейчас Зернотрестом «развернуто 44 совхоза, засеяно 115 тыс. га земли, а за текущий год будет распахано 950 тыс. га, т.-е. почти 1 млн. гектаров», и есть все основания полагать, что «к концу пятилетия можно развернуть вместо 2 млн. гектаров посевов до 4 млн. гектаров и дать товарного хлеба вместо 1.640.000 тонн до 3.280.000—4.000.000 тонн» [1]). Таким образом, вместе со старыми совхозами на государственных хлебных фабриках к концу пятилетия будет производиться не менее 6—6,5 млн. тонн хлеба, что равно потребности городов и рабочих районов текущего года.

Значительнейший сдвиг наметился и в области коллективизации индивидуальных бедняцко-середняцких крестьянских хозяйств. Рост посевных площадей колхозов с 1.380 тыс. га в прошлом году до 4.400 тыс. га в текущем году показывает, что тяга к коллективным

---

[1]) Тов. А. Микоян. «Проблема снабжения страны и реконструкция народного хозяйства». «Правда» № 144.

формам земледелия уже приняла настолько широкий и массовый характер, что самые оптимистические плановые предположения оказываются превзойденными. И весьма характерен тот факт, что из всех важнейших земледельческих районов сообщают о недостаточности и ограниченности пятилетнего плана в части его проектировки темпов обобществления сельского хозяйства.

Если к этому добавить, что сверх плана, превышая плановые расчеты, проходит и контрактация, что только обобществленный сектор и контрактация обеспечивают получение от нового урожая 7,378 млн. тонн хлеба или половину всего плана хлебозаготовок, то вся реакционность правоуклонистских идеологов, требующих для получения «хлеба насущного» равнения на кулака, свободы кулаку и отказа от форсированного строительства колхозов и совхозов, будет особенно наглядна.

Результаты истекшего с.-х. года: рост посевных площадей, при сокращении посевов кулацких хозяйств, бурный рост колхозного и совхозного строительства, рост контрактации, массовое движение бедняцко-середняцких масс деревни к новым, более совершенным формам земледелия, широким фронтом развернувшаяся борьба за урожай, массовое движение в пользу проведения агроминимума, соревнование на лучшие приемы и методы обработки земли, на лучшие хозяйства и т. д. и т. п.,—все это, являющееся свидетельством правильности политики партии в деревне, укрепления бедноты как опоры рабочего класса в деревне, укрепления союза рабочего класса с середняком, похоронной песней звучит для правоуклонистской болтовни о «деградации» сельского хозяйства и «разрыве», «размычке» союза рабочего класса с крестьянством.

Своей правильной политикой в деревне (наступление на капиталистические элементы и организация деревенской бедноты, форсированное строительство совхозов и колхозов и стимулирование бедняцко-середняцких крестьянских хозяйств) партия уже достигла значительных результатов, результатов, превосходящих по ряду важнейших показателей предположения пятилетнего плана. Но ни на одну минуту не следует забывать, что мы находимся в начале того великого пути, который должен завершиться полным обобществлением сельского хозяйства и уничтожением противоположности между городом и деревней, между рабочим и крестьянином,—построением социализма. И чем успешнее пойдем мы по этому пути, чем больше и значительнее будут здесь наши успехи, тем более будет нарастать сопротивление капиталистических элементов, тем упорнее и настойчивее будут их попытки сорвать дело социалистического строительства и тем решительнее мы должны подавлять это сопротивление, тем беспощаднее должны пресекать всякие попытки помешать, сорвать дело социалистического строительства. Не могло бы быть ничего более опасного, как, успокоившись на первых наших успехах в деле социалистического переустройства деревни и наступления на кулачество, впасть

в маниловщину, предаться самолюбованию и почить на лаврах. Враг опасен и силен, и предстоит еще ряд жестоких боев, прежде чем нам удастся его окончательно победить, окончательно выкорчевать и сам капитализм и его корни.

Неослабным темпом должна вестись работа по мобилизации масс бедняцко-середняцкого крестьянства на борьбу за урожайность, за расширение посевов, за переход к новым формам земледелия; неослабным темпом должна вестись работа по строительству новых совхозов и колхозов и укреплению и усилению старых, строительству новых машино-тракторных станций, неослабным темпом должно вестись дальнейшее наступление на кулачество и организация деревенской бедноты—опоры рабочего класса в деревне, в его борьбе с деревенским капитализмом, в его работе по обобществлению сельского хозяйства. Не мудрствуя лукаво, не фантазируя, не оригинальничая (в худшем смысле этого слова, когда живую творческую работу, работу в рамках существующей системы, пытаются подменить надуманными схемами), мы можем и должны не только сохранить взятый темп работы, но и постепенно его усиливать, ибо, сомкнувшись с крестьянской массой, раскачав ее, пробудив в ней интерес и стремление к новым методам и новым приемам земледельческой техники, пробудив в ней интерес к новым формам земледелия, мы достигнем такого темпа в этом движении, «о котором мы сейчас и мечтать не можем». А что у нас есть все основания к этому, говорит тот массовый характер движения, свидетелями которого мы являемся.

И с тем большей решительностью нужно бороться с правоуклонистскими настроениями, пытающимися сдержать и задержать живые ростки этого движения, с попытками повернуть движение вспять к уже пройденным этапам в социалистическом строительстве, настроениям, являющимся не чем иным, как «идеологическим отражением напора на советское государство капиталистических элементов, стремящихся повернуть деревню на капиталистический путь». Мы можем полностью выполнить и, как это показал опыт истекшего сельскохозяйственного года, перевыполнить проектировки пятилетнего плана в области сельского хозяйства, но при одном непременном условии: при сохранении и постепенном усилении темпа социалистической реконструкции сельского хозяйства, при вовлечении все более широких масс бедняцко-середняцкого населения деревни на путь активного преодоления отсталости с.-х. производства, самостоятельной организации бедноты и беспощадной борьбы с кулачеством, с его попытками сорвать дело социалистического строительства. Производственные совещания в деревне, система агроуполномоченных, наблюдение и контроль за работой по дальнейшему под'ему индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств, проверка выполнения заданий по производственному обслуживаию сельского хозяйства, помощь и организация деревенской бедноты и т. д. и т. п. должны стать в центре внимания нашей общественности и всего партийного, советского и хо-

зяйственного аппарата. Именно здесь сейчас то звено в цепи социалистического строительства, ухватившись за которое мы удержим в своих руках и всю цепь, окончательно выкорчуем корни капитализма и обеспечим окончательную победу социализма. И, повторяем, для достижения этих результатов нам нет нужды выдумывать новые формы работы в деревне, новые формы организации бедноты, создание союзов бедноты и т. п. Мы располагаем всем необходимым и достаточным для того, чтобы осуществить намеченную нами программу работ в области сельского хозяйства как в части организации бедноты, так и социально-технической и агрономической реконструкции сельского хозяйства. Но мы еще не научились полностью использовать даже те формы, систему и организацию, которыми мы в деревне располагаем. Больше того, мы из рук вон плохо используем те возможности, которые нам дает организация групп бедноты, сельскохозяйственная кооперация, совет, комитет взаимопомощи и т. д. И не помощью, а помехой являются предложения, идущие не по линии лучшего использования того, чем мы уже располагаем, того, чем мы еще не научились как следует пользоваться, а по линии выдумывания новых форм, новой системы организации.

О величайших возможностях в деле не только выполнения, но и перевыполнения перспективных наметок пятилетнего плана свидетельствует и работа промышленности. Уже с полной несомненностью установлено, что в ряде отраслей промышленности и отдельных производств задания пятилетнего плана будут значительно превзойдены и выполнены в более короткие сроки. Одним из наиболее, пожалуй, ярких примеров является цветная металлургия, где обнаружилась возможность программу пятилетнего плана выполнить в 2—3 года. Из отдельных производств наиболее красочен пример тракторостроения Путиловского завода, где есть все основания полагать, что производственное задание — десять тысяч тракторов — последнего (32/33) года пятилетки может быть полностью выполнено в 29/30 г. Количество таких примеров, когда задание пятилетнего плана оказывается выполнимым в более короткие сроки, растет и множится, постепенно выявляя все те величайшие возможности, которыми мы располагаем и которые мы до сих пор не научились хоть в сколько-нибудь полной степени учитывать. И с этой точки зрения разговоры правых оппортунистов о непомерно высоких и непосильных темпах индустриализации оказались безнадежно битыми в свете тех новейших данных и новейших фактов, которыми располагает наша промышленность. Широким фронтом развернувшееся социалистическое соревнование на базе углубленной самокритики и возросшей активности рабочего класса, дополнительные возможности развертывания производства с введением непрерывной недели, неучтенные резервы рационализаторской работы и развития научно-технической мысли,—все это вносит существенные коррективы в пятилетние проектировки промышленности в сторону дальнейшего повышения их основных показателей.

Но возможности выполнения и перевыполнения плана еще не означают их выполнение и перевыполнение в реальной жизни. Проектировки пятилетнего плана могут и будут выполнены и перевыполнены, если имеющиеся для этого возможности будут полностью реализованы. Без этого все возможности останутся только «возможностями», только хорошими и благими пожеланиями и не больше. И это особенно относится к промышленности, где на ряду с удовлетворительными количественными показателями работы промышленности, мало удовлетворительны качественные результаты работы: снижение себестоимости, производительность труда, качество продукции. Кон'юнктурные данные о работе промышленности за 8 месяцев первого года пятилетки показывают, что при росте продукции в основном в соответствии с заданиями плана (20,8%), производительность труда отстала от планового задания (15,5% против 17,5% по плану), равно как не выполнено и намеченное снижение себестоимости при некотором ухудшении к тому же качества продукции. Конечно, эти данные еще не являются окончательными, а плановое задание еще может быть выполнено как по линии производительности труда, так и снижения себестоимости, но все же эти кон'юнктурные данные, охватывающие 2/3 хозяйственного года, не могут не внушать тревоги и беспокойства. Выполнение плана в части качественных показателей его работы потребует величайшего напряжения, величайшей энергии и воли как рабочего класса, так и инженерно-технического и административно-хозяйственного персонала. И сюда, на эту сторону работы промышленности должно быть обращено особое внимание. Дело выполнения пятилетнего плана — дело всего рабочего класса и всех его организаций, дело всей партии, всех профессиональных организаций. Общим делом должно быть и выполнение первого годичного отрезка этого пятилетнего плана. Жесточайшим заблуждением было бы думать, что достижение как количественных, так особенно качественных показателей работы промышленности возможно «самотеком», «само по себе», без активного участия самых широких слоев рабочего класса, без его величайшей организованности и дисциплинированности, без активного участия и помощи в этой работе со стороны профессиональных и партийных организаций, без активной помощи всей советской общественности и в первую очередь печати.

Повторяем, у нас нет оснований сомневаться в выполнении годового плана промышленности в целом, но его выполнение потребует добавочных усилий и добавочного нажима на все рычаги, воздействующие на качественную сторону работы всего производственного аппарата. А что эти добавочные источники у нас есть, что этими нужными нам рычагами мы располагаем, об этом свидетельствует в первую очередь та возросшая активность рабочего класса, которая нашла свое выражение в социалистическом соревновании, в новых, социалистических формах организации труда.

Истекший сельскохозяйственный год, ход работ промышленности и в частности капитального строительства со всей очевидностью и убедительностью свидетельствуют, что, несмотря на те трудности, которые перед нами стояли и стоят, у нас есть все основания полагать, что проектировки пятилетнего плана будут не только выполнены, но и превзойдены. Но это потребует величайшего напряжения в работе, решительной борьбы со всякими попытками ослабить взятый темп индустриализации страны и социалистического переустройства деревни, решительной борьбы со всякими идейными шатаниями и в первую очередь с правым уклоном, остающимся нашим главным врагом и главной опасностью, дальнейшего развертывания борьбы с капиталистическими элементами и упорной работы над организацией широких масс деревенской бедноты.

Правильность и дальновидность политики партии с величайшей убедительностью подтверждается всем ходом нашего хозяйственного и политического развития. Под сокрушительным напором фактов окончательно развалилась троцкистская оппозиция, лучшие представители которой вынуждены были признать свои ошибки, признать всю вздорность и необоснованность своей критики политики партии и партийного режима. Такую же участь готовит судьба и правым уклонистам,—откровенно-оппортунистическим настроениям в рядах партии,—и примиренцам. И чем скорее это будет, чем скорее признают они глубочайшую ошибочность и величайший вред их политической позиции, тем лучше будет и для рабочего класса, и для партии, и для дела социалистического строительства. А этого, в свою очередь, мы достигнем тем скорее, чем решительнее и энергичнее, чем беспощаднее мы будем разоблачать ошибки правых уклонистов и примиренцев, чем последовательнее будем вскрывать и разоблачать отрыжки троцкистских настроений.

К новым, социалистическим формам организации труда через социалистическое соревнование двинулись сотни тысяч пролетариев, к новым, социалистическим формам организации земледельческого труда двинулись широкие массы бедноты и середнячества. В движение пришли подлинные массы, охваченные подлинным энтузиазмом в деле социалистического строительства, и в этом лучшая и надежнейшая гарантия того, что все наши самые оптимистические расчеты и предположения будут далеко превзойдены самой жизнью. В движение пришли подлинные массы рабочего класса и трудящегося крестьянства, и наша важнейшая задача заключается в том, чтобы на ряду с вовлечением все новых и новых слоев трудящихся в это великое движение, в эту великую работу социалистического строительства упорно и настойчиво работать над организацией этого движения, над введением его в организованное русло, обеспечивающим ему наивысший эффект, наивысшие результаты.

Д. Петровский.

Международный Красный День и ренегаты коммунизма.

После майских дней социал-демократы поняли смысл и значение антиимпериалистического дня, провозглашенного VI конгрессом Коммунистического Интернационала. На Отто Вельса была возложена тонкая задача—об'яснить, под какими лозунгами необходимо вести борьбу против Международного Красного Дня. Необходимо признать, что Отто Вельс вполне справился с этой тонкой задачей, дав социал-демократии, стало-быть, и всей буржуазной Германии превосходнейший ассортимент весьма убедительных аргументов, помогающих под знаком пацифизма и демократии проводить нагло фашистскую политику в отношении рабочих, подымающихся на борьбу против империалистических войн.

Говоря о 1 августа, Вельс вспомнил обращение немецких социал-демократов после издания исключительного закона против социалистов (1878 г.): «Никаких насилий, не давайте увлечь себя путчем!». Об этих словах вождь немецких социал-фашистов вспомнил после того, как он перед всеми министрами и полицейпрезидентами на магдебургском с'езде социал-демократии обосновал правильность действий Цергибеля и необходимость расправы с берлинскими рабочими, дерзнувшими участвовать в международной пролетарской демонстрации в день 1 мая. Если связать воедино первую часть речи Вельса с заключительной ее частью, то получится, что честные пролетарии должны воздерживаться от всяких выступлений и в особенности от всяких насилий, а социал-демократическая полиция, в свою очередь, должна жестоко карать тех, кто дерзает проявить малейшее неповиновение законным властям. С точки зрения этой философии уже легко было развить и обосновать социал-фашистскую тактику в отношении к Красному Дню. Начал Вельс с того, что «берлинское майское выступление коммунистической партии Германии представляет собой новое звено в цепи боевых мероприятий, которые в своей совокупности называются новой тактикой коммунистической партии Германии и большевистского Интернационала», а закончил он эту часть своей речи следующим заявлением: «Новейшим лозунгом (коммунистической партии Германии) является дальнейшее продвижение «пролетарской революции» в антивоенный день 1 августа с применением политического и технического опыта, накопленного в день 1 мая в Берлине. Это есть открытый призыв к новому путчу».

Всю последнюю тираду вечерний «Форвертс» («Дер Абенд») выделил в особый абзац, напечатанный жирным шрифтом (см. отчет о магдебургском с'езде в газете «Дер Абенд» от 27 мая).

Итак, организация антивоенного дня непосредственно связана с первомайскими боями, и она ставит своей задачей не то пролетар-

скую революцию, не то неподготовленное вооруженное восстание (путч). Министр внутренних дел Зеверин, выступая через неделю на полицейском с'езде, выразил эту мысль короче и проще, приспособляясь более к полицейской аудитории: «Коммунисты об'явили к 1 августа революцию». (См. «Форвертс» от 4 июня с. г.).

Нет надобности особенно распространяться, зачем и почему социал-демократии понадобилась легенда о революции и о путче. Для всякого, кто следил за ходом работы магдебургского с'езда, ясно, что эта интерпретация антивоенного дня составляет важную часть всей программы диктатуры против пролетариата. Но даже после того, как социал-демократы открыто приняли военную программу, они все же не смогли оправдать репрессивные меры против антивоенных демонстраций. Надо было во что бы то ни стало изобразить Красный День, как начало грозного восстания, направленного против всей «демократической цивилизации».

В свете поучений Вельса и Зеверинга рассмотрим теперь высказывания коммунистических ренегатов по вопросу об антивоенном дне.

Перед нами лежат две газеты—двух противоположных ренегатских групп: 1) «Знамя Коммунизма» (от 12 июля с. г.)—орган германских «ультра-левых», называющих себя «ортодоксальными марксистами-ленинцами»; и 2) «Рабочая Политика» от 13 июля — орган саксонских брандлеристов. В названных газетах обе группы пытаются определить свое отношение к антивоенному дню. Характернее всего то, что брандлеристы и троцкисты начинают свои статьи почти одними и теми же словами, а именно указанием на то, что вопрос об антивоенном дне был выдвинут после майских дней. Статья в газете «Арбейтер Политик» начинается следующими словами: «сейчас же после майской акции появилось воззвание западно-европейского бюро Коммунистического Интернационала...», которое «призывает пролетариат к новым демонстрациям в день 1 августа». А статья в ультра-левой газете начинается указанием на то, что в день 4 мая в Берлине Реммеле пустил в ход лозунг: «Организуйте антивоенную демонстрацию в день 1 августа».

Несколько странная хронология. Всем известно, что антиимпериалистический день был об'явлен VI конгрессом Коминтерна задолго до майских дней. Известно также, что еще 11 марта в Берлине, т. е. в столице той страны, где обе ренегатские группы издают свои газетки, состоялась международная коммунистическая конференция, приурочившая антивоенную демонстрацию к 1 августа. При этих условиях, на первый взгляд может показаться непонятным, почему и Брандлер, и Урбанс сочли необходимым опираться на хронологию Вельса, игнорируя всем известные факты. Смысл этой фальсифицированной хронологии станет вместе с тем понятен, если мы обратимся к содержанию статей брандлеристов и троцкистов. Решив воспринять социал-демократическую философию антивоенного дня, правые и левые ренегаты должны были совершенно независимо от своей воли принять также и историю антивоенного дня.

Начнем сперва с органа «ортодоксальных марксистов-ленинцев». В уже цитированной выше статье мы находим следующий перл: «Из этой оценки положения Коминтерном и КПГ вытекают взгляды на 1 августа, какие каждый марксист и ленинист должен считать путчистскими». О какой же такой страшной оценке положения идет речь? Оказывается, что Урбанс нашел отступление от марксизма и ленинизма в статье тов. Реммеле, в которой последний очень убедительно и вполне по-марксистски доказывает, что события последного времени показывают «нарастание новой революционной волны в старых капиталистических странах». С такой оценкой нынешнего положения архилевый Урбанс никак согласиться не может. И он отнюдь не может и не хочет ограничиться одной лишь критикой антивоенного дня. Он обещает всемерно бороться против путчизма. Угроза напоминает почти угрозу Вельса. Разница лишь та, что Вельс располагает реальной полицейской силой, которой он намерен пользоваться во-всю, а Урбанс лепечет жалкие слова о том, что он и его группа постараются направить антивоенную демонстрацию в правильное русло.

Еще дальше по пути, намеченному Вельсом, идет собрат «Знамени Коммунизма»—новый международный журнал, ставящий себе задачу, под руководством Троцкого об'единить в международном масштабе осколки троцкистских группок. Этот журнал еще не вышел в свет. Его редакция, однако, воспользовалась любезными услугами Урбанса, чтобы сообщить миру свои взгляды на антивоенный день.

Само собою понятно, что этот международный журнал начинает свою статью по шпаргалке Вельса: «Западно-европейское бюро Коммунистического Интернационала призвало рабочих всего мира выйти на улицу в день 1 августа». История антивоенного дня начинается, таким образом,—именно тогда, и именно так, как это удобно и выгодно магдебургскому с'езду социал-фашистов. Мы, однако, вряд ли ошибемся, если скажем, что международный троцкистский журнал значительно больше приблизился к Вельсу, чем его более тощий собрат—в лице «Знамени Коммунизма».

Основной лозунг — откровенный и отчетливый — рождающегося троцкистского журнала сводится к тому, чтобы сорвать августовские демонстрации. «Оппозиция должна направить все свои силы, чтобы этой цели (срыва демонстраций) добиться. Необходимо стучаться во все партийные организации, за спиной которых демонстрации организуются. Необходимо обратиться к передовым элементам профсоюзов. Нельзя щадить усилий, чтобы раз'яснить ошибочность и опасность этой новой идеи (антивоенной демонстрации)». Тут уже не лепет подголоска Вельса, а откровенный контрреволюционный призыв к активной помощи социал-фашистам в их борьбе против антивоенной демонстрации. Накануне майских дней полицейский «Форвертс» занимался агитацией, а социал-демократический полицейпрезидент занимался мобилизацией дубинок и винтовок. Теперь президиум социал-фашистской партии в Германии, а равно и весь II Интернационал получили заверение нового троцкистского журнала, что он непрочь разделить лавры «Форвертса».

К сказанному прибавим лишь, что статья подготовляемого международного троцкистского журнала содержит в себе развернутую программу ликвидаторства не только в отношении Коминтерна и его секций, но и в отношении всех и всяких революционных действий рабочего класса. Все и всякие выступления откладываются до того момента, когда широкие массы начнут бурно переходить от социал-демократии к коммунизму. А до того времени задача троцкистов сводится к тому, чтобы... всемерно поддерживать реформистов.

По вопросу о Красном Дне левые «троцкисты» полностью сошлись с брандлеристами. В уже цитированной статье из газеты «Рабочая Политика» брандлеристы пытаются развить и обосновать основной тезис Вельса о путчистском характере антивоенного дня. Анализируя воззвание западно-европейского бюро, газета пишет: «Одновременно указывается на то, что «решительный поворот», начатый 1 мая в Берлине, должен быть подчеркнут в демонстрациях 1 августа

и что опыт майских битв должен быть также использован в «техническом отношении». Так как каждый рабочий знает, что берлинская майская акция представляла собою выражение изолированной путчистской тактики, то рабочий класс умозаключает, что в день 1 августа эта стратегия будет применяться в увеличенном масштабе». Пусть читатель сравнит эту выписку с заявлением Вельса—и он увидит, что по существу брандлеристы только более многословно передают основную мысль Вельса. Отметим также, что передовая в центральном органе брандлеристов («Против течения»—от 13 июля) по существу содержит в себе лишь перепевы основного мотива Вельса: «Вывод тот, что 1 августа, стоящее под знаком обострения ультра-левого курса, может означать только: фиаско, демонстрацию прогрессивной изоляции партии от масс, ее немощи».

На примере Красного Дня мы, таким образом, видим, как правые и «левые» ренегаты ускоренным темпом возвращаются в лоно социал-демократии. Сие обозначает, что коммунистические партии, очистившись от этих социал-демократических элементов, окрепли и стали более боеспособными. Невзирая на единый буржуазный фронт против антиимпериалистического дня, мы наблюдаем, что подготовка к нему вызывает оживление в рабочем движении всего мира. Само собою понятно, что размах подготовки к антиимпериалистическому дню в различных странах обусловлен целым рядом факторов: силой коммунистических партий, остротою революционного положения, степенью очищения партий от оппортунистических тенденций и преодолением примиренчества к уклонам. Несомненно, однако, что все секции Коминтерна сумели развить большую энергию в деле мобилизации рабочих и трудящихся на активную борьбу против войны и военной опасности, в защиту СССР.

Мы уже теперь можем указать на некоторые важные достижения в процессе развития кампаний.

В различных капиталистических странах коммунистическим партиям удалось нанести сокрушительный удар скрытому, а потому и опасному оппортунизму, сказывающемуся в недооценке военной опасности вообще и в отрицании все более обостряющейся военной опасности против первой страны пролетарской диктатуры. Удар по этому виду оппортунизма особенно чувствителен для социал-демократии—и в первую очередь для ее так наз. левого крыла,—призванной маскировать военные приготовления. Скрежет зубовный всей социал-демократии и ее подголосков в лице коммунистических ренегатов против антивоенного дня тем и обусловлен, что кампания по подготовке демонстраций 1 августа уже ребром поставила вопрос о созревающей военной опасности и о ленинских методах борьбы против нее в противовес пацифизму так наз. левой социал-демократии.

Другим важным достижением кампании является действительное осуществление единого фронта снизу. Вся обстановка классовой борьбы создает благоприятные условия для сплочения низовых пролетарских организаций, а равно и неорганизованных рабочих вокруг коммунистических партий. По мере того, как социал-демократические партии, а равно и реформистское руководство профсоюзами все более сращиваются с государственным аппаратом и с экономическими органами финансового капитала, коммунистическая партия становится единственной партией, могущей об'единить рабочие массы—организованные и неорганизованные—в борьбе против капитализма и империализма.

Уже майские дни в Берлине показали нам огромное политическое значение органов единого фронта, создаваемых непосредственно на предприятиях. Берлинский опыт теперь значительно расширяется, выходя далеко за рамки Германии. Органы одиного фронта снизу создаются во Франции, в Австрии, в Англии и в целом ряде других стран. Крайне характерно, что именно против этих методов осуществления единого фронта особенно резко выступают немецкие брандлеристы. Они с болью в сердце глядят на то, как коммунистическая партия уничтожает все те мосты, которые брандлеристы хотели бы перебросить между фашизирующейся социал-демократией и готовящейся к решительным битвам мировой коммунистической партией.

Антивоенные кампании играют также огромную роль в деле подготовки коммунистических партий к будущей решающей борьбе за диктатуру пролетариата. Теперь ни для кого не тайна, что борьба против Красной маевки проводилась буржуазией под знаком беспощадной войны против революционного авангарда пролетариата. Германская буржуазия через посредство германской социал-демократии, возглавляющей коалиционное правительство, прибегла к непосредственной военной оккупации революционных пролетарских центров. Французская буржуазия провела, со своей точки зрения, успешную репетицию дезорганизации революционных рядов при помощи предварительных массовых арестов. Учет уроков майских дней в том и заключается, чтобы изучать ту реальную обстановку, в какой буржуазия подготовляет новые империалистические войны и организует свои силы для гражданской войны против рабочего класса. Но «наука побеждать» усваивается не из учебников, а непосредственно на поле битвы. Активная борьба против военной опасности до наступления войны является той школой, в которой рабочий класс подготовляется к практическому осуществлению ленинского лозунга о превращении войны империалистической в войну гражданскую.

К. Розенталь.

Куда растет правый уклон.

Правый, откровенно-оппортунистический уклон об'явлен партией главной опасностью. Борьба с правым уклоном и его преодоление поставлены как одно из важнейших условий в деле разрешения задач социалистического строительства, выполнения пятилетнего плана развития народного хозяйства, темпа индустриализации страны и роста обобществленного сектора в сельском хозяйстве.

Между тем до сих пор в рядах партии есть такие элементы, которые не видят и не понимают всей опасности, грозящей нам со стороны правого уклона, до сих пор в рядах партии есть такие элементы, которые, с удивлением оглядываясь вокруг себя, «тщетно» ищут и не находят признаков правого уклона. Больше того, до сих пор в партии есть такие элементы, которые, на словах признавая правый уклон главной опасностью, на деле занимают примиренческую к нему позицию, на деле являются его проводниками. И надо сказать, что в этом одна из серьезнейших опасностей правого уклона.

Правые уклонисты тщательно маскируют свое несогласие с основными решениям партии, правые уклонисты тщательно маскируют свое несогласие с партией и по вопросам индустриализации страны, и по вопросам обобществления сельского хозяйства и наступления на капиталистические элементы города и деревни. Они не рашаются выступить прямо и открыто с критикой партийного курса и партийной политики, но тем упорнее и настойчивее ведут они борьбу против практического проведения их в жизнь. И именно потому-то и необходимо решительное разоблачение идеологии и практических предложений правых уклонистов.

В чем согласны и в чем несогласны с линией партии правые уклонисты? Откуда начинается их расхождение с партией? Каковы их практические предложения и чем и как они обосновываются? На все эти вопросы с той или иной степенью «откровенности» или вернее «маскировки» представители правого уклона свой ответ дали. Но едва ли не наиболее красочным и ярким документом, воистину откровенной и развернутой платформой правого уклона являются «тезисы» И. Предейна Все скрытое, недоговоренное и замаскированное в выступлениях и документах правых уклонистов здесь блистает во всей своей непривлекательной наготе. Все тайное стало явным, и мы имеем перед собой полную картину не только того, что собой представляет правый уклон, но и куда он растет, на чьи симпатии он рассчитывает, выразителем чьих интересов он является.

«В чем сущность расхождения?»—этим сакраментальным вопросом начинает свои тезисы И. Предейн и отвечает:

«... В вопросах о том, как дальше вести строительство крупной индустрии, как строить социализм в нашей стране, как использовать классы, какие установить взаимоотношения с крестьянством—продолжать ли политику нэпа в таком виде, как предлагал т. Ленин, нужно ли в настоящий период вести решительное наступление на капиталистические элементы в нашей экономике,—во всех этих вопросах я расхожусь с большинством партии».

[1]) И. Предейн — член ВКП(б) с 1920 г., выступивший с этими «тезисами» в Киеве в апреле 1929 г., исключен из партии как последовательный и убежденный сторонник правого уклона, полностью разошедшийся с генеральной линией партии и ведущий против нее борьбу. *Ред.*

Нельзя не признаться, что диапазон разногласий у И. Предейна с партией не мал. Во всех основных вопросах партийной политики И. Предейн расходится с партией, имеет свою отличную от партийной точку зрения; и по вопросу строительства крупной индустрии, и по вопросу путей и методов социалистического строительства, и по вопросу оценки роли классов в этом строительстве, и по вопросу о характере наших взаимоотношений с крестьянством, и по вопросам наступления на капиталистические элементы в нашем хозяйстве. По всем этим вопросам И. Предейн расходится с партией. В чем же он с партией «сходится»? Об этом в тезисах И. Предейна, вообще говоря, не упоминается. Но с тем большим усердием, «добросовестностью» и тщательностью он устанавливает «пункты» расхождения:

«Начну с решений последнего пленума Центрального Комитета партии.

«Вот что решил ноябрьский пленум: «Твердо проводя курс на индустриализацию страны, обеспечив решениями правительства рост капитальных вложений в текущем году, необходимо в то же время принять все меры к тому, чтобы поднять сельское хозяйство вообще, зерновое хозяйство в частности и производство продовольственных хлебов в особенности, всемерно развивая производительные силы деревни, при все возрастающем ограничении капиталистических ее элементов, строя совхозы, поощряя и всемерно поддерживая коллективные формы сельского хозяйства (колхозы, коммуны, артели и т. д.) и всемерно усиливая хозяйственный стимул бедняцких и середняцких масс крестьянства» (Из резолюц. ноябр. пленума ЦК ВКП(б)).

«Как видите,—продолжает дальше И. Предейн, приведя эту ссылку из решений ноябрьского пленума,—прежде всего пленум предлагает обеспечить рост капитальных вложений. Затем «в то же время» поднять производительные силы деревни, все больше и больше ограничивать капиталистические элементы деревни, строить совхозы и колхозы и, наконец, дать стимул развитию бедняцких и середняцких хозяйств.

«Сознательно не вдаваясь в критику этого плана, я заявляю, что этот план неверный».

Этот заключительный аккорд не может не вызвать восхищения: «не вдаваясь в критику», утверждаю, что «план неверный»...

Почему? Что здесь «неверного»? С чем И. Предейн «не согласен»? Или он действительно «сознательно» обходит эти вопросы, «сознательно» не вдается в критику? Такое предположение было бы, конечно, сущим пустяком. Его «ироническое» раз'яснение решений ноябрьского пленума, его «пункты» «расхождения» с партией, наконец, все дальнейшее содержание «тезисов» свидетельствуют об обратном.

О союзе с середняком и наступлении на кулака.

Центральным пунктом «тезисов» И. Предейна является, натурально, проблема союза рабочего класса с крестьянством. Именно в этом пункте находят самое «слабое» звено партийной политики все правые уклонисты, и именно сюда направлен огонь предейновской критики.

Союз рабочего класса с крестьянством находится под угрозой! Вместо «смычки» мы получили «размычку» с середняком! Середняк об'явил бойкот

неверной политике партии, и в результате вместо под'ема сельского хозяйства мы имеем его деградацию, имеем попятное движение, движение назад! Промышленность оторвалась от своей с.-х. базы, партия ведет страну к тягчайшим потрясениям и кризисам и

«во имя интересов пролетариата, во имя интересов пролетарской революции, я буду бороться,—заявляет И. Предейн,—за то, чтобы изменить политику, которая ведет не только к «деградации» сельского хозяйства, но и к срыву социалистического строительства».

Лозунги и утверждения правых уклонистов находят самое недвусмысленное завершение в угрозе И. Предейна бороться за изменение партийной политики, бороться с решениями партии, ибо они ведут к «срыву социалистического строительства». До таких обвинений партии, до таких прямых угроз по адресу партии не договаривался еще никто из правых уклонистов, но отнюдь не потому, конечно, что это не вытекало из всей их системы взглядов.

Итак, центральным пунктом обвинения партии со сторны правых уклонистов является утверждение, что партия забыла ленинское учение о смычке, союзе рабочего класса и крестьянства. Именно отсюда «танцует» И. Предейн.

«Сомкнулись ли мы вместе с массой трудового крестьянства? Не мечты ли нами овладели снова? — По-моему, в погоне за сверхбыстрым темпом индустрии, мы отрываемся от основной массы крестьянства. И чтобы замазать пропасть этого отрыва, мы изо всех сил потянули бедняцкое и середняцкое крестьянство по пути новых форм смычки (коллективизация).

«С такой силой тянуть крестьянство в коллективы нам приходится потому, что экономической базы для массовой коллективизации сельского хозяйства у нас пока нет.

«Думать теперь о массовой коллективизации сельского хозяйства, теперь, когда только еще начинает строиться крупная индустрия — думать так значит уподобиться народникам 60-х, 70-х годов XIX столетия, мечтавшим о крестьянской общине».

Итак, если верить И. Предейну, мы имеем: 1) «отрыв», «пропасть» между рабочим классом и основной бедняцко-середняцкой массой крестьянства, и 2) насильно тянем эти бедняцко-середняцкие массы крестьянства в коллективы, не имея на то материальных предпосылок.

Надо сказать, что если и раньше утверждение о «разрыве» с основными бедняцко-середняцкими массами деревни не имело под собой никакой почвы и никаких оснований, то теперь болтовня о «пропасти», отделяющей рабочий класс от основных масс крестьянства, не может вызвать ничего, кроме смеха над ее автором, желающим доказать «хоть в детски- поздравительных формах свою причастность делу мысли».

В самом деле, попробуйте уложить в прокрустово ложе правоуклонистского тезиса о «деградации» сельского хозяйства тот факт, что в итоге яровой посевной кампании не только был компенсирован недосев осени 1928 года, но и обеспечен рост всей продуктивной площади по СССР на 5,9%! Попробуйте об'яснить, исходя из наличия «разрыва», «пропасти» между рабочим классом и бедняцко-середняцким крестьянством тот факт, что этот рост посевных площадей был обеспечен расширением посевных площадей бедняцко-середняцких хозяйств, перекрывшим сокращение посевных площадей кулацких хозяйств? А между тем именно об этом свидетельствует динамика посевных площадей по социальным группам.

Рост посевных площадей в %% к прошлому году по социальным группам (по кон'юнктурным данным):

	Без лошадн.	С 1 гол. раб. скота	С 2 гол. раб. скота	С 3 гол. раб. скота
Украина (вся)	+10,3	+ 0,9	+ 4,7	—11,3
Сев. Кавказ—вся пл.	+ 8,5	+ 3,2	— 1,3	— 8,7
„ яровая	+ 6,8	+ 6,1	— 1,4	— 5,5
Нижн. Волга вся пл.	+22,4	+ 7,4	+ 2,9	— 2,7
„ яровая	+29,3	+ 8,9	+ 6,1	+ 0,3
ЦЧО—вся площ.	+ 2,1	—	+ 2,7	—10,4
„ яровая	+ 1,9	—	+ 2,6	— 8,4
Крым—вся площ.	+13,4	+ 4,9	— 6,5	—13,0
„ яровая	+35,2	+15,2	+12,7	+ 2,6
Башкирия—вся пл.	+10,5	+ 5,4	— 2,7	— 9,9
„ яровая	+28,9	+14,1	+ 7,7	— 3,3

С какой-то изумительной закономерностью по всем районам наблюдается один и тот же процесс: при сокращении посевных площадей у кулацких хозяйств, посевная площадь растет у бедняцко-середняцких групп деревни, давая наивысшие цифры прироста у бедняцких и маломощных середняцких групп.

Не этими ли данными будут «доказывать» и «иллюстрировать» свое утверждение правые уклонисты и с ними И. Предейн о «разрыве» рабочего класса с бедняцко-середняцкими массами деревни?

Но успешность и правильность политики партии в деревне подтверждается не только ростом посевных площадей у бедняцко-середняцких хозяйств. Мы являемся в настоящее время свидетелями подлинного производственного энтузиазма широких крестьянских масс, откликнувшихся на призыв партии к широкой агрономической технической и социальной реконструкции сельского хозяйства. По предварительным данным Наркомзема РСФСР за время подготовки и проведения весенней посевной кампании было проведено до 60 тыс. производственных крестьянских совещаний, принято до 140 тыс. агроминимумов, выбрано свыше 51 тыс. агроуполномоченных. По ряду районов развернулось социалистическое соревнование как между отдельными крестьянскими хозяйствами и селениями, так и колхозами и совхозами. В борьбе за хлеб, за расширение посевных площадей, за урожайность, за повышенное качество рабочего и мясного скота двинулись подлинные массы бедняцко-середняцких хозяйств. И какой-то чудовищной нелепицей, какой-то бессмыслицей звучат слова правых уклонистов и их новоявленного апостола Предейна о «разрыве», о «пропасти» между рабочим классом и крестьянством, о «деградации» сельского хозяйства!

Союз рабочего класса с основной массой крестьянства не только крепнет и ширится, но все больше и больше принимает характер производственной смычки, совместной борьбы за переделку основ сельскохозяйственного производства. И здесь опять-таки результаты текущего с.-х. года и особенно весенней посевной кампании дают убедительнейшие примеры, убедительные, конечно, для тех, кто умеет видеть, кто умеет понимать суть происходящих в с. х. сдвигов, у кого не надеты фракционные шоры, мешающие ему видеть и понимать происходящее. Удельный вес сортовых посевов возрос по яровому клину (РСФСР) с 4,2% в 1928 г. до 8,3 % в 1929 г. или почти в 2 раза; размеры машиноснабжения в весеннюю посевную кампанию определялись в 82,2 млн. рублей против 49,5 млн. руб. в прошлом году, дав прирост в 66%; общее количество отгруженных тракторов составило на 15 мая по РСФСР (не считая Зернотреста) 2.370 штук; вновь организовано (по РСФСР) 988 прокат-

ных пунктов и 1.379 зерноочистительных пунктов, в результате чего (по неполным данным НКЗ РСФСР) очищено до 25 млн. центнеров зерна и т. д. Наконец, превосходя всякие плановые предположения, развернулась работа по контрактации продукции сельскохозяйственного производства и в частности и в особенности по зерну. На 1 июня было законтрактовано 15,4 млн. гектар, что составляет примерно одну четверть всей яровой посевной площади, а вместе с озимыми законтрактованная площадь определяется в размере 20 млн. гектар. Контрактация сырьевых культур дает превышение по сравнению с прошлым годом на 54%.

Величайшим пустяком, конечно, было бы думать, что все эти достижения могли бы иметь место в условиях «размычки», «разрыва» союза рабочего класса с бедняцко-середняцкими массами крестьянства, в условиях когда их отделяла бы друг от друга «пропасть», как в этом старается уверить в своих тезисах И. Предейн. Но если бедняцко-середняцкие массы деревни на решения и призыв партии ответили расширением посевных площадей, соревнованием за улучшение методов и приемов хозяйствования, ростом контрактации и т. д, и т. п., демонстрируя тем самым свое полное согласие с этими решениями партии, то для кого же эти решения оказались неприемлемы, кто остался ими «недоволен»? Самый беглый взгляд на табличку, рисующую динамику посевных площадей по социальным группам, дает исчерпывающий ответ. Сократили посевные площади кулацкие хозяйства и в некоторых районах зажиточная, верхушечная часть середняцких хозяйств. Явилось ли это чем-либо неожиданным? Ни в какой мере. В условиях форсированного наступления на кулачество иных результатов мог ожидать только человек, ничего не понимающий ни в экономике, ни в политике.

И если брать за критерий характера взаимоотношений рабочего класса с крестьянством эту динамику посевных площадей по социальным группам, то мы могли бы с полным правом сказать: результатом политики партии в деревне явилось дальнейшее закрепление бедноты в качестве опоры рабочего класса в деревне, дальнейшее укрепление и усиление союза рабочего класса и бедноты с середняцкими элементами деревни, при дальнейшем обострении борьбы с кулаком — носителем и выразителем капиталистического начала в деревне.

«Ошибка» правых уклонистов и Предейна заключается в сущем «пустяке»: они смешали в одну кучу и бедняка, и середняка, и кулака и выразителем воли и настроений всех этих слоев деревни сделали... кулака! И, прикрываясь пустой болтовней о бедняцко-середняцких массах деревни, являясь выразителями интересов, чаяний и надежд кулака, они «во имя интересов пролетарской революции», как это имеет, мягко выражаясь, «смелость» заявить Предейн, требуют «изменить немедленно политику» партии, отменить решения о наступлении на капиталистические элементы деревни, отказаться от строительства колхозов и совхозов, ибо-де, это ведет не только к «деградации» сельского хозяйства, но и к срыву социалистического строительства»!

Изволили просчитаться, почтеннейшие, ибо за «деградацию» сельского хозяйства, приняли деградацию кулака, ибо за срыв социалистического строительства приняли широким фронтом развертывающуюся социалистическую переделку сельского хозяйства! Изволили просчитаться, почтеннейшие: слишком уж явно торчат под вашим колпаком кулацкие уши для того, чтобы кто-либо поверил, что вы печетесь «во имя интересов пролетариата и пролетарской революции».

А что это именно так, что под личиной Предейна скрывается защитник кулачества, лучше всего свидетельствуют те предложения, тот план, который И. Предейн противопоставляет решениям ноябрьского пленума.

«С целью создания более прочной материальной базы для индустриализации страны,—пишет И. Предейн,—нужно прежде всего принять меры для развития производительных сил деревни.

«Эти меры должны быть следующие:

1. Понизить налоги на все крестьянство по линии:

а упразднения процентных надбавок на середняцкие и зажиточные хозяйства с доходностью свыше 500 рублей (с доходностью ниже 500 руб процентных надбавок нет);

б понижения прогрессивности единого сельскохозяйственного налога на все хозяйства с доходом, не превышающим 2.000 рублей в год;

в упразднения индивидуального обложения кулацких хозяйств;

г недопущения взимать самообложение свыше 35% со всех крестьянских хозяйств;

д понижения косвенных налогов, т. е. снижения цен на промышленные товары широкого потребления;

2. ликвидировать остатки военного коммунизма и внедрять нэп в деревне, особенно в вопросах заготовок хлеба и сырья;

3. предоставить широкое право участия в кооперации всем слоям крестьянства;

4. дать полную свободу развитию частной кустарной промышленности и сельскохозяйственного ремесла, освобождая кустарей и ремесленников от тяжести налогов;

5. больше, чем до сих пор, развивать легкую и тяжелую промышленность, обслуживающую широкие потребности земледельцев и служащую фактором, повышающим культуру земледелия (химпромышленность, производство с.-х. орудий и т. д.);

6. постепенно, но безотступно строить крупную промышленность и проводить индустриализацию страны на базе развивающегося и растущего сельского хозяйства и легкой индустрии;

7. на основе технического роста страны предоставить полную возможность и поощрять развитие коллективных форм земледелия (коммуны, колхозы, артели и т. д.)».

Весь этот план настолько красочен и ярок, настолько убедительнен в характеристике политической физиономии и политических симпатий его авторов, что не заслуживает специального разбирательства. В самом деле, о каких группах деревни хлопочет И. Предейн, когда требует понижения налогов для всего крестьянства? Ведь, не может не знать автор этого предложения, что 35% всех крестьянских хозяйств—бедняцких и маломощных середняцких—освобождены от сельхозналога полностью. Значит его требование понижения с.-х. налога для всего крестьянства лишь прикрытие, лишь маскировка требования снизить с.-х. налог для зажиточных середняцких и кулацких хозяйств! Так и запишем. Наконец, не интересами же бедняцких и маломощных середняцких хозяйств продиктовано требование И. Предейна о снижении прогрессивности с.-х. налога, об упразднении индивидуального обложения кулацких хозяйств? Требование И. Предейна, за которые он обещает и грозит бороться против партии—требования кулака, ущемленного все возрастающим наступлением на него со стороны социалистических элементов нашего хозяйства.

О ком заботится, чьи интересы берет под свою защиту И. Предейн, когда требует «предоставить широкое право участия в кооперации всем

слоям крестьянства»? Разве этого права лишена деревенская беднота, разве не обеспечено «широкое право участия в кооперации» за середняцкими хозяйствами деревни? Достаточно поставить все эти вопросы для того, чтобы убедиться, что и в данном случае «все слои» крестьянства являются для И. Предейна только синонимом кулачества.

Но И. Предейн не ограничивается этой прямой и ничем не прикрытой защитой кулака. Подменив интересы кулака интересами «всех слоев» крестьянства, превратив кулака в выразителя воли и интересов всего крестьянства, отождествив рост сельского хозяйства с ростом кулацкого хозяйства, И. Предейн требует не больше, не меньше, как проводить индустриализацию страны по мере и на базе развивающегося и растущего кулацкого хозяйства! Это ли не апофеоз, это ли не идеал кулацких мечтаний и надежд!

Но надо отдать справедливость И. Предейну. В своих предложениях он не ограничивается требованием предоставления полной хозяйственной свободы кулаку, избавления кулака от налоговых тягот и т. п. Он не возражает и против того, чтобы «предоставить полную возможность и поощрять развитие коллективных форм земледелия»! Какая умилительная картина, какое трогательное зрелище, какой изумительный «об'ективизм»! И. Предейн воплощение справедливости: требуя полной свободы для кулака, он не возражает и даже готов «поощрять» свободное развитие «коллективных форм земледелия»! Свобода—так для всех: и для кулака и для колхоза; равенство—так для всех: и для кулака и для колхоза—пусть свободно соревнуются!

Какая бездна падения для человека, который именует себя коммунистом! И какая железная логика в этом последовательном развертывании ошибок правых уклонистов!

Понимает ли И. Предейн, что означает претворение в жизнь его предложений?

«Вы видите,—пишет И. Предейн,—что мои предложения дают возможность развития капиталистических элементов города и деревни. Эти предложения, если их провести в жизнь, еще больше укрепят базу капитализма в нашей стране.

«В этом я даю себе полный отчет. Из чего же в таком случае я исхожу, когда выношу такие предложения?

«Из того, что только такой план политики индустриализации страны и строительства социализма обеспечит союз пролетариата с многомиллионным трудовым крестьянством, без которого (союза) немыслима диктатура пролетариата в нашей стране».

Итак, «союз пролетариата с многомиллионным трудовым крестьянством» немыслим вне предоставления кулаку полной хозяйственной свободы, свободы эксплоатировать и угнетать деревенскую бедноту и маломощные слои середнячества, вне снижения налогов на кулака, вне освобождения кулака от индивидуального обложения, вне отказа от методов общественного воздействия, бедняцко-середняцкого крестьянства на кулака, вне предоставления полной свободы кулаку в работе кооперации и т. д. и т. п., короче говоря вне свободного развития капитализма в деревне!

И, рассматриваемый с предейновской точки зрения, «кулак утрачивает свою свирепую, искаженную злобой физиономию и принимает какое-то благодушное, почти ангельское выражение». Кулак—вот оказывается кто выступает в роли благодетеля и покровителя союза рабочего класса с трудовым крестьянством. Не тронь кулака, прекратите безрассудное наступление на кулака—и дело союза рабочего класса с крестьянством будет обеспечено! Иначе—«разрыв», «пропасть» и неизбежная гибель диктатуры пролетариата!

от во имя этой-то «благородной» задачи—за полную свободу кулаку—и призывает Предейн к борьбе с партией!

Но И. Предейн не только требует «во имя пролетариата» свободного развития капитализма. С юношеским темпераментом и энергией он «доказывает» величайшее для «пролетарской революции» значение и пользу свободного развития капитализма, при полной его «безвредности».

«Экономически окрепнувшие капиталистические элементы деревни,—пишет И. Предейн,—нам не страшны. Смешно было бы думать, что оправившийся кулак может взять под свое влияние бедноту. Кулак лишается и должен будет лишаться избирательных прав при избрании сельских советов. Затем—комитеты крестьянской взаимопомощи, группы бедноты, наши ячейки, коллективизация бедноты,—все это достаточно мощные факторы, чтобы избавить через них бедноту от влияния кулака.

Нелепым было бы также предположение, что преимущественно мелкая частная кустарная промышленность и крестьянское ремесло могут подавить нашу индустрию, если дать им свободу развития. Было ли когда в истории, чтобы мелкая промышленность подавила крупную. Марксизм-ленинизм нам говорят как раз обратное: крупная всегда губит мелкую. А раз это так, то зачем же нам бояться развития в стране частной мелкой промышленности, сельскохозяйственного ремесла? Зачем же устанавливать неимоверно большие налоги на этот частный сектор, заранее зная, что таких убийственных налогов никто не выдержит?

Зачем нам бояться капиталистических элементов вообще, когда мы имеем государственную власть, Красную армию, крупную и мелкую промышленность, транспорт, банки и т. д.?

Зачем нам уничтожать частный сектор с помощью административных мер, коли без этого сектора мы пока жить не можем?»

Что имеет общего эта сладенькая либерально-оппортунистическая болтовня с тем, что говорил и писал, чему учил Ленин? «Экономически окрепнувшие капиталистические элементы нам не страшны», потому что политическая власть находится-де в руках пролетариата,—рассуждает Предейн. И не понимает, что укрепление и усиление капиталистических элементов в деревне означает усиление не только их экономической мощи и силы вообще, но и усиление их влияния на бедняцкие и середняцкие слои деревни, ослабляя тем самым влияние рабочего класса! И. Предейн не понимает, что укрепление и усиление капиталистических элементов означает ослабление элементов социалистических, укрепление и усиление их влияния не только в экономике, но и в политике, усиление их влияния на другие классы, на весь хозяйственный и государственный аппарат. И. Предейн решительно не понимает, что опасность перерождения и заключается как раз в том, что укрепляющиеся и усиливающиеся за счет социалистических капиталистические элементы нашей экономики могут по мере своего нарастания взорвать изнутри всю систему пролетарской диктатуры. И. Предейн решительно не понимает, что опасность перерождения, опасность реставрации капитализма тем меньше, чем сильнее социалистичский сектор нашего хозяйства, чем успешнее он ведет наступление на капиталистические элементы экономики, чем слабее влияние капиталистического сектора на всю экономику страны, а следовательно, и на все классы.

Величайшим пустяком было бы думать, что у нас выкорчеваны корни капитализма. До тех пор, пока мелкое хозяйство играет такую крупную роль в народном хозяйстве, как у нас, капитализм «имеет более прочную базу, чем социализм», капитализм представляет собой реальную угрозу, и

важнейшей задачей пролетарской революции является—лишить капитализм его базы, превратив простое товарное хозяйство в хозяйство социалистических производителей.

Только глупец, ничего не понявший и ничему не научившийся у Ленина, может думать, что нам нечего «бояться капиталистических элементов вообще», что практически, на деле вопрос «кто-кого?» уже снят, что классовые бои пролетариата с капитализмом за социализм уже закончены победой рабочего класса.

«Если эксплоататоры,—говорил Ленин,—разбиты только в одной стране, а это, конечно, типичный случай, ибо одновременная революция в ряде стран есть редкое исключение, то они останутся все же сильнее эксплоатируемых, ибо международные связи эксплоататоров громадны».

«Эта историческая правда состоит в том, что правилом является при всякой глубокой революции долгое, упорное, отчаянное сопротивление эксплоататоров, сохраняющих в течение ряда лет крупные фактические преимущества над эксплоатируемыми. Никогда, иначе как в сладенькой фантазии сладенького дурачка Каутского, эксплоататоры не подчиняются решению большинства эксплоатируемых, не испробовав в последней отчаянной битве, в ряде битв своего преимущества» [1]).

«Уничтожение классов—дело долгой, трудной, упорной классовой борьбы, которая после свержения власти капитала, после разрушения буржуазного государства, после установления диктатуры пролетариата не исчезает (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее»[2]).

«Сопротивление эксплоататоров начинается до их свержения и обостряется после с двух сторон. Борьба до конца или «отболтаться», как мелкая буржуазия, социалисты, — писал Ленин в своих тезисах «О диктатуре пролетариата». «Подавление сопротивления эксплоататоров. Об этом, как о задаче (и содержании) эпохи вовсе забывают оппортунисты и социалисты».

Что общего имеет «концепция» И. Предейна, уверяющего нас в «безвредности» и «безобидности» для дела социалистического строительства растущего капитализма, с утверждением Ленина, что:

«на нашей революции больше, чем на всякой другой, подтвердился закон, что сила революции, сила натиска, энергия, решимость и торжество ее победы усиливают вместе с тем силу сопротивления со стороны буржуазии. Чем мы больше побеждаем, тем больше капиталистические эксплоататоры учатся об'единяться и переходят в более решительные наступления» [3]).

С этой точки зрения уже совершенно комическое впечатление производит довод «от войны», приводимый Предейном для обоснования неверности политики наступления на капиталистические элементы города и деревни.

Наступление на капиталистические элементы, — пишет Предейн,—«на данном этапе развития нэпа, при сложившейся международной и внутренней политической и экономической ситуации, абсолютно ничем не оправдывается с точки зрения ленинизма», «оно провалится так же, как, например, провалилось наступление на Варшаву в 1920 г.».

Политика наступления на кулачество, есть политика «разжигания классовой борьбы»,—уверяет Предейн,—между тем «нам невыгодно

[1]) Ленин, т. XV, стр. 466—467.
[2]) Ленин, т. XV, стр. 227.
[3]) Ленин, т. XVI, стр. 347.

разжигать классовую борьбу внутри страны потому, что мы теперь стоим на пороге решающих боев с мировым империализмом».

«Кто будет оспаривать то положение, что для нас будет плохо, если во время войны с империализмом мы будем иметь в нашем тылу врага, готового в любую минуту вцепиться нам в спину?

Кто будет оспаривать, что для нас страшно невыгодно порывать с основной массой середняков в тот момент, когда наша армия во время войны будет состоять наполовину из середняков?

Политика разжигания классовой борьбы внутри нашей страны при данной обстановке таит в себе гибельные для нас последствия».

Как уже неоднократно указывали, кулак у Предейна выступает под разными «марками»: то в качестве «основных масс крестьянства», то в качестве «всех слоев» деревни. Теперь фигуру кулака И. Предейн пытается представить «мирным» середняком. Наступление на к у л а к а превращается у Предейна в наступление на с е р е д н я к а, обострение противоречий с к у л а к о м, превращается в разрыв с «о с н о в н о й м а с с о й с е р е д н я к о в». Цену разговорам о разрыве союза рабочего класса с середняком мы уже знаем! Да и не середняк, как мы могли видеть, интересует И. Предейна. Он болеет душой за кулака. И с точки зрения все той же «пролетарской революции» он боится обострения классовой борьбы с кулаком на случай... «войны с империализмом»!

Нам «невыгодно» вести политику наступления на кулаков, нам «невыгодно» с ним портить «дружеские» отношения для того, чтобы не нажить себе во время «войны с империализмом» «врага в тылу»! А потому надо «отменить» наступление на кулака—и тогда... тогда кулак из врага превратится, если не в «друга», то во всяком случае в фигуру, соблюдающую «дружеский нейтралитет»!

Кулак, соблюдающий «нейтралитет» в борьбе пролетариата с капитализмом—это либо апофеоз человеческой глупости, либо опять же проявление той разновидности политической невинности, которая знаменует «отчасти отсутствие всякого образа мысли, отчасти же отсутствие того смысла, который дает возможность различить добро от зла».

«Я был однажды свидетелем, — рассказывает Щедрин, — редкого и потрясающего зрелища: я видел взбесившегося клопа». Нужно признаться: как ни потрясающее воистину должно быть это зрелище, оно все же меркнет перед лицезрением тех предложений и доводов в их пользу, с которыми выступает Предейн «во имя интересов пролетарской революции»!

О путях развития середняка.

Надо сказать, что «тезисы» Предейна интересны и поучительны и еще в одном отношении: Предейн договаривает в своем понимании путей развития середняка то, что не договаривает кое-кто из представителей правого уклона.

«Совсем не по-ленински,—утверждает Предейн,—ставить вопрос о «возрастающем наступлении на капиталистические элементы деревни», не задевая будто бы этим наступлением середняка. Жизнь после после XV с'езда партии показала, что это наступление уже в значительной степени парализовало производственную деятельность середняка.

Тем, что мы об'явили поход с целью уничтожения капиталистических элементов деревни через систему главным образом налогов, этим мы уже в корне подрезали середняцкие хозяйства и лишили их стимула к развитию.

Значит фактически решения ноябрьского пленума по вопросу о стимулировании развития крестьянских хозяйств относятся только к бедняцким хозяйствам.

«В вопросе наших отношений с середняком мы свернули влево с ленинских позиций», ибо «*развитие середняцких хозяйств есть развитие капиталистическое*».

Мы отбрасываем, как явно обанкротившиеся рассуждения о том, что «производственная деятельность середняка» в результате решений XV с'езда была «парализована». Итоги истекшего с.-х. года со всей очевидностью и убедительностью свидетельствуют, что только совершенно безнадежный человек может утверждать подобную бессмыслицу. Но здесь нас интересует другое: та связь, которую устанавливает И. Предейн между «все возрастающим ограничением капиталистических элементов» деревни и стимулами хозяйственного развития середняка. Ограничение капиталистических элементов деревни означает по И. Предейну, что «мы уже в корне подрезали середняцкие хозяйства и лишили их стимула к развитию», ибо «развитие середняцких хозяйств есть развитие капиталистическое», ибо рост середняка возможен только на капиталистической основе, ибо никаких других путей, кроме перерастания в кулацкое хозяйство у середняка нет. И это чудовищное откровение правоуклонистский Заратустра, единым духом отбрасывающий гениальный ленинский кооперативный план социалистической переделки простого товарного хозяйства, пытается «обосновать» ссылками... на Ленина!

«Вы можете мне не поверить, что развитие середняцких хозяйств есть развитие капиталистическое, — предусмотрительно оговаривается И. Предейн,—поэтому я ниже приведу целый ряд ленинских положений по этому вопросу».

Но вместо «целого ряда» ленинских положений И. Предейн приводит только одно, вообще имеющее отношение к затронутому им вопросу: «Развитие мелкого хозяйства,—писал Ленин в брошюре «О продналоге»,—есть развитие мелкобуржуазное, есть развитие капиталистическое и, разумеется, обмен: это—бесспорная истина, азбучная истина политической экономии, подтверждаемая к тому же повседневным опытом и наблюдением даже обывательским» [1]). Правильно ли это? Безусловно. В *капиталистическом* обществе нет других путей развития у мелкого хозяйства, как путь капиталистического развития. Но в советском хозяйстве, где политическая власть и командные экономические высоты находятся в руках пролетариата, перед мелким хозяйством середняка открывается возможность *принципиально иного* пути развития — через кооперацию к социализму, ибо именно в кооперации «мы нашли,—писал Ленин в статье «О кооперации»,—ту ступень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов» [2]), ибо именно кооперация позволяет «путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина» [3]) перейти «к новым порядкам»—к социалистическим формам хозяйства.

Значит ли это, что в условиях советской системы хозяйства не будет частично и в известной мере происходить развитие мелкого хозяйства, как развитие капиталистическое? Отнюдь нет. Больше того, именно мелкое хозяйство, индивидуальное крестьянское хозяйство является питательной средой для капитализма, именно оно ежеминутно и ежесекундно рождает капитализм. И именно потому-то важнейшей задачей пролетариата в его борьбе

---

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 215.
[2]) Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 139—140.
[3]) Там же, стр. 140.

с капитализмом является уничтожение его корней, лишение его питательной базы. Вырвать же корни капитализма можно, только коллективизировав, обобществив сельское хозяйство, превратив простых товаропроизводителей в производителей социалистических, на основе того самого ленинского кооперативного плана, которого «не заметил», который «проглядел» И. Предейн.

Но всего этого, повторяем, не понял Предейн. Об этом говорит и его защита кулака, и его снисходительное «разрешение» предоставить «полную возможность» развития коллективных форм земледелия, и его утверждение, что к новым формам смычки—коллективизации—«мы изо всех сил потянули бедняцкое и середняцкое крестьянство» только для того, «чтобы замазать пропасть отрыва» «основной массы крестьянства» от «сверхбыстрого темпа индустриализации». От хорошей жизни, — рассуждает кулацкий вождь И. Предейн,—«не потянет» к новым формам смычки, не потянет в коллектив! Тем более, что «экономической базы для массовой коллективизации сельского хозяйства у нас пока нет».

Что можно сказать о человеке, именующем себя коммунистом, который всю проблему коллективизации и обобществления сельского хозяйства, проблему новой, более высокой формы смычки—производственной смычки—представляет себе, как попытку «замазать пропасть» разрыва элементарнейшей экономической формы смычки—смычки в процессе товарооборота? Что, в самом деле, можно сказать о человеке, «у которого ни назади, ни впереди нет ничего, кроме умственного и нравственного декольте»?

Что общего имеет эта «установка» И. Предейна в вопросах коллективизации и переделки простого товарного хозяйства с тем, что говорил Ленин?

«Под соглашением между рабочим классом и крестьянством можно понимать, что угодно,—говорил Ленин.—Если не иметь в виду, что соглашение с точки зрения рабочего класса лишь тогда является допустим, правильным и принципиально возможным, когда оно поддерживает диктатуру рабочего класса и является одной из мер, направленных к уничтожению классов, то формула соглашения рабочего класса с крестьянством, конечно, остается формулой, которую все враги советской власти и все враги диктатуры в своих взглядах и проводят» [1]).

«Теперь пролетариат держит в руках власть и руководит ею. Он руководит крестьянством. Что это значит — руководит крестьянством? Это значит, во-первых, вести линию на уничтожение классов, а не на мелкого производителя. Если бы мы с этой линии коренной и основной сбились, тогда мы перестали бы быть социалистами и попали бы в лагерь тех мелких буржуа, в лагерь эсэров и меньшевиков, которые являются сейчас самыми злейшими врагами пролетариата» [2]).

Так ставил вопрос Ленин. Но с тех пор в понятие «соглашения» между рабочим классом и пролетариатом было привнесено много неправильного, неверного и глубоко ошибочного. В самом деле, что общего между той идеей, которую вкладывал Ленин в понятие «соглашения», «союза» и «смычки» рабочего класса с крестьянством, и утверждением, что колхоз не является столбовой дорогой к социализму, ибо «колхозы являются естественной формой организации бедняцких хозяйств», но не середняцких, для которых «столбовая дорога пойдет через обыкновенную кооперацию—сбыт, закупку, кредит,—словом через сельскохозяйственную кооперацию».

Производственное кооперирование середняка в этой концепции совер-

---

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 257.
[2]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 270.

шенно отсутствует: оно оставлено только бедняку. Середняк же, кооперирующийся только в сфере товарооборота, индивидуальным товаропроизводителем так и остается вечно, навсегда, ибо кооперирование не затрагивает сферы производства, ибо кооперирование не затрагивает основы основ простого товарного хозяйства. Утверждать, что столбовая дорога — это кооперирование в сфере товарооборота и кредита, но не в производстве, что колхозы — это форма кооперации, не свойственная середняцкому хозяйству, это значит держать курс на закрепление мелкого товарного производства, а не на его переделку.

Руководить крестьянством — это значит вести «линию не на мелкого производителя», не на индивидуальное крестьянское хозяйство, а на его кооперирование и коллективизацию, на превращение простого товаропроизводителя в производителя социалистического. И кто сбивается с этой «коренной и основной» линии, кто хочет задачу коллективизации крестьянства задвинуть на задний план, кто требует отказа от форсированного строительства колхозов, кто делает ставку на индивидуальное крестьянское хозяйство, — тот перестал быть коммунистом, тот скатился в лагерь меньшевиков и эсэров. Так ставил вопрос Ленин, и именно так вплотную, практически стоит он перед нами сейчас.

Но свое законченное, логически-завершенное выражение эта концепция находит в «тезисах» Предейна, у которого вся проблема переделки простого мелкого производителя и уничтожения классов превращается в попытку «замазать пропасть» разрыва рабочего класса с крестьянством, у которого вообще отрицается за мелким простым товарным хозяйством другой путь развития, кроме капиталистического, у которого понятие соглашения между рабочим классом и крестьянством естественно и логически становится адэкватным понятию: дорогу кулаку!

Совершенно справедливо, конечно, что пустым болтуном, схоластом и филистером был бы тот, кто попробовал бы эти указания Ленина о переделке простого товарного хозяйства применить без учета конкретной обстановки, кто попробовал бы взять курс на коллективизацию деревни без учета реальной обстановки, без учета того, в какой мере имеются налицо технико-экономические и прочие предпосылки для проведения этой сложнейшей и труднейшей задачи.

Нельзя «нести сразу чисто- и узко-коммунистические идеи в деревню. До тех пор, — говорил Ленин, — пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, гибель для коммунизма.

Нет. Начать следует с того, чтобы установить общение между городом и деревней, отнюдь не задаваясь предвзятой целью внедрить в деревню коммунизм. Такая цель не может быть сейчас достигнута. Такая цель несвоевременна. Постановка такой цели принесет вред вместо пользы».

Так мудро и осторожно ставил Ленин вопрос в 1923 году, когда советское государство только начало выходить из долгих лет голода, нищеты и разрухи, когда советское государство только начало восстанавливать разрушенное империалистической и гражданской войной народное хозяйство, когда только пускались в ход стоявшие до того фабрики и заводы, когда мы еще не прожили пары лет со времени перехода от военного коммунизма к новой экономической политике, когда еще не были созданы материальные основы для постепенного перевода индивидуального крестьянского хозяйства в обобществленное хозяйство социалистических производителей.

С тех пор прошло шесть лет. Народное хозяйство полностью восстановилось. Промышленность не только догнала, но и перегнала довоенный уровень производства. Страна вступила в эпоху реконструкции и величайшего строительства. Уже построены многие десятки новых фабрик и заводов, уже

построен ряд крупнейших районных электрических станций. И на протяжении ближайшего пятилетия будут построены уже не десятки, а сотни новых фабрик и заводов, десятки новых крупнейших электростанций, из которых Днепрострой будет являться одной из крупнейших электростанций мира. Промышленность в последний год пятилетия будет производить 22 млрд. клв.-часов энергии, 75 млн. тонн угля, 10 млн. тонн чугуна, 8 млн. тонн химических удобрений, 65 тыс. тракторов, на 610 млн. руб. различного рода с.-х. машин и т. п.

И естественно, что в этих условиях вопрос о коллективизации деревни встал перед рабочим классом иначе, чем он стоял 6—7 лет назад. Материальные предпосылки для постепенной коллективизации деревни уже имеются и чем дальше, тем больше будут шириться и расти. Рост машинизации, тракторизации и химизации деревни создает именно те условия, которые дают все необходимое и достаточное для социалистической переделки деревни. И тот, кто сейчас, ссылаясь на слова Ленина, сказанные им 6—7 лет назад, попытался бы выступить против курса партии на форсированную коллективизацию деревни, был бы только смешон, ибо воочию доказал бы, что он ничего не понял в ленинизме, что он не способен ни на что другое, как «твердить зады», произносить слова и фразы, не понимая и не вдумываясь в их содержание.

И с этой точки зрения опять-таки факты говорят сами за себя. Лозунг партии о форсированном строительстве колхозов и совхозов подхвачен самыми широкими массами трудящихся, и результаты мы уже имеем налицо. Посевная площадь обобществленного сектора возросла с 2.775 тыс. гектар в прошлом году до 6.106 тыс. гектар в текущем году или на 120%, в том числе посевная площадь колхозов соответственно — с 1.380 тыс. гектар до 4.400, или на 218%, а совхозов — с 1.395 тыс. га до 1.706 тыс. га или на 22%.

Сообщения с мест ярко и убедительно рисуют этот решительный сдвиг в направлении коллективизации деревни.

> «В весеннюю посевную кампанию, — сообщает Сев.-Кавк. край, — площадь посевов социалистического сектора увеличилась вдвое».
>
> «В период весенней посевной кампании, — сообщает тов. Хотаевич, — по Средневолжской области возникло свыше $1\frac{1}{2}$ тыс. новых колхозов против 1.085 намечавшихся по плану. Охватывается этими вновь возникшими колхозами более 35 тыс. крестьянских хозяйств. В числе этих колхозов имеется 22 крупных зерноколхоза, имеющих каждый в отдельности до 22 тыс. га и более посевов. Иных простейших производственно-кооперативных об'единений за этот период возникло 2.880 против 2.100, намеченных по плану».
>
> По Казакстану, — сообщает тов. Голощекин, — «колхозы против 120 тыс. га посева прошлого года, в текущем году засеяли 306 тыс. га. Весь социалистический сектор в прошлом году имел посев в 159 тыс. га, в текущем году — 370 тыс. га. Удельный вес социалистического сектора против 4,2% в прошлом году составит в текущем 8,5% всей посевной площади Казакстана».
>
> «Коллективное строительство в истекшую весеннюю посевную кампанию показывает, — сообщает т. Варейкис из Центрально-Черноземной области, — что темпы, предусмотренные сельскохозяйственной пятилеткой, явно преуменьшены. Нам сдается, что в течение ближайших трех лет будет об'единено крестьянских хозяйств больше 15%.

Темпы коллективизации с каждым годом возрастают. И это естественно, ибо крестьянин все более убеждается на деле в громадных экономических преимуществах коллективного крупного хозяйства.

По плану намечалось организовать 1.025 колхозов — организовано 1.740, об'единяющих 38.912 хозяйств и 258.986 га земли. В ЦЧО насчитывается теперь 4.177 коллективов, об'единяющих 83.762 хозяйства. Земельная площадь колхозов составляет 632.708 га против 328.192 га на 1 октября 1928 года. Посевная площадь колхозов увеличилась в два раза!

Теперь с полным основанием можно заявить: темпы коллективизации, предусмотренные пятилеткой, преуменьшены. Итоги весенней посевной кампании нас в этом еще более убеждают. Работу в области коллективизации можно и необходимо развертывать более решительно, чем это делали до сих пор».

Так говорят факты.

И в этих условиях находятся люди, которые утверждают, что время для строительства колхозов, «еще не приспело», что не созданы еще необходимые для строительства колхозов и совхозов «материально-технические предпосылки», что думать о массовой коллективизации, «значит уподобиться народникам», что лучше синица в руках, чем журавль в небе, что нам нужен «реальный» хлеб, а не фантастический хлеб фантастических совхозов и колхозов, а потому — «во имя пролетарской революции» вперед в атаку против партии, политика наступления на кулака которой ведет «к срыву социалистического строительства».

«Устрашенные и убежденные, брюхопоклонники роют копытом землю, сверкают глазами, скрежещут зубами и показывают кулаки!». Но кого теперь может испугать их воинственный вид? Взяв твердо и решительно курс на коллективизацию деревни, ведя решительно и неуклонно, напряженным и быстрым темпом курс на индустриализацию страны, партия вплотную подошла к выкорчевыванию корней того капитализма, который так дорог и мил сердцу правоуклонистского пророка И. Предейна.

Куда растет правый уклон?

Ответ на этот вопрос едва ли может быть различен. «Тезисы» И. Предейна, являющиеся логическим завершением ошибок правых уклонистов, говорят сами за себя.

И. Предейн не только выступает против наступления на капиталистические элементы нашей экономики, не только выступает противником взятого партией курса на коллективизацию деревни (стране-де нужен хлеб, а не «реставрация» народнических утопий!), не только всячески обеляет и прикрашивает капитализм (и не страшен-то он нам, и «безобиден»-то он!), не только выступает защитником теории: лучше «худой» мир с кулаком, чем «добрая» ссора, но и прямо утверждает капитализм, как извечного пособника, помощника рабочего класса в его борьбе за социализм.

Все это может показаться невероятным, чудовищным, но тем не менее это так. Капитализм в роли извечного пособника социализма — так завершаются откровения правоуклонистского Заратустры.

Было ли у нас такое положение, такое время, когда капитализм выступал в роли пособника социализма? Да было! Это было, то время, когда наша страна переходила от военного коммунизма к новой экономической политике, это было то время, когда были нарушены хозяйственные связи между городом и деревней, когда был нарушен в стране нормальный товарооборот, когда отсутствие этого товарооборота сковывало и подрывало, лишало стимулов развития мелкое хозяйство и в первую очередь крестьянские хозяйства и когда задача оживления товарооборота стояла как важнейшая задача хозяйственной политики партии. Нужно было во что бы то ни стало восстановить нарушенные хозяйственные связи и оживить оборот между промышленностью и земледелием, иначе нам грозило дальнейшее падение производительных сил и земледелия и промышленности, иначе нам грозила полная катастрофа, полный провал и в экономике, а следовательно, и в политике. Так со всей беспощадностью, в упор стояла эта задача перед страной пролетарской диктатуры, едва вышедшей из долгих лет гражданской войны, блокады и интервенций. Все меры были хороши для того, чтобы обеспечить восстановление этих хозяйственных связей, восстановление нарушенного товарооборота, ибо всякий шаг вперед в этом направлении являлся помощью делу социализма. И именно об этом неоднократно говорил и именно эту цель — оживление товарооборота — преследовал Ленин, когда писал в брошюре «О продналоге»:

«Все должно быть пущено в ход для того, чтобы оживить оборот промышленности и земледелия во что бы то ни стало. Кто достигнет в этой области наибольших результатов, хотя бы путем частнохозяйственного капитализма, хотя бы даже без кооперации, без прямого превращения этого капитализма в государственный капитализм, тот больше пользы принесет делу всероссийского социалистического строительства, чем тот, кто будет «думать» о чистоте коммунизма, писать регламенты, правила, инструкции государственному капитализму и кооперации, но практически оборота не двигать.

Это может показаться парадоксом: частнохозяйственный капитализм в роли пособника социализму!

Но это нисколько не парадокс, а экономически совершенно неоспоримый факт» (т. XVIII, ч. 1, стр. 225).

Но посмотрите, какие выводы из этого совершенно бесспорного и полностью оправдавшегося тезиса Ленина делает И. Предейн:

«Как видите — эти положения Ленина не имеют ничего общего с «политикой все возрастающего наступления» на капиталистические элементы, которую мы теперь проводим в жизнь.

Вы мне скажете, что это положение Ленина в течение 6 лет до 1297 года (т.-е. до XV с'езда ВКП(б) было верно, а в 1927 г. уже устарело. Вы повторите слова т. Сталина, что «ленинизм не догма, а руководство к действию», — но это будет все весьма неубедительные слова.

Вы мне докажите, почему это в 1927 году эти положения Ленина устарели и не годятся в качестве «руководства к действию». Ведь эти положения Ленина есть основа нэпа. Если нам больше не нужен нэп, то ответьте, почему же. Я не могу найти на это ответа. Или потому, что мы стали слишком сильные и богатые, а капитализм стал очень слабый и нам больше не нужен, как «пособник социализму»?

Или же, наоборот, потому, что мы слабые, а капитализм сильный и дальнейшее развитие его слишком опасно для пролетарского государства?

Первое вы мне сказать не можете, так как недавно т. Сталин выдвинул совершенно правильное ленинское положение, что «капитализм в нашей стране имеет более прочную базу, чем социализм». А кто имеет «более прочную базу», тот в любое время может стать сильным.

Остается второе, т.-е. капитализм сильный, а социализм еще слабый. Если мы не уничтожим капитализма теперь же, то он нас уничтожит.

Итак вы отвечаете мне только так, что приведенные мною положения Ленина с 1927 г. не годятся «к действию», потому что капитализм в нашей стране имеет большую потенциальную силу, а мы еще слишком слабы. Нужно наступать на капиталистические элементы уничтожать их.

Но позвольте тогда мне задать вам один вопрос. Почему же т. Ленин допускал свободу развития капитализма в 1921 году? Разве мы тогда были сильнее, чем в 1927 г. или в 1929 г.? Или т. Ленин вел тогда крайнюю отчаянную политику, политику риска.

Нужно ли доказывать, что И. Предейн не понял, решительно ничего не понял в ленинской постановке вопроса о капитализме, как «пособнике социализма».

Нужно ли доказывать, что свою роль «пособника социализма» частнохозяйственный капитализм уже давно сыграл, ибо та задача, которая на него возлагалась в первые годы нэпа — «оживить оборот промышленности и земледелия» — уже полностью разрешена. С тем только «неприметным» для И. Предейна «различием», что теперь в основном и решающем товарооборот страны находится в руках обобществленного сектора — государства и кооперации. Удельный вес частнокапиталистического сектора в торговом обороте страны уменьшился с 49,6% в I полугодии 1923/24 г. до 13,9% в 1927/28 году. Таким образом, за истекшие годы не только был оживлен товарооборот в стране, но и в основном и решающем перешел в руки обобществленного сектора. Частнокапиталистический сектор в товарообороте, сделав свое дело, должен был уйти, отступить перед напором наступающих и вытесняющих его социалистических элементов.

И правоуклонистский пророк просто смешон, когда требует возврата к давно пройденному этапу в социалистическом строительстве, когда требует возвращения капитализму отвоеванных, отнятых у него в упорной и тяжелой борьбе тех позиций, которые он занимал в первый период нэпа!

И. Предейн *органически* не понимает всего содержания нашей переходной от капитализма к социализму эпохи. Он не понимает, что весь *смысл*, все *содержание* нашей переходной экономики как раз и заключается в том, чтобы на основе общего роста производительных сил страны более быстро растущим социалистическим сектором вытеснить элементы капиталистические, социалистически преобразуя и переделывая сектор простых товаропроизводителей.

Или капитализм, или социализм — середины быть не может, и жесточайшей, упорнейшей и отчаяннейшей схватке этих двух систем — смысл и содержание эпохи переходного периода.

Повторяем, всего этого не понял И. Предейн. Он против наступления на капитализм, если он слаб — «слабого всякий обидеть может»; он против наступления на капитализм, если он силен — «что вы делаете, не зарывайтесь, не ссорьтесь — он такой сильный!» Короче говоря и потому и поэтому, и в том и в другом случае И. Предейн решительно не согласен с политикой наступления на капитализм... «во имя пролетарской революции»...

Конечно, все эти рекламы правоуклонистского либерализма, «не больше, как прыщи, посредством которых разрешается долго сдерживаемое умственное худосочие». Гораздо существеннее, что все эти рассуждения находят кое-где явно выраженные симпатии.

И. Предейн против наступления на капиталистические элементы, против искусственного насаждения колхозов и совхозов, он требует возвращения назад, отступления от попыток «возрождения» военно-коммунистических

методов хозяйствования... И он не одинок. Ему дружным хором подпевает вся белогвардейская пресса и почти в тех же тонах и почти теми же словами.

«До 1925/26 г., — писал Загорский в милюковских «Последних Новостях»,— новая политика, создавшая условия для постепенного восстановления капиталистического хозяйства, продолжала оказывать положительное действие. Она помогла восстановлению сельского хозяйства и промышленности из тех развалин, в которые их обратил коммунистический эксперимент».

«Кризис нэпа, обнаруженный оппозицией, и состоял в том, что нэп в 1926/27 г. оказался исчерпавшим себя, что он перестал давать нужный хозяйственный эффект. Все, что обессиленное, опустошенное, разоренное за годы коммунизма народное хозяйство могло получить от этой ублюдочной системы, оно использовало. Для дальнейшего восстановления и развития производительных сил страны необходимо было дать этим силам свободу, раскрепостить их от последних пережитков коммунизма. Для этого партия должна была иметь какую-нибудь определенную программу. Но именно на это в 1927 году она уже не оказалась способной».

Но ведь именно об этом хлопочет и И. Предейн! И он требует дать «этим силам», сиречь кулаку и капитализму вообще, необходимую свободу. Партия пошла по другому пути и вместо свободы кулаку повела на него решительное наступление. Но опять же о всей «гибельности» этой политики предупреждал И. Предейн и все тот же... Загорский:

«Одного года социалистического наступления было вполне достаточно для того, чтобы привести к кризису, основной причиной которого и является политика произвести полуконтрабандным путем вторичный коммунистический опыт».

«С того момента, когда форсированная индустриализация была об'явлена неот'емлемым заветом веры всякого правоверного коммуниста и в этом лозунге партия нашла на время удобный выход из обступивших ее со всех сторон затруднений, нынешний кризис явился неминуемым».

Нет, в своей критике партийного курса И. Предейн, конечно, не одинок! Он так трогательно поддерживается органом Милюкова! И. Предейн прокламирует и грозит «бороться» с партией за осуществление его «программы» и его «требований»! Он может быть спокоен: в этой своей борьбе он найдет себе достойных союзников в Загорском, Милюкове и иже с ними.

И. Предейн «не согласен» с решениями партии о форсированном строительстве совхозов и колхозов, он не может примириться с их «искусственным» насаждением, насаждением без достаточных для того материально-технических условий и предпосылок. И здесь опять же И. Предейн, не одинок, и здесь он имеет своих союзников.

«Старым», донэповским временем отдает суетливая возня вокруг колхозов и совхозов», — пишет Д. Далин в «Социалистическом Вестнике».

«Искусственное насаждение колхозов не только не подвинуло вперед социалистического строительства в сельском хозяйстве но, несомненно, способствовало понижению производительности и товарности в тех хозяйствах, которые удалось вовлечь в колхозы», — пишет г-н Загорский в «Последних Новостях».

Это ли не достойная компания, это ли не достойные «союзники» в той борьбе «во имя пролетариата и пролетарской революции», которую начал И. Предейн с партией!

«Последние Новости», «Социалистический Вестник» и И. Предейн, — новоявленный апостол правого уклона — *единым* фронтом и *с единой* программой, под *одним флагом* ведут борьбу с партией, с рабочим классом «во имя пролетарской революции».

Что нужно добавить к этой трогательной и умилительной картине? Чьи интересы выражает и куда растет правый уклон?

«В правом уклоне», — пишет Ф. Дан в «Социал. Вестнике», — выражается всеобщее ощущение, что развитие буржуазно-капиталистических отношений в России есть факт неустранимый как в силу внутреннего развития самой России, так и в силу международной стабилизации капитализма, не дающей возможности самым безудержным фантастам мечтать о «мировой социальной революции» в ближайшие годы. И та платформа «правого уклона», которая сводится сейчас в общих чертах к «замедлению темпа индустриализации», к отказу от нажима на деревню и прекращению «сверхударного» строительства колхозов и совхозов, конечно, представляет собой лишь первый шаг к попытке приспособить политику советского правительства к неустранимым требованиям буржуазно-капиталистического развития и тем создать почву для примирения этого правительства с крестьянами».

«Правый уклон» — это пока лишь неоформленное течение в коммунистической среде с зачаточной платформой»... Представим себе его уже оформившимся в виде организованного движения с продуманной до конца программой. Каковы были бы в этом случае результаты его победы? Обеспечение условий буржуазно-капиталистического развития России при сохранении диктаторского, хотя и буржуазно-переродившегося режима. И все равно совершилось бы это перерождение постепенно и незаметно, или же, что исторически наиболее вероятно, оно было бы отмечено каким-либо «дворцовым» военным переворотом, итог был бы один: завершение экономического «термидора» и увенчание его «термидором» политическим, превращение коммунистической диктатуры в диктатуру откровенно-буржуазную».

Так пишет Ф. Дан, — этот старый и матерой меньшевистский «волк», и потому-то столько «теплого» и «искреннего» сочувствия и похвал расточает правому уклону на своих страницах «Социалистический Вестник».

Куда растет правый уклон? К апологетике и защите капитализма, к отказу от социалистического строительства, к отказу от социализма, в меньшевистско-кадетское болото.

Б. Таль.

Меньшевизм о нашем хозяйственном строительстве.

Советская страна вступила в полосу социалистической реконструкции. Огромный размах социалистического строительства и сложнейшие задачи реконструктивного периода приковывают коллективную мысль нашей партии к многообразным проблемам хозяйственного развития СССР.

Этими же вопросами все больше и больше начинают заниматься деятели зарубежной России № 2. И для проверки нашей линии, так сказать, от противного не вредно посмотреть, что говорят в настоящее время наши враги. Среди них наибольший интерес представляет осторожный меньшевизм, хорошо прошедший оппортунистическую школу II Интернационала и обладающий способностью расшивать наиболее тонкие и хитросплетенные желтые узоры контрреволюции.

Правда, в последнее время даже Керенский хочет вторично увековечить свое имя, провозгласив великий символ веры: «Каждый подлинный революционер прежде всего стремится предотвратить революцию» [1]).

Но меньшевики не уступают пальмы первенства. Последним наиболее крупным литературным явлением на тусклом, пыльном и монотонном небосклоне зарубежного творчества является, несомненно, книжка А. Югова «Народное хозяйство Советской России и его проблемы». (Берлин, 1929 г.). Эта книжка дает сгусток современной меньшевистской философии. Югов— заслуженный столп меньшевистской экономической мысли—обещает не только познакомить читателя с основными линиями развития хозяйства СССР за истекший период, но и намерен дать анализ основных проблем, тенденций и перспектив советского хозяйства.

Прежде чем приступить к разбору этого последнего слова меньшевизма, следует точнее определить позицию его автора. Как известно, среди русских меньшевиков имеется несколько течений, ведущих между собой довольно ожесточенную дискуссию [2]). Югов не принадлежит к «правому» течению, взгляды которого на советскую власть красочно охарактеризовал сам папаша Ф. Дан: «Только застой, упадок, разрушение, обнищание, вымирание могли быть следствием «октября», пока бунт отчаяния опомнившихся масс не положит конец эпилептическому припадку истории и не вернет страну на здоровые пути февраля» [3]). К этой яркой характеристике следует добавить только то, что правые меньшевики вовсе не ограничивались зоологической ненавистью к советской власти на словах, а весьма практически участвовали в интервенции, смыкаясь через «Национальный центр» и «Союз Возрождения» с самыми махровыми черносотенно-монархическими элементами.

---

[1]) «Дни» от 28/IV—29 г. А. Керенский—«Еще раз о ненависти к революции».

[2]) См., например, дискуссионный сборник «Проблемы революции», изд. заграничн. делег. РСДРП.

[3]) Дискусс. сборн. 1 «Проблемы революции», стр. 56, статья Ф. Дана «Наши критики».

Но Югов вовсе не «правый»—нет! Он только состоит с этими самыми правыми в одной партии и хочет показать, какие тяжелые последствия влечет «искусственное насаждение социалистических форм хозяйствования», «какие искаженные формы принимает при этом насильственно прививаемый «социализм», как «утопическая политика» советской власти «вновь и вновь приводит хозяйство страны к кризисам и заводит его в тупик». И Югов намечает свой выход из этого «тупика». Приходится только удивляться, как это меньшевистским «исследователям» не надоело бесчисленное количество раз «вновь и вновь» твердить о том, что советское хозяйство находится в безысходном тупике, с тем, чтобы с каждым нашим шагом вперед повторять октавой выше эту нудную песню сначала. Получается действительно как в песенке:

А старушка смирная
Взяла пук мочала,
Эта песня длинная —
Начинай сначала.

На этот раз меньшевистский экономист пытается выступить во всеоружии теоретического, фактического и исторического анализа, при чем— это специально подчеркивается—статистический материал взят «почти исключительно из советских официальных источников». Правда, у Югова несколько своеобразный подход к этим источникам: так, он именует «советским экономистом» и особенно сочувственно цитирует... пресловутого Альб. Вайнштейна; В. Базарова он об'являет «старым, выдержанным, ортодоксальным марксистом», соответственно развивая некоторые его выводы (особенно по части теории затухающей кривой и т. п.); зато тов. Лященко он характеризует как «л о й я л ь н о г о советского экономиста», рекомендуя соответственно осторожное к нему отношение; а беспартийного тов. В. Свердлова он прямо об'являет «видным коммунистом», очевидно, не будучи в силах представить себе, что беспартийный специалист может быть одним из руководящих работников ВСНХ, Об-ва Варнитсо и т. д.

Но помимо своеобразного отношения к статистическому материалу Югов проявляет совершенно исключительную «свободу» в обращении с историческими фактами.

Он делит всю нашу экономическую политику на два этапа—военный коммунизм и нэп. Он утверждает, что еще «перед октябрьскими днями 1917 года... была намечена вся программа н е м е д л е н н о г о к о м м у н и з м а» [1]).

По Югову не развертывание гражданской войны, интервенция и блокада заставили советскую власть пойти на политику военного коммунизма, а наоборот—и войну и интервенцию, разорение он относит за счет «коммунистических опытов немедленной социализации». Он, захлебываясь, расписывает, как разрушалось хозяйство Советской России (отмечая даже в качестве серьезного преступления большевистской политики, что в городах... исчезли извозчики). Югов злорадно заключает, что «прыжок в царство свободы оказался прыжком в условия дикаря». Эта весьма специфическая меньшевистская история имеет весьма мало общего с действительной историей. Всем известно, что экономическая политика советского государства прошла не два, а три основных этапа: первый этап от октября до развертывания гражданской войны и интервенции (середина 1918 г.), второй этап—военный коммунизм до окончания гражданской войны, третий этап— нэп. Всем известно, что основные принципы первого периода экономической политики советской власти в основном сближались с принципами нэпа. Всем

[1]) А. Югов—«Народное хозяйство Сов. России и его проблемы», стр. 9.

известно, что в полном соответствии с установленными Марксом и Энгельсом основами экономической политики пролетарской диктатуры большевики перед Октябрем специально подчеркивали: «Не «введение» социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны СРД за общественным производством и распределением продуктов» [1]). Всем также известно, что экономическая программа Октября выдвинула принцип национализации наиболее концентрированных участков промышленности (синдикатов и т. п.) и установления рабочего контроля над всей остальной массой промышленных предприятий. Но бешеное сопротивление буржуазии, разжигавшей огонь гражданской войны против пролетарской диктатуры, заставляло советскую власть гораздо быстрее переходить от рабочего контроля к рабочему управлению. Вот пара интересных документов, не укладывающихся в меньшевистскую «историю»: общее собрание Петроградского общества заводчиков и фабрикантов, обсудив 22 ноября 1917 г. изданное советской властью «положение о рабочем контроле», «категорически отвергает классовый негосударственный (!) контроль рабочих над промышленной жизнью страны, декретированный властью, не преследующей в своей деятельности государственных целей и не признанной большей частью населения России». А резолюция представителей Всероссийских торгово-промышленных организаций и Петроградск. о-ва заводчиков и фабрикантов еще яснее: «Обсудив изданное Советом Народных Комиссаров положение о рабочем контроле, собрание признало необходимым, в случае пред'явления в предприятиях требований о введении рабочего контроля, т а к и е п р е д п р и я т и я з а к р ы в а т ь».

В меньшевистской истории имеется один весьма подозрительный из'ян: там очень много говорится о «большевистских утопических экспериментах», но почему-то (очевидно, из чувства соавторской скромности?) очень мало говорится об интервенции, гражданской войне и с о в е р ш е н н о н е у п о м и н а е т с я империалистическая война, нанесшая такие сокрушительные удары хозяйству страны. Между тем только Октябрьская революция могла вывести и вывела Россию из кровавого тупика мировой войны, поставившей хозяйство страны к концу царствования безвременного «временного правительства» на грань полнейшей катастрофы. Большевики, сумевшие разорвать мертвую петлю мировой империалистической войны, почему-то делаются ответственными за ее разрушительные последствия—такова логика меньшевистской истории. Эта логика делает для меньшевиков невозможным понять смысл военного коммунизма и нэпа. Военный коммунизм, по их мнению, это—уродливый продукт безумных большевистских экспериментов по немедленному введению социализма в отсталой России; эта политика свелась к всеобщей потребительской дележке и разорению хозяйства. Высшая мудрость Югова простирается до вывода, что «военный коммунизм... был потребительским коммунизмом» (стр. 112). Соответственно меньшевики оценивают и нэп, как результат катастрофы коммунистической политики, отказ от строительства социализма и возврат на путь «развития производительных сил», с неизбежностью ведущего к капитализму—единственному пути отсталой России.

Меньшевики безнадежно слепы и (по понятным причинам) никогда и не сумеют понять, что «военный коммунизм» был вынужден войной и разорением... Он был временной мерой» [2]). Оценивая период гражданской войны и военного коммунизма, Ленин писал в марте 1921 г.: «Мы жили до сих пор в условиях такой бешеной, неслыханно тяжелой войны, когда ничего, кроме как действия по-военному; нам не оставалось в области экономической». [3])

[1]) См. апрельские тезисы Ленина. Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 19.
[2]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 214.
[3]) Там же, стр. 141.

Такова действительная историческая оценка военного коммунизма. Вместе с тем этот период был попыткой путем решительного штурма одолеть твердыни капиталистической экономики, попыткой, опирающейся на военно-политический союз пролетариата и крестьянства и закрепившей в ожесточенной гражданской войне основы пролетарской диктатуры. Переход к нэпу—переход от штурма к осаде. Нэп—к глубокому огорчению меньшевиков—не отказ от социализма, а путь непосредственного строительства социализма иными методами через решительное развитие социалистических элементов хозяйства, неуклонное вытеснение капиталистических элементов и активную социалистическую переделку элементов докапиталистических.

Наша новая экономическая политика обманула надежды меньшевиков—она не только не привела к возрождению капитализма, но обеспечила быстрый темп восстановления хозяйства СССР и быстрый темп разрешения задач его социалистической реконструкции.

Меньшевикам, — этим прирожденным оппортунистам, — приходится «приспособляться» к создавшимся в СССР условиям. Отрицать наглядные и весьма упрямые факты, рисующие успехи нашего хозяйственного строительства, невозможно. И меньшевики пытаются по-своему раз'яснить и истолковать эти факты. Этому делу и посвящена в основном книжка Югова.

Расправившись с историей, Югов переходит к анализу состояния, перспектив и основных проблем нашего хозяйства. Сказать по правде, никаких «проблем» и «перспектив» у Югова нет. Книжка его представляет серенькую, скучную меньшевистскую жвачку из таблиц, описаний, ссылок с оговорками, оговорок с ссылками, сомнений и недоумений. На этом бесцветном фоне рассыпаны перлы и адаманты «новейших» меньшевистских идей.

Как же меньшевизм «приспособляется» к условиям социалистического строительства в СССР? Как он «оценивает» хозяйственный строй советской страны и перспективы ее развития? Прежде всего Югов повторяет традиционную меньшевистскую «истину» о том, что «и хозяйственные, и социальные условия России, обрекают ее пройти через стадию капиталистического развития» [1]). Но действительность не спешит оправдать этот стародавний, замшелый меньшевистский прогноз. И тут надо отдать должное свойственному меньшевикам мастерству оппортунистической эквилибристики—Югов начинает давать весьма «тонкие» оценки, иногда даже более «левые», нежели, например, грубые утверждения ортодоксального троцкизма и децизма, с большими основаниями оспаривающих у меньшевиков их исконные права передовых борцов на левом фланге антисоветского фронта. Югов не утверждает, что в СССР уже совершился термидор и т. п. Наоборот, он отмечает, например, что в «сохранении» 8-часового рабочего дня «находит свое выражение еще не совсем растраченная революционная сущность советской власти» [2]). По мнению Югова, в СССР «процесс социального преобразования еще не закончен»; больше того—«он еще даже не вполне оформился, он протекает ломаной, зигзагообразной линией» [3]).

Конечно, Югов приводит эти «утонченные» и «компромиссные» формулировки для того, чтобы как-нибудь свести свои теоретические рассуждения с слишком наглядными фактами хозяйственного развития СССР. Но тут же он доказывает, что в Советской России имеется лишь «бюрократический, плохо работающий государственный капитализм и что неизбежно еще большее расширение частнокапиталистических отношений» [4]).

В свете этой «переходной» оценки советского строя представляет большой интерес отношение меньшевизма к планированию нашего хозяйства.

[1]) Цитир. книга, стр. 249.
[2]) Там же, стр. 207.
[3]) Там же, стр. 251.
[4]) Там же, стр. 252.

Советская власть—по Югову, конечно, ставит себе «утопическую задачу планирования всех хозяйственных процессов страны».

Но тут же — по знаменитой исторической меньшевистской системе «оговорочек» — Югов отмечает, что советской системе планирования «нельзя отказать в стройности», что «многочисленные печатные труды и материалы плановых органов СССР имеют бесспорную теоретическую ценность» [1]).

Еще бы—целый ряд побывавших в СССР весьма почтенных иностранных буржуазных экономистов с большим интересом отзываются о системе нашего планирования. Не могут же меньшевики отстать. И Югов снисходительно заявляет, что «работы советских плановых органов будут впоследствии изучаться всяким серьезным экономистом». Но тут же он помещает эту ложку сомнительного меда в бочку дегтя: «Как работы ассирийских астрологов и средневековых алхимиков (!)... легли в основу современной астрономии и химии, так, несомненно, не будут игнорироваться будущей наукой планового хозяйства и работы советских экономистов, несмотря на весь их утопизм и нереальность» [2]).

Дав эту веселую оценку нашей плановой работы, Югов пускается в собственные рассуждения по существу вопроса. Оказывается, «для марксиста ясно, что законченное плановое хозяйство может быть осуществлено лишь в условиях социалистического хозяйства». Какой может быть план в советском хозяйстве? Ведь даже «то, что в высоко развитых капиталистических странах известно под названием организованного капитализма, является лишь первым приближением к плану» [3]). Откуда же возьмется готовый план в меньшевистском социалистическом обществе? Очевидно, он вырастет путем непорочного социал-демократического зачатия из лона этого самого «организованного капитализма». Не даром Югов утверждает, что «еще в недрах капиталистического строя вырастают и развиваются... элементы социализма» [4]). Таков путь к социалистическому плану. За нашим же хозяйством Югов отрицает всякие права на какой-либо план. Завершением характеристики юговского понимания социализма может служить его утверждение (стр. 245) о том, что при коммунизме будет осуществлено право производителя на полный продукт труда. Эта беспощадно разбитая Марксом (см. критику «Готской программы») лассальянская идейка продолжает украшать собою «истинный социализм» меньшевиков—такова «подлинная» наука. Нашим же печальным уделом является «алхимия и австрология».

Югов не ограничивается общей оценкой хозяйства СССР. Он дает свой «обзор» и по отдельным отраслям.

Ведущее начало хозяйства—промышленность—естественно привлекает особое внимание. Нехотя, скрипя, с бесконечными оговорками Югов все-таки вынужден признать, что наша промышленная продукция превысила довоенный уровень и растет быстрым темпом. Но тут же он добавляет, что использованы последние резервы довоенного наследства и дальнейшее развитие промышленности безнадежно упирается в тупик недостатка капиталов. В результате Югов упрекает советскую власть в том..., что она проводит аграризацию страны.

Советские тресты никуда не годятся—«это организмы, пораженные рахитом с первых дней своего зарождения».

Управление промышленностью никуда не годится, и никакие реформы помочь не могут.

[1]) Там же, стр. 222.
[2]) Там же, стр. 226.
[3]) Там же, стр. 228.
[4]) Там же, стр. 242.

В чем же коренная беда? И тут Югов подходит к главному, самому заветному вопросу вопросов меньшевизма—этот вопрос—«непосильность для отсталой России современного об'ема национализации промышленности». Гвоздь в денационализации.

Чрезвычайно характерно, что меньшевизм не видит, не знает никаких проблем развития советской промышленности: ни проблемы развертывания производства средств производства, ни технической реконструкции и рационализации, ни проблемы себестоимости и т. д. и т. п. Меньшевизм знает только одно — проблему денационализации. Этот вопрос он разбирает с особенной тщательностью и вниманием вплоть до отдельных практических подробностей. Так, например, Югов серьезно доказывает, что, проводя денационализацию, советское государство должно «в одних случаях возвращать предприятия их старым владельцам, обеспечивающим их нормальное функционирование, в других—продавать новым русским и иностранным предпринимателям, в третьих—сдавать в долгосрочную аренду» [1]).

Меньшевистская аргументация в пользу денационализации становится в конце концов просто смешной. Денационализация, оказывается, нужна для национализации. Так, Югов сообщает, что если мы проведем денационализацию большей части промышленности—«это будет лучшей убедительной агитацией (!) за национализацию» [2]). Но позволительно будет спросить: зачем, собственно, агитировать (при посредстве денационализации) рабочих СССР за национализацию, когда они с успехом таковую уже осуществили и добились беспримерного в истории темпа развития промышленности, принадлежащей пролетарскому государству?

Это рассуждение целиком в стиле меньшевистской теории вооружения пролетариата во время восстания: меньшевики считали необходимым «вооружать» не оружием, а «желанием вооружаться», а пока предлагают оружие сложить.

А левый меньшевик Валерианов, постоянно ссылающийся на самого «ужасно левого» Отто Бауэра, говорит не только о необходимости денационализации большей части госпромышленности, но идет еще дальше, утверждая, что «для того, чтобы национализированная часть русской промышленности могла успешно развиваться, необходимо, чтобы и развитие частного хозяйства было поставлено в максимально благоприятные условия» (!!) [3]).

Поистине —

Вот тебе смысл глубочайших книг,
Вот это тебе суть науки всей.

Этот мотив — денационализация, восстановление «в максимально благоприятных условиях» капитализма — красной нитью проходит через все осторожные рассуждения Югова. И в отношении внешней торговли, и в вопросе о финансах и денежной системе — везде Югов ведет к тому же—денационализация—основное условие. «Монопольность государства в промышленной деятельности — одна из самых отрицательных сторон советской национализации индустрии».

Сурово осуждая твердо проводимую в Советской Стране государственную монополию внешней торговли, Югов горячо доказывает, что к этому делу должны быть привлечены «инициатива, активность и капиталы частных лиц» [4]).

Однако, вопрос с госмонополией внешней торговли обстоит сложнее: в программах ряда социалистических партий — товарищей меньшевиков по

[1]) Там же, стр. 61.
[2]) Там же, стр. 60.
[3]) Дискуссионный сборник загр. дел. РСДРП «Проблемы революции», стр. 52.
[4]) Цит. книга, стр. 150.

II Интернационалу — имеется подобное требование (Австрия, Швеция, Швейцария, Германия и др.). Югов находит легкий выход из затруднительного положения — он указывает, что «в государственный орган, руководящий внешней торговлей, предполагается... введение представителей потребителей и частной торговли». Замечательная получится государственная монополия!

Югов недоволен нашей системой внешней торговли. Он считает ее отступлением от нэпа и пережитком военного коммунизма. Он требует, чтобы государство допустило к внешней торговле и «частных лиц», «частные фирмы», и т. д.

Эта теория уничтожения «монополии» советского государства в пользу частника особенно интересно выглядит при разборе вопроса о положении рабочего класса в СССР.

Как и в других областях нашего хозяйственного развития, с грустью, нехотя вынужден Югов признать, что у нас зарплата превысила довоенный уровень. Он вынужден отметить положительные достижения в деле охраны труда, социального страхования, сокращения рабочего дня и т. п. Конечно, все эти «признания» сопровождаются бесчисленными оговорками. Конечно, Югов не указывает, скажем, на то, что положение рабочих в капиталистических странах Европы ухудшается под жестоким давлением наступающего капитала, а положение рабочих в СССР непрерывно улучшается. Многого не указывает почтенный экономист.

Но какие же коренные недостатки нашел он в области положения рабочих?

Оказывается, что решающим недостатком в положении советского рабочего является... «постоянное гнетущее сознание своей полной зависимости от государства-монополиста и в отношении работы, и в отношении жилища, и в отношении пропитания, и в отношении обучения детей» [1]).

Это мрачное рассуждение представляет собою один из самых выдающихся перлов меньшевистской «мысли». Оказывается, что для удовлетворения рабочих СССР необходимо немедленно предоставить им возможность... наниматься в самых широких размерах к капиталистам, снимать квартиры у живоглотов-частников и отдавать детей не в государственные, а в частные школы. Следовало бы предложить А. Югову сунуться с подобной программой к советским рабочим. Можно с уверенностью сказать, что в этом случае «лицо оратора было бы покрыто бурными аплодисментами», и он—в действительно угнетенном состоянии—быстро попал бы в советскую государственную больницу.

В Советской Стране государственная власть принадлежит пролетариату. Это хорошо понимают и чувствуют не только рабочие, но и буржуазия. И в состоянии «угнетения» от растущей мощи советского государства и хозяйства находятся отнюдь не рабочие и идущие за ними массы трудящихся. Развернутое наступление на фронте социалистической реконструкции, проводимое рабочим классом СССР с огромным под'емом, действительно создает кое у кого «гнетущее сознание» безнадежности борьбы против наступающего социализма. Эта паталогическая мысль, очевидно, продиктована Югову его фанатической навязчивой идеей о необходимости денационализации основных командных высот советского хозяйства в целях упрощения возврата к капитализму.

Эта программа постепенной сдачи командных высот пролетарской диктатуры тесно связана с взглядами меньшевизма в вопросе о развитии сельского хозяйства СССР.

[1]) Цитир. книга, стр. 217.

Основной тон Югова в оценке развития советской деревни вполне определенный: из-за политики советской власти «крестьянство нивелируется, лишается всяких стимулов к расширению хозяйства» [1]).

В СССР, конечно, по компетентному заключению Югова, имеет место полная размычка с крестьянством. Наша политика вызывает «острое раздражение» крестьянства. Больше того,—оказывается, что «самые основные интересы крестьянства сталкиваются с современной политикой советской власти» [2]).

В чем же дело? Югов устанавливает три основных группы причин этого явления.

Прежде всего, «товарный голод и неэквивалентные цены сжимают деревню в тисках».

По части ликвидации товарного голода Югов имеет ясную программу—Советская Россия должна быть включена в систему мирового хозяйства без всяких излишних средостений в роде монополии внешней торговли. Уподобляясь Вышнеградскому, прославленному великим принципом — «недоедим, а вывезем», Югов рекомендует нам «равновесие», которое устанавливалось в царской России, где сельская продукция «своевременно и в большом размере экспортировалась, а недостаток в промизделиях пополнялся импортом».

По вопросу о ценах Югов—новоявленный печальник о советском крестьянстве—естественно, считает политику советской власти неправильной. Он против неэквивалентного обмена, он за то, чтобы крестьянство получало «выгодные» [3]) ему цены, обеспечивающие «восстановление» и «расширенное воспроизводство» хозяйства. Хорошо нам знакомая кулацкая теория «восстановительных цен» пользуется большой симпатией меньшевистского экономиста.

Вторая группа причин, задерживающих по Югову развитие сельского хозяйства,—это продолжающееся наступление на капиталистические элементы деревни. Он прямо заявляет, что «борьба против кулака... ударяет по всему хозяйственно самостоятельному крестьянству» [4]). Он с грустью говорит о ведущейся в СССР борьбе с «зажиточным крестьянином», который лишается избирательных прав, облагается высоким налогом, не может свободно покупать сложные машины и т. д. С полной откровенностью Югов заявляет, что «в результате в корне ошибочной политики советской власти по отношению к деревне из сельского хозяйства за последние годы выкачивались все его накопления и одновременно у крестьянина отнимались стимулы к увеличению благосостояния (гонение на «кулака»)» [5]).

В тесной связи с этим находится устанавливаемая Юговым третья группа причин всех наших бед. Она заключается в «утопической» идее, порожденной «левым зигзагом» политики советской власти,—в строительстве совхозов и колхозов. Всю работу в этом направлении Югов считает вредной утопией рецидивом военного коммунизма, который может только очень болезненно отразиться на сельском хозяйстве.

Но меньшевистский пророк не ограничивается категорическими утверждениями о том, что вся эта политика «заранее обречена на провал». Он решительно противопоставляет развитие совхозов и колхозов «всему крестьянству» и доходит в характеристике колхозов до совершенно исключительных, диких формулировок: «Советская власть в форме колхозов снова воскрешает своеобразную кабальную общину» [1]).

---

[1]) Там же, стр. 30. См. также стр. 81, 85, 86 и др.
[2]) Там же, стр. 87.
[3]) Там же, стр. 143.
[4]) Там же, стр. 101.
[5]) Там же, стр. 257.

Таковы основные взгляды меньшевизма по вопросам, связанным с сельским хозяйством и его развитием. Это довольно откровенная программа «свободного», т.-е. капиталистического развития деревни, являющегося основой постепенного капиталистического перерождения всего хозяйства СССР. Не трудно увидеть действительную социальную природу этой «аграрной программы» меньшевизма. Это—всесторонне разработанная программа кулака. Наступление на кулака Югов изображает как борьбу со всем крестьянством, работу по социалистической реконструкции сельского хозяйства он об'являет гибельной утопией и т. д., и т. п. Истошный вой кулака, начинающего ощущать первые результаты развернутого социалистического наступления и переходящего в контр-атаку, отчетливо слышен в ламентациях почтенного меньшевистского теоретика.

Вместе с тем следует отметить, что в оценке Юговым положения советской деревни слышится очень много ноток, созвучных с программой правых в ВКП(б). Не даром в вопросе о деградации сельского хозяйства Югов сочувственно ссылается на т. Фрумкина (стр. 257).

Для завершения характеристики меньшевистских взглядов по вопросам хозяйственного строительства в СССР, следует привести вольные размышления Югова на тему о свободе торговли. Конечно,—рассуждает он,—«назвать свободой торговли ту систему, которая установилась в СССР со времени нэпа... можно лишь со многими оговорками». Частник у нас притесняется. И даже «государственные торговые органы не обладают правом на свободную торговлю в обычном смысле этого слова». Югову страшно не нравится наличие у нас регулирования торговли. Но еще больше не нравятся ему проявляемые, по его мнению, в последнее время «зигзаги», «колебания и уклоны в сторону методов военного коммунизма». С этим Югов связывает и проводимую советской властью «политику инфляции», вызванную курсом на «форсирование индустриализации».

Каков же общий итог?

«Политика советской власти,—вещает мудрый Югов,—осложняет и дезорганизует под'ем народного хозяйства, отнимает у населения всякие стимулы к творческому труду». Этот бесподобный вывод выглядит особенно красиво перед лицом хотя бы таких фактов, как развертывающееся могучей волной социалистическое соревнование, увеличение посевных площадей в текущем году примерно на 6% (при сокращении посевов кулацкой верхушки) и совершенно исключительный темп развития промышленности, далеко превышающей и в условиях реконструктивного периода любые исторические примеры развития даже самых мощных капиталистических стран.

Югов же для спасения Советской Страны требует малого: «Нужно примириться с тем, что в России об'ективные условия требуют, чтобы страна развивалась в условиях по преимуществу (?!) капиталистического хозяйства. Нужно свести размеры национализированной промышленности до посильных пределов, нужно создать условия, в которых могли бы развиваться и частная промышленность, и торговля, и крестьянское хозяйство».

Вот и вся «скромная» программа. К ней, конечно, нужно добавить постоянные меньшевистские молитвы о пресвятой демократии.

Характерно, что в программе меньшевизма отчетливо слышны нотки и троцкизма, и правого уклона. Хорошо понимая и чувствуя социальный исток обоих течений, меньшевизм, не боясь расколоться пополам, раскланя-

---

[1]) Там же, стр. 106.

вается сразу на два фронта: и направо и «налево»: «Разногласия внутри ВКП, подавление оппозиционных течений в значительной мере являются именно реакцией революционных элементов ВКП на перерождение и коммунистической партии и советской власти» [1]).

Многоопытный меньшевизм выдает аттестат в «революционности» всем оппозиционным течениям в ВКП!

Мало того, Югов прямо берет под свою высокую социалистическую руку все уклоны от линии ВКП(б): «Репрессии против социалистических партий..., отсечение от себя то правой, то левой оппозиции — все более сужали тот социальный базис, на который опирался большевизм» [2]). К этому нечего добавить.

Последнее слово меньшевиков не отличается особо высоким качеством. Разобрав этот «анализ», «критику» и «творческую программу» классового врага, мы только лишний раз путем проверки «от противного» можем убедиться в абсолютной правильности нашей линии социалистического строительства, которую мы будем проводить со всей энергией, решительностью и упорством.

---

[1]) Там же, стр 251.
[2]) Там же, стр. 250.

Н. Датюк.

Практические вопросы коллективизации.

(Опыт коллективизации в Николаевском округе).

I.

Опыт коллективизации в Николаевском округе представляет чрезвычайную ценность в силу того, что в округе очень много целых земельных обществ перешли на товарищества по совместной обработке земли и в настоящее время переходят на более высокие формы коллективов с обобществлением не только обработки земли, но и всех средств производства, а в целом ряде случаев продуктивного скота и живой тяговой силы.

По округу к весне 1929 года насчитывалось свыше 700 различных коллективов (т-ва по общественной обработке земли или СОЗ, артели и коммуны). Эти об'единения осенью 1928 года охватили озимыми посевами 57,7 тыс. га земли, при общем посеве озимых в округе 327 т. га (около 18%). Из указанных 57,7 тыс. га примерно 15—20% являются засеянными пока еще в индивидуальном порядке членами коллективов, что об'ясняется неземлеустроенностью. В весеннюю посевную кампанию из 366 тыс. га земли, предполагаемых к посеву, — коллективы должны охватить 76,4 тыс. га или 22,5% всей площади. В этом числе будет необобществленных тоже около 15—20%. Вся площадь под коллективным сектором в округе составляет в настоящее время 21,5%. При этом имеются все данные для того, чтобы в дальнейшем развивать такой же интенсивный темп коллективизации. Колхозы округа имели 464 трактора с прицепными орудиями, но последних в целом ряде коллективов недостаточно, или они не таких марок, какие необходимы для определенной мощности тракторов. В весеннюю кампанию округу завозится 153 трактора (фордзоны, путиловские, «Ойль-пуль» и «Интернационал»), которые распределяются исключительно среди вновь образуемых кустовых об'единений колхозов и коллективов.

Такой чрезвычайно интенсивный темп коллективизации, в основном, об'ясняется тем, что были приняты все мероприятия для перевода целых земельных обществ на устав товариществ по общественной обработке земли. Основное организационно-техническое влияние на рост коллективов и на их переход в высшие формы имела тракторизация этих коллективов. Попутно с тракторизацией с обобществлением севооборота шло нарастание обобществления и по линии обобществления скота и затем уже труда. Целый ряд земельных обществ (Малиновка, Софиевка и др.), в настоящее время

---

[1]) Отмечая, что в ст. т. Датюка целый ряд важнейших вопросов разработан недостаточно и имеются недостаточно политически четкие постановки вопросов (о борьбе с кулаком в колхозах—III глава, о формах борьбы вокруг массовой коллективизации—глава VI, где автор отказывается от классового анализа некоторых приводимых им форм: «индивидуализм», «сознательность» и «несознательность»), редакция сочла полезным поместить эту статью, так как в ней излагается чрезвычайно ценный опыт на основном участке социалистического строительства — на участке массовой коллективизации крестьянских хозяйств. *Ред.*

перешли фактически на устав артелей, хотя и именуются СОЗ. В этих СОЗ, охватывающих районы целого сельсовета, строятся общественные скотные дворы, амбары и проводится электрификация. Интересно, что в одном СОЗ при обобществлении скота пришлось весь скот продать и купить такое же количество нового скота, дабы не было никакой связи бывшего хозяина с бывшим скотом, так как уход за скотом был различный.

В настоящее время обобществление скота идет следующим образом: каждое хозяйство передает правлению СОЗ свою корову или лошадь и СОЗ ее реализует с тем, чтобы на счет этого члена внести определенный пай. Если, допустим, данная корова стоит 120 руб., а пай определен в 100 руб., то 20 руб. возвращаются крестьянину или зачисляются вкладом в СОЗ этого крестьянина.

Обобществление капиталов и средств производства СОЗ идет с охватом всех членов коллектива. Одновременно СОЗ организуют целый ряд работ по созданию новых общественных предприятий. Так, например, строятся общественные гаражи, общественные скотные дворы и т. д. и, наконец, в последнее время поднимается вопрос о постройке общественных жилищ.

Создание многочисленных коллективов, отстоящих недалеко друг от друга, дало повод к об'единению этих коллективов. Новой формой об'единения коллективов являются кусты. Необходимость наиболее рационального использования тракторов и прицепных орудий дала возможность об'единения в кустах всего тракторного дела, что явилось основной экономической базой кустовых об'единений.

Кустовые об'единения в округе начали создаваться с января. К весне 1929 года в округе уже существуют такие кустовые об'единения:

Наименование кустовых об'единений	Количество колхозов, входящих в кусты	У них		
		Земли в гектарах	Дворов	Тракторов
1. Баштанский	36[1])	12.500	1.207	38
2. Трихатский	6	1.488	161	6
3. Петровск.-Киряковск	3	1.416	156	6
4. Зульцевский	8	3.344	234	5
5. Рорбарский	8	4.760	349	13
6. Парутино	6	2.852	240	8
7. Анчекракский	4	2.760	197	8
8. Бармашовский	13	2.301	312	11
9. Калиновский	5	2.270	400	11
10. Пересатовский	12	4.500	530	18
11. Ингульский	4	2.317	244	5
12. Троицкий	10	2.155	217	9
Итого	114	44.663	4.257	148

Указанные 44.663 га земли составляют 21% площади коллективного сектора округа. Таким образом, кустовые об'единения уже в этом году охватывают значительную площадь и будут обладать достаточно мощными тракторными колоннами, которые впоследствии превратятся в машино-тракторные станции по примеру совхоза им. Шевченко или тракторной станции Баштанского куста.

Так как организация кустовых об'единений была начата в январе и развернулась только в конце февраля и в марте, то в их организации имеется целый ряд недостатков. Во многих кустовых об'единениях не подготовлена

[1]) Кроме того, в Баштанский куст входят три неуставные группы, земля коих и дворы засчитаны в таблицах

земельная площадь, имеется много разбросанных кусков земли, вследствие чего проведение обобществленных севооборотов в этом году будет затруднено. Некоторые кусты еще не освоились с площадью, вошедшей в куст, не знают своих коллективов, их хозяйства, а также размеров и деталей предстоящей работы. В силу того, что округ пострадал в прошлом году от недорода, в кустовых об'единениях и входящих в них колхозах наблюдается слабость конского состава, отсутствие или недостатотк кормов и т. д.

Тракторoснабжение кустов поставлено не всегда удовлетворительно. Тракторы были распределены и завозились в марте, т.-е. за несколько дней до выхода в поле, почему ознакомление с тракторами было слабое. Чрезвычайно большим недостатком является то, что кустовые об'единения не были своевременно снабжены необходимыми прицепными орудиями.

Тракторное дело находится в руках с.-х. кредитной кооперации, которая до сих пор снабжала мелкие производственные об'единения тракторами— по одному или по два. Теперь же, когда тракторы сосредоточиваются большими партиями в кустовых об'единениях, роль тракторoснабжения и, главное, тракторoиспользования решительно меняется. Кустовое об'единение превращается в крупную производственную единицу, и механическая тяговая сила играет у него решающую роль. Снабжение прицепными орудиями, организация ремонтных мастерских и подготовка трактористов составляют одну общую производственную задачу правильного тракторoиспользования. Разрешение вопросов о правильном тракторoиспользовании возможно только путем сосредоточения всего дела тракторoснабжения,—в том числе заготовки и снабжения прицепными орудиями, — в окружных колхозсоюзах. *Колхозсоюзы из своего современного состояния организационных центров должны в интересах коллективизации превратиться в организационно-производственные центры.* Типы тракторов и с.-х. машин для крупного коллективного производства могут быть выработаны только самим производством. Уже к осени 1929 года необходимо по всем южным районам тракторное дело целиком передать колхозсоюзам. Колхозсоюзы должны не только завозить тракторы, но и подготовлять для их правильного использования кустовые об'единения, земельную территорию, организовывать ремонтные мастерские и подготовлять трактористов. Вопрос о ремонтных мастерских должен быть поставлен во всю ширь, так как от правильного и своевременного исправления повреждений тракторов зависит их высокая или низкая производительность.

Массовая коллективизация на юге Украины развивается по двум путям.

Первый из них состоит в создании крупных машино-тракторных станций при совхозах. Эти машино-тракторные станции заключают договора на общественную обработку земли с рядом земельных громад (обществ), находящихся вблизи совхоза, с тем, чтобы создать один общий массив для обработки тракторной станцией[1]).

Государственные машино-тракторные станции, обрабатывая землю ряда земельных обществ, ведут эти общества первоначально к обобществлению обработки полей, а затем к обобществлению и остальных функций хозяй-

[1]) Необходимо оговориться, что машино-тракторная станция и тракторная колонна являются различными организациями. Машино-тракторная станция включает в себя не только тракторы, но и все необходимые ей прицепные орудия, автотранспорт, склады горючего, склады для семян и т. д., и т. п. Тракторная же колонна представляет собою группу тракторов, которые могут впоследствии быть превращены в машино-тракторную станцию. Тракторная станция—это энергетический центр, снабжающий средствами производства отдельные участки охваченного ею массива земли. Тракторная станция должна располагать также необходимым кадром технической силы, агрономами и достаточно мощной ремонтной мастерской.

ства. Чрезвычайно существенным вопросом является обобществление капиталов земельных обществ, охваченных этими станциями. В этом смысле необходимо, чтобы каждое земельное общество обобществляло имеющиеся у крестьян как средства производства, так и остальные функции.

Другой путь, осуществляемый, в частности, в Николаевском округе, заключается в об'единении различного рода коллективов в кусты и создание при них тракторных колонн, которые впоследствии преобразуются в машинотракторные станции. В тех же случаях, когда куст представляет достаточно мощное об'единение, тракторная станция создается при образовании куста.

Наиболее интересным и показательным является развитие Баштанского кустового об'единения, так как при нем создается не тракторный отряд, не колонна, а именно тракторная станция. Организация Баштанского кустового об'единения и станции при нем проходила в необычайно сложных условиях и при большом отпоре со стороны кулацких элементов села.

В коллективах, об'единяемых Баштанским кустом, насчитывается около 51% всего количества хозяйств села Баштанки и колонии Ефингар. Перспективы дальнейшего роста куста чрезвычайно большие. Этот рост произойдет за счет об'единения новых групп населения как в самой Баштанке за счет выселков, имеющихся вокруг нее, так и за счет включения близлежащих сел. Если куст успешно проведет весеннюю посевную и паровую кампанию и если на протяжении ближайших месяцев будет проведена соответствующая подготовительная работа по организации новых об'единений, то к осени можно рассчитывать на доведение куста до 20 тыс. га земли. Баштанский куст получает 26 новых тракторов «Интернационал» и, кроме того, сосредоточивает у себя имеющиеся в коллективах 12 тракторов. Дело с прицепными орудиями в кусте обстоит неудовлетворительно. Кусту было дано 20 однодисковых 28-рядных сеялок (импортных). С точки зрения количества это как будто должно удовлетворить Баштанку, но этого нельзя сказать по отношению к рентабельности использования этих сеялок. Дело в том, что 28-рядные дисковые сеялки могут тянуться одним «Интернационалом». В то время как 19-рядные сеялки «Красная Звезда» прицепляются к трактору по 3 штуки, т.-е. по 57 сошников вместо 28.

Точно так же неудовлетворительно обстоит дело с обеспечением Баштанки букерами. Например, 8-лемешных букеров, которых округом было заказано 65, получено только 11, а Баштанке отпускается только 3. В силу этого куст не будет обладать необходимыми букерами и принужден пользоваться обыкновенными конными букерами, что значительно удорожит работу тракторов и уменьшит их рентабельность.

Расширение других кустов округа подобно Баштанскому кусту вполне возможно, так как рядом с ними расположены коллективы, пока не вошедшие в кусты, а также еще не обобществленные крестьянские земли, находящиеся в неземлеустроенных земельных обществах, не принявших устава СОЗ. Наличие в этих кустах тракторов и перспективы увеличения их тракторного хозяйства дают возможность развертывать кустовое об'единение до каких-то, ныне еще не установленных, новых оптимальных размеров с.-х. предприятия.

Кустовые об'единения создаются не только в Николаевском округе, но и в других округах Украины (Одесский, Херсонский и т. д.), и изучение их является крайне необходимым для наиболее правильного построения крупного коллективного производства. Как видно из вышеприведенной таблицы, в куст входит иногда несколько десятков коллективов. Естественно, что при налаживании хозяйства куста произойдет ликвидация отдельных коллективов и слияние их с другими, а возможно, необходимо будет ликвидировать все коллективы и создать один общий коллектив. Новые средства производства создают полную возможность образования коллективов с большой земельной территорией. Опыт совхоза Шевченко показывает, что оптимальные размеры современного сельхозпредприятия лежат за 50 тыс. гектар. На Северном Кавказе совхоз «Гигант» имеет 117 тыс. га. Видимо, кусты могут развиваться по линии охвата новых территорий, примерно, до вышеуказанных оптимумов. Только при этих условиях можно будет ожидать наиболее рентабельного ведения хозяйства.

II.

Основные условия, на которых построено Баштанское кустовое об'единение, следующие:

1. Полностью обобществляется пользование сложными машинами, в первую очередь тракторами и прицепными орудиями. Для этого тракторы и орудия к ним, имеющиеся в отдельных колхозах, передаются кусту, как паевой взнос колхоза. Новые тракторы приобретаются исключительно в собственность куста.

2. Каждый участник (коллектив) при вступлении в кустовое об'единение вносит вступительный пай в размере 50% взносов, которые должны ему поступить от своих членов и паи в размере полной стоимости сложных машин — тракторов и прицепных орудий. В силу этого с самого начала образования кустового об'единения уделяется большое внимание мобилизации средств отдельных коллективов на приобретение средств производства для обобществленного пользования.

3. При избытке рабочей силы в одних колхозах и недостатке ее в других кустовые об'единения обязаны регулировать этот вопрос, при чем работа в чужом коллективе оплачивается таким же образом, как и в своем.

4. Вся работа производится кустовым об'единением каждому коллективу за соответствующую плату по стоимости данного вида работы.

5. Сбыт продукции членов кустового об'единения должен проводиться исключительно через с.-х. кооперацию или государственные организации.

На этой основе построены договоры между коллективами, образовавшими куст. Необходимо отметить, что отсутствие твердого нормального устава кустовых об'единений колхозов принудило округ и в частности Баштанский куст вырабатывать вышеуказанный договор, который имеет чрезвычайно много неудобств и недостатков. Дело в том, что на основе договора кустовое об'единение формально не становится юридическим лицом и потому создается ряд затруднений по линии приобретения тракторов, орудий, горючего, получения кредитов и т. д., что осуществляется через СОЗ, которые зачисляют стоимость выдаваемых в кредит тракторов и орудий от себя кусту. Следовательно, вопрос об уставе куста должен быть поставлен и разрешен в ближайшее время.

III.

При массовой коллективизации и преобразовании целых земельных обществ в коллективы (с принятием ими устава СОЗ) получается, что не только бедняки и середняки входят в коллектив, но входят в него и кулацкие элементы. Вопрос о кулаках в коллективах одно время на Украине приобрел чрезвычайную остроту. Так как классовая борьба при образовании коллектива и при развертывании его не устраняется, а очень часто усиливается, многие указывали, что наиболее целесообразно выделение кулака из состава земельных обществ, переходящих в коллективы. Но такая точка зрения встречала затруднение, так как при организации машино-тракторных станций наиболее целесообразное использование средств производства возможно при условии сплошной обработки полей. В противном случае чересполосица увеличивает холостые пробеги трактора и очень часто делает нерентабельной работу тракторов.

Исходя из необходимости наиболее рационального использования средств производства, решено было в необходимых случаях допускать в СОЗ кулаков. Это применяется, между прочим, машино-тракторной станцией при совхозе им. Шевченко. Но по отношению к кулакам применен ряд специальных мероприятий: более высокая плата за обработку трактором земли, кулаки не кредитуются, а, наоборот, должны определенную сумму вносить СОЗ, коллектив не дает кулакам никаких новых прав и т. д. При кредитовании СОЗ, где имеются кулацкие элементы, кредит выдается по производственному плану СОЗ с тем, однако, что сумма, падающая на кулацкие дворы, не выдается, а, наоборот, кулаки должны вносить определенные суммы правлению коллектива (примерно не ниже размера кредита, получаемого коллективом на двор). Эти мероприятия будут способствовать тому, что кулацкие элементы вынуждены будут интенсивнее итти на обобществление своих средств производства.

Кулак является продуктом определенных общественно-хозяйственных отношений, имеющихся в деревне, и вырастает из товарного крестьянского хозяйства. При обобществлении земледелия, при условии более высоких форм хозяйствования, самая возможность выделения крестьянскими хозяйствами кулака радикально изменится, потому что не будет необходимой базы для такового. Кулак же современный, при условии вхождения его в коллектив и обобществления средств производства и труда, должен будет или уйти из коллектива или подчиниться коллективным началам. Само собой понятно, что борьба между кулацко-капиталистическими формами хозяйствования и коллективными будет чрезвычайно длительная и серьезная, ее ничуть не стоит умалять. Но она даст положительные результаты, особенно, если во главе коллективного движения и коллективного хозяйства будут стоят подготовленные кадры коллективистов, которые сумеют повести коллективы по правильному пути.

IV.

Кредитование коллективов в Николаевском округе проводится в больших размерах. От 40 до 60% определенных назначений по кредитному плану Николаевского Сельбанка направляется на коллективный сектор. На 1/X 1928 г. задолженность коллективов на гектар по всему округу составляла больше 18 руб., а после весенней посевной кампании этого года поднимется выше 25 руб. Отдельные коммуны («Труд» и др.) имеют задолженность на гектар свыше 120 руб.; в то же время СОЗ имеют задолженность 12—20 руб. на га. Округ по линии с.-х. кредита вместе с весенними кредитами будет иметь задолженность свыше 15 млн. руб. Таким образом, коллективный сектор удовлетворяется кредитами в достаточной степени. Жалоб со стороны коллективов на кредитование имеется очень мало, и то они относятся по преимуществу к срокам кредитов, а также к необходимости увеличения строительных кредитов.

Использование кредитов коллективами не всегда целесообразно. Есть случаи, когда кредиты на средства производства используются на потребительские нужды. С другой стороны, часты случаи, когда кредиты используются на индивидуальные потребности (покупка лошадей, коров в индивидуальное пользование и т. д.). Кроме того, в отдельных колхозах имеется ненормальное строение капиталов: строительные кредиты и средства, затраченные из других источников на строительство, занимают основное место, что приводит к нерентабельности ссуд и невозможности своевременно их погашать. В целях улучшения кредитования коллективов на Украине решено все кредитование колхозов направлять только по линии обобществительных мероприятий. При этом основная масса долгосрочных кредитов должна итти в обобществленно-неделимый капитал колхоза, который не подлежит уменьшению. Погашение ссуды из этого капитала происходит в соответствующие сроки и при условии, что колхоз должен выделить из общих средств сумму, не меньшую, чем погашаемая ссуда, для восполнения неделимого капитала. Краткосрочные кредиты решено направлять, как оборотные средства колхозов.

Мобилизация средств колхозов и обобществление их капиталов в настоящее время очень часто тормозится различными причинами. Вышеуказанное направление кредитных средств будет стимулировать рост обобществленных капиталов. С другой стороны, в коллективах предпринимается ряд мероприятий по усилению обобществления капиталов.

В связи с образованием кустов, ставится вопрос о порядке дальнейшего кредитования кустовых об'единений и входящих в них коллективов. До сих пор этот вопрос еще не является окончательно разрешенным. Видимо, кредитование на механическую тяговую силу и сложные средства производства, а равно на различного рода предприятия необходимо производить не по линии отдельных колхозов, а кусту.

Строительство как хозяйственное, так и жилищное необходимо осуществлять по преимуществу в кустах, так как это даст возможность более рационального использования такового. Что касается сроков кредитования, то здесь вопрос упирается не столько в длительные сроки кредитов, сколько в их рентабельное использование, дабы создать наиболее быстрый капиталооборот.

Развертывание коллективизации на Украине по пятилетнему плану будет итти очень быстрым темпом. К концу пятилетия предполагается об'единить в коллективы 25% земельной территории Украины. Для отдельных округов этот процент будет значительно выше. Такая коллективизация потребует около 450 млн. р. капиталовложений от с.-х. кредита. Необходимо обеспечить более быстрый оборот средств и более высокие эффекты капиталовложения.

V.

Одним из наиболее существенных вопросов в области организации кустовых об'единений является вопрос о кадрах. При образовании кустов в Николаевском округе уполномоченными кустов были выбраны преданные советской власти и коллективизации работники. Но они оказались совершенно неподготовленными для руководства хозяйством, охватывающим тысячи гектар земли и об'единяющим сотни крестьянских дворов.

Руководить совхозом, по существу, гораздо проще, нежели колхозом. В совхозе имеется определенная земельная территория, необходимый штат постоянных работников, летом нанимаются сезонные рабочие, имеются колдоговора, определенные ставки и т. д. В колхозе же всякий двор представляет собою на первых порах отдельную единицу, которую необходимо переварить и перестроить не только в хозяйственном, но и в бытовом отношении. Такая перестройка — дело необычайной сложности и трудности. На одном из собраний по вопросу об образовании СОЗ после длинных дискуссий единогласно было постановлено перейти на устав СОЗ, но уже на утро было подано заявление с очень большим количеством подписей об отказе входить в СОЗ. При выяснении причин подачи такого заявления было установлено, что главную роль сыграли жены, не присутствовавшие на собрании, которые, по выражению одного из подписавших заявление, целую ночь «пилили» и заставили подписать заявление.

Кроме того, надо принять во внимание, что руководство крупным хозяйством в современных условиях требует и организаторских способностей и

высокой культурности. Тракторное дело заставляет иметь в колхозах таких руководителей, как инженеры-механики.

Все это ставит со всей серьезностью вопрос о выдвижении и подготовке кадров культурных колхозников. В связи с образованием кустовых об'единений и широкой массовой коллективизацией на дальнейшее можно считать, что кадры сыграют решающую роль в деле успешного осуществления коллективизации. Видимо, необходимо колхозсоюзам уже сейчас начать серьезно подбор и подготовку высококвалифицированных организаторов и агрономов для колхозного строительства. При образовании кустов необходимо, чтобы колхозсоюзы совместно с местными партийными и советскими организациями выделяли на руководящую работу в них людей, наиболее подготовленных для этого.

VI.

Борьба за массовую коллективизацию в деревне носит очень сложный характер.

Индивидуальное хозяйство под разными видами (иногда бессознательно) борется за существование, против своего отмирания, тем самым тормозя обобществление. Наиболее яркими образцами подобной борьбы являются следующие выступления:

а) на одном собрании по поводу создания т-ств СОЗ один крестьянин заявил: «Товарищи, до революции я имел две десятины земли, советская власть дала мне за счет помещика еще 8 десятин, но я на них не хозяйничал. В 1921 году был неурожай и голод, в 1924 г.—частичный недород, в 1927—тоже, в 1928—тоже неурожай. Лошадьми обзавестись пока не мог. Я еще не хозяйничал, а меня уже тащат в СОЗ, так дайте же мне похозяйничать».

б) На другом собрании при образовании кустового об'единения один член т-ства СОЗ заявил: «когда обобществляли один клин—я не возражал, когда обобществляли севооборот другого клина—я тоже не возражал, ибо говорили, что у меня есть третий клин, где я смогу пахать и сеять. Но когда теперь ставится вопрос об обществлении третьего клина, так товарищи—извиняюсь—я возражаю».

в) В Парутино Очаковского района на собрании крестьяне говорили, что они хотят не тракторную колонну кустового об'единения, а государственную тракторную колонну (станцию).

Когда я стал выяснять, чем это об'яснить, мне сказали: «государственная колонна—год—два будет работать, а там видно будет, что делать: может, на третий год она уже не понадобится. Когда же трактора будут наши и с нас деньги за них возьмут, тогда уже их никуда не денешь».

Можно привести еще целый ряд примеров сопротивления индивидуального хозяйства коллективизации не только при образовании коллективов, но и в самих коллективах (на кредиты на рабскот приобретаются лошади и раздаются: всем членам коллектива, не имеющим лошадей—по лошади, то же самое—в отношении плугов и т. д.).

Наиболее интересные образцы классовой борьбы вокруг коллективизации дают материалы по организации баштанского кустового об'единения и его машино-тракторной станции. Приводим выдержки из доклада специальной комиссии от 4 марта 1928 г.

«1. При проведении работ в Баштанке выявлены следующие экономические взаимоотношения между отдельными социальными группами; в Баштанке из 1.156 хозяйств, охватывающих 11.688 га земли, имеется безлошадных—578 хозяйств. Лошадей имеется 875 голов. В 1927 г. аренда земли (исходя из зарегистрированных в райземуправлении договоров) определяется 360 договорами на площадь в 722 га, из коих 139 га за деньги, а остальные испольщина.

В 1928 г. зарегистрировано 292 договора на площадь 584 га, из коих за деньги 83 га, а остальные испольщина.

2. Такая эксплоатация, проводимая не целиком капиталистическим способом, или обмен натурой (землею, урожаем, рабсилой) затемняет классовую сознательность, и кулак ее об'ясняет, как помощь бедноте. Создается психологическое настроение, что зажиточный «поможет». Кроме того, в целях сохранения эксплоатации кулак проводит агитацию против тракторной колонны, пуская разные слухи: «пай в кусте будет с 1 хозяйства 200 руб., и зажиточный дать его сможет, а где возьмет бедняк», «стоимость работы трактора очень дорога — свыше 50 руб. на гектар, и «после урожая дадут только паек, и бедноте придется с котелками ходить на питательный пункт».

3. Данное положение имело соответствующее влияние на отсталую часть бедноты, которая не пошла в товарищества СОЗ и не только колебалась при обсуждении вопроса об организации кустового об'единения с тракторною колонною, как это было с середняцкой частью, но и голосовала вместе с кулаками против колонны.

Вот примеры: 1. При организации СОЗ «Путь к социализму» с бедняцко-середняцким составом четыре раза были собрания, и на всех были колебания при голосовании.

2. В СОЗ «Красный Трудовик» с середняцко-бедняцким составом на двух собраниях окончательного решения не приняли.

3. В СОЗ «Зелений Степ» с бедняцко-середняцким составом (там состоит также 6 кулаков, из них 4 лишено права голоса) беднота высказывалась и голосовала против колонны.

4. Машино-тракторное т-ство «Прогресс», состоящее из 16 зажиточных хозяйств, которые в свое время были раскулачены, в 1925 году сорганизовались в т-ство и купили трактор «Фордзон», за 3 года ничего в направлении коллективизации не сделало, кроме покупки трактора, который использовался индивидуально, как «батрак» (каждый молотил свой хлеб, а после этого использовал трактор у соседей, зарабатывая для себя деньги).

Постановление правительства о полной нагрузке тракторов и правильном их использовании не понравилось этому т-ву, и оно решило сдать трактор Райземотделу. По вопросу об организации куста т-во постановило: «приветствовать такую организацию», но от вступления в куст воздержалось, поскольку «товарищество имеет собственную тяговую силу и в помощи не нуждается».

К апрелю 1929 г. классовая борьба в Баштанке не только не приостановилась, но и не уменьшилась. Работа кулацких элементов продолжается, и под ее влиянием отдельные члены коллективных об'единений выходят из их состава. Но борьба кулацких элементов не смогла приостановить создание и расширение кустового об'единения, поскольку вместо выбывших в куст вступают новые бедняцко-середняцкие хозяйства как одиночками, так и целыми группами, что в результате увеличивает кустовое об'единение.

Почти аналогичная борьба происходила при образовании других кустовых об'единений. Например, в Анчикраке после длительного собрания записывались сотни хозяйств в СОЗ и куст, а на другой день целая сотня хозяйств подписывала заявления о выходе из коллектива.

Классовая борьба в деревне в связи с созданием коллективов и кустовых об'единений все больше обостряется.

Бывают случаи, когда кулаки действуют через отдельных бедняков. На одном собрании выступил пожилой бедняк, который заявил: «Никаких кулаков у нас нет, у всех не уродило, все—бедные. Я считаю, что государство должно помочь нам засеять, а не заставлять итти в коллектив. Дело тут такое, что каждый должен жить своим умом. А то теперь вводят агромини-

мум, за невыполнение его хотят штрафовать, а на будущий год уже плетками будут гнать на поле. Вот тебе и коллектив». Этот бедняк в комнезаме не состоит.

Небезынтересно привести выступление середняка, осознавшего неизбежность и настойчивую необходимость перехода на коллективные формы хозяйства. «Я за коллектив и куст, потому что не вижу выхода из постоянных недородов, недостатков и не могу расширять свое хозяйство. Если бы была собственность на землю, я прикупил бы земли и вел хорошее хозяйство. Аренда—это не собственность на землю, и тот, кто арендует, хочет просто побольше получить во время аренды, а что дальше, ему наплевать. Так вести расширение нельзя, государству и нам невыгодно. Интенсификация хозяйства упирается в средства, машины, рабочие руки—этого дела в степи одному хозяйству не поднять. Вот почему—я за коллектив. Лесозащитные полосы, мелиоративные работы по обводнению и т. д. могут быть проделаны только коллективом на тысячах и тысячах десятин земли. В этом лежит спасение в степи от новых недородов, нищеты и голода». Этот крестьянин был в Красной армии, учился, выписывает газеты и с.-х. журналы.

В необычайно сложных отношениях и влияниях, действующих во время проведения работы по коллективизации, надо хорошенько разобраться, дабы действуя различными путями привести бедняцко-середняцкие массы к осознанию необходимости коллективизации. Так, например, в той же Баштанке некоторые товарищества СОЗ не входят в кустовое об'единение. Одна из главных причин подобного явления — обеспеченность тяговою силою. СОЗ «3 года» на 25 хозяйств имеет 25 лошадей, СОЗ «Чумак» на 18 хозяйств—14 лошадей. В большой мере это же относится и к индивидуальным хозяйствам: в кустовое об'единение, в первую очередь, входят те группы хозяйств, кои не обеспечены тяговой силой. Таким образом, даже товарищества СОЗ отражают различные тенденции и не хотят входить в кустовое об'единение, которое строится не только на тяговой силе, а должно привести к совместному правильному и выгодному хозяйствованию.

С другой стороны, следует упомянуть о селе «Новый Буг», которое имеет около 3.000 дворов и 33 тыс. га земли. В Н. Буге подготовляется проведние землеустройства, в связи с чем село разбито на 36 земельных громад. Считая такое дробление нецелесообразным, мы усиленно рекомендовали сократить число земгромад до 15, что уже кажется принято Окрземом. При 36 земгромадах получаются некоторые громады с середняцко-зажиточным составом, что политически совершенно не верно, ибо с е р е д н я к будет находится в союзе не с бедняком, а с кулаком.

Бедняцкие громады получают землю вокруг села, а середняцкие и зажиточные за 6,9 и 15 километров от села. Решено к осени втянуть в СОЗ ряд земгромад с площадью в 6,5 тыс. га, при чем соответствующая работа развернута в бедняцко-середняцких земгромадах. Можно надеяться на успех. Между прочим, в период этой работы одна земгромада (середняцко-зажиточная), получающая землю в 10—15 кил. от села, стала сама обсуждать вопрос о коллективе: «Земля наша далеко, ездить туда трудно, работать там тяжело, не лучше ли коллектив образовать, войти в куст и обработку производить тракторами и лошадьми совместно, создав таборные участки?».

Вот в какой сложной обстановке происходит подготовка бедняцко-середняцких масс к коллективизации.

Несмотря на сопротивление кулацких элементов коллективизации, на ряд технических, хозяйственных и организационных трудностей—массовая коллективизация на юге Украины развертывается очень успешно. Опыт перестройки индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств на коллективные формы ведения сел. хозяйства необходимо изучать, вносить в него поправки и руководить этим движением.

Важнейшими вопросами в коллективах и кустовых об'единениях являются вопросы методов хозяйствования и производительной организации труда.

До настоящего времени этим вопросам уделялось в колхозах большое практическое внимание, но оно не всегда давало положительные результаты. Изучению и научной проработке, к сожалению, эти вопросы не подвергались.

Обследованиями индивидуальных крестьянских хозяйств в различных районах установлено, что при соответствующем строе хозяйством рационально используется от 30 до 60% имеющейся в крестьянском хозяйстве рабсилы, остальная же иногда частично бывает даже занята тяжелым, но непроизводительным трудом. Если в том же интенсивном хозяйстве применить кое-какие машины и рационализировать производство, то можно достичь значительного понижения процента занятости рабочих рук. Если же сотни крестьянских хозяйств, ведущих интенсивное хозяйство, об'единить в коллектив, то картина недостаточной занятости рабсилы будет еще более разительна. В нескольких коллективах с различным строем хозяйств пришлось констатировать следующее:

а) коллектив может дать 35 тыс. рабочих дней, между тем занято у него 15 тыс. рабочих дней, а при интенсификации занятость поднимается максимум до 25 тыс. рабочих дней, следовательно, 10 тыс. рабочих дней в колхозе использовать нельзя. При применении машин и рациональных методов работы избыточных будет около 20 тыс. рабочих дней.

б) в другом коллективе при 48 тыс. рабочих человеко-дней занято 24 тыс. Таких примеров можно привести очень много.

Такое положение совершенно понятно. Одесско-Николаевский совхоз Зернотреста, имеющий около 30 тыс. га будет располагать 51 (сильным) трактором и штатом в 112 чел. с тем, что сезонных рабочих будет около 150 человек; в баштанском кустовом об'единении—12,5 тыс. га, 38 тракторов и с в ы ш е т ы с я ч и к р е с т ь я н с к и х д в о р о в; в пересадковском кусте—4.500 га, 18 тракторов и 530 дворов. Так как совхоз Зернотреста ведет исключительно зерновое хозяйство, то количество рабсилы у него должно быть гораздо меньше, нежели в интенсивном хозяйстве. Но как бы ни организовывать ведение хозяйства даже в степи — будет огромная масса избыточных рабочих рук.

При массовой коллективизации, при организации крупных кустовых об'единений избыточные руки начинают играть чуть ли не решающее значение в отношении перспектив коллективизации. Прежде всего, хозяйство колхоза или куста должно быть построено так, чтобы возможно больше трудоспособных коллективистов было занято производительным трудом. Это предполагает интенсификацию, необычайно широкое развитие садоводства, виноградарства, огородничества, животноводства и т. д. Во-вторых,—все кредиты, обобществляемый капитал и накопление должны итти на мероприятия, дающие быстрый эффект. В ряде колхозов Николаевского округа в 1927—1928 г. были возведены жилые и хозяйственные постройки, рассчитанные на 50 лет, затрачены на них огромные средства, а в 1929 г. началось укрупнение и слияние колхозов, в силу чего ряд строений приходится бросать как ненужные. В ряде случаев надо отказаться от строительства домов, сараев и т. д., ибо в ряде колхозов это—совершенно ненужная затрата средств; строить нужно только в таких колхозах, которые будут превращаться в центры будущих крупных коллективных хозяйств. В этих же последних надо строительство проводить с расчетом его амортизации в кратчайший срок, ибо через 6—10 лет все так сильно изменится, что при всяких условиях придется бросать постройки конструкции 1929 года.

У нас в последнее время господствует такая теория: «укрепить коллектив можно тем, что он будет иметь общий жилой дом». Это и верно и не верно. Верно, что это укрепляет, но далеко не при всяких условиях. Необходимость занять производительным трудом всех членов коллектива является основой всех основ. Отсюда задачи — интенсификация,—с одной стороны, и создание предприятий в колхозах, вернее в кустах,—с другой. Строительство с.-х. переработочных предприятий, строительство даже общего значения крупных предприятий совершенно необходимо. На это нужно в первую очередь затрачивать средства и давать рабочую силу. Целый ряд предприятий, которые намечаются пятилетним планом, могут и должны быть построены в кустовых об'единениях. Сочетание интересов сельскохозяйственных и промышленных в кустах даст мощный толчок развитию и сельского хозяйства и индустрии. Об'единить тысячи колхозников вокруг идей постройки предприятий можно, и они за счет своего труда и своих доходов смогут создать основы этих предприятий.

В связи с этим особое значение приобретает организация труда в колхозах. До настоящего времени имелись такие формы труда и распределения его результатов: а) трудиться «по возможности», получать «по потребности». Эта форма давала низкую производительность; б) еженедельные наряды с одинаковой оплатой в конце года; в) установление фактически тарифной сетки и сдельщины, заключающейся в том, что за единицу берется какой-нибудь об'ем работы и каждая другая работа тарифицируется в единицу, полторы или ¾, ½ и т. д. В конце года результаты распределяются по сумме рабочих единиц. Такой вид организации труда, вызывая заинтересованность, увеличивает производительность и позволяет сохранять в колхозе квалифицированную силу.

Сложность организации коллективного хозяйства и, в особенности, использования рабочих рук заключается в *сезонности* земледелия. Весенние и осенние работы требуют значительного числа рабочих рук, зато зимой они необходимы в крайне ограниченном числе, летом же тоже есть месяцы минимальной нагрузки. В *несезонные* для земледелия периоды года какую-то часть рабочих рук надо занимать на других видах производительного труда. Здесь мы сталкиваемся с необходимостью создания таких предприятий (или такого их функционирования), которые могли бы в периоды повышенного использования труда в земледелии или сокращать свою работу, или вовсе ее останавливать.

Вышеуказанное целесообразное использование рабочих рук влечет за собой определенные последствия. Часть коллективистов будет связана преимущественно с земледелием, часть преимущественно с предприятиями, часть же вообще оторвется от коллектива. Подобное перемещение теперешних индивидуальных крестьянских хозяйств (дворов) приведет их к отрыву от своего надела, от усадьбы, что произведено уже национализацией земли, но за что двор еще руками и зубами держится.

VII.

Массовая коллективизация, в отношении средств производства, базируется, в основном, на тракторах и прицепных орудиях, почему делу наиболее правильного и рентабельного трактороиспользования надо уделить максимум внимания. В ряде кустовых об'единений Николаевского округа тракторы были завезены, а прицепных орудий, тары, горючего, запасных частей (особенно блок-цилиндров для фордзонов) не оказалось. О Баштанском кусте мы выше уже упоминали. Еще в худшем состоянии оказался Рорбаховский куст, где колхозники просто не знали, какие орудия можно

целесообразно использовать к мощным тракторам «Ойль-Пуль». Каждый трактор с прицепными орудиями, в зависимости от его мощности, обходится государству в 5—8 тыс. руб., и необходимо организовать дело так, чтобы трактор дал максимальную производительность. Для этого нужен «единый хозяин» Колхозсоюз, который заботился бы и отвечал за все тракторо-использование.

Другим существенным моментом при массовой коллективизации является *землеустройство*. Существующее землеустройство надо приспособить к *массовой* коллективизации.

Можно ли опыт Николаевского округа переносить на другие экстенсивные районы? По-нашему, необходимо, но с той разницей, что роль тракторов в экстенсивных районах не будет такой доминирующей, зато вырастет роль с.-х. предприятий.

Н. Зимин.

О научных кадрах партии.

Развертывающаяся социалистическая реконструкция народного хозяйства страны и обострение классовой борьбы на идеологическом фронте с особой остротой выдвигают задачу овладения партией основными отраслями научного знания для социалистического строительства. Мы имеем за последний период заметные сдвиги в сторону улучшения подготовки кадров коммунистов, научных работников, особенно в связи с укреплением деятельности марксистско-ленинских научных учреждений, выпусками Института Красной Профессуры, улучшением постановки институтов по общественным наукам, организацией института студентов-выдвиженцев на научную работу в вузах. Однако, несмотря на эти сдвиги, общее положение с наличием партийных научных кадров, их подбором, подготовкой и использованием является неудовлетворительным и несоответствующим задачам овладения партией научным знанием для социалистического строительства. В какой мере это так, показывают данные учета научных работников-коммунистов.

I. Основные итоги учета научных работников-коммунистов.

Материалы произведенного учета партийных научных кадров дают следующую картину.

Всего учтено по СССР [1]) 1.590 научных работников-коммунистов.

Судя по данным ЦБ секции научных работников, нам удалось охватить проведенным учетом научные кадры ВКП(б) почти полностью.

Центром сосредоточения партийных научных сил больше чем на две трети является РСФСР (69,3%) и по преимуществу Москва, в которой находится 42% всего состава коммунистов-научных работников. Вторым пунктом по концентрации значительного количества научных коммунистических кадров является Украина, где сосредоточено 23% всего их состава. Таким образом, в РСФСР и на Украине находится 92% всего состава наших научных кадров.

Сравнивая количество коммунистов—научных работников—с общей численностью научных кадров страны (25.286 научных работников в СССР без Туркменистана и Узбекистана), мы получаем партпрослойку в составе научных кадров по СССР в размере 6,3%.

По отдельным республикам удельный вес коммунистов в общей массе научных кадров далеко не одинаков и колеблется в пределах от 12 до 4%.

Белоруссия	12.4%	или на	6.1%	выше среднего по СССР
Грузия	8,4%	„ „	2.1%	
УССР	7,4%	„ „	1.1%	„
Армения	7,2%	„ „	0.9%	„
РСФСР	5,8%	„ „	0,5%	„ ниже среднего по СССР
Азербайджан	4,2%	„ „	2,1%	„

[1]) За исключением Узбекистана и Туркменистана.

Следовательно, по удельному весу коммунистов в составе научных работников на первом месте стоит БССР, а на последнем—Азербайджан, где партпрослойка составляет 4,2% (на 499 научных работников — коммунистов 21).

Силы нашей партии по отдельным участкам научного фронта распределяются весьма неравномерно: основная масса наших научных кадров работает в области общественных наук (61,4%), значительная группа коммунистов работает в области медицинских наук (16,5%), и только немного больше одной пятой части наших кадров (22,0%) работает в области прикладных (индустриально-технических, сельскохозяйственных) и точных наук (в области прикладных—13,3% и в области точных—8,7%).

Распределение партийных сил по отдельным отраслям знания в значительной степени отличается от распределения по отдельным отраслям знания всех научных кадров нашей страны. При наличии весьма неравномерного распределения партийных сил, все научные кадры нашей страны распределяются по отдельным отраслям знания более равномерно, что видно из следующей сравнительной таблицы:

	Всего работников	Из них работает в области наук в %%			
		Точных	Приклад.	Медицин.	Обществ.
Коммунисты научные работники	1.590	8,7	13.3	16.5	61,4
Все научные кадры страны .	25.286	20.4	24.2	27.7	31,7

Такое несоответствие в распределении коммунистов по отдельным отраслям знания по сравнению со всеми научными работниками приводит к тому, что мы далеко не в одинаковой степени охватили партийными силами отдельные участки научного фронта. В то время как удельный вес коммунистов среди работников общественных наук равен 12,1%, в составе работников точных наук мы имеем всего лишь 2,7% членов партии, в составе работников прикладных наук—3,5%.

На ряду с этим необходимо отметить, что далеко не одинаково и распределение работников по одним и тем же областям знания в разных республиках.

Если взять группу работников по общественным наукам, то в Грузии эта группа составляет 89,2%, а в Белоруссии—всего лишь 57,9%. Количество коммунистов, работающих в области наук медицинских, колеблется от 19,8% (Москва) до 7% (БССР). В области наук прикладных наблюдаются такие колебания—21,1% (БССР) и 5,4% (Грузия). В области точных наук—21,4% (Армения) и 5,4% (Грузия). В результате такого неравномерного распределения работников одних и тех же отраслей знания по отдельным республикам, одни и те же участки научного фронта в разных местах охвачены весьма неравномерно.

Для полноты представления о том, как распределены партийные силы по отдельным областям знания, приведем более подробные данные о численности научных партийных кадров по основным научным дисциплинам:

	Абс.	В %%		Абс.	В %%
Экономические	383	24,1	Литературовед. и искуствовед.	41	2,6
Исторические	229	14,1	Физико-математич.	28	1,8
Филос. и псих.	120	7,5	Химические	21	1,3
Сельскохоз.	116	7,3	Геологические	16	1,0
Педагог. и педолог. . . .	99	6,2	Языковедческ.	11	0,7
Правовые	87	5,5	Военные	10	0,6
Индустр. технич.	86	5,4	Этнографические	2	0,2
Биологические	73	4,6			

В области целого ряда научных дисциплин: литературоведение и искусствоведение, физико-математические науки, химические, геологические, языковедческие и этнографические—сосредоточены очень незначительные группы работников, не превышающие 2—3 десятков коммунистов при значительной концентрации научных коммунистических сил в двух областях: в области наук экономических и исторических.

В заключение характеристики вопроса в отношении общей численности научных коммунистических кадров необходимо привести данные по полу.

Основную, преобладающую массу научных работников составляют мужчины (87,8%), женщин всего 194 или 12,2%. Вовлечение женщин-коммунисток в научную деятельность отстает от вовлечения в научную деятельность женщин вообще, т. к. женщины в составе всех научных кадров нашей страны занимают большее место—19%.

Подавляющее большинство женщин научных работников (86,1%) сконцентрировано в РСФСР, в частности в Москве и Ленинграде (77,3%), на Украине находится 10%, в БССР—2,6% и в Грузии—1,5%. В составе научных работников Армении и Азербайджана женщин совершенно нет.

Основная масса женщин, как и основная масса мужчин, работает в области наук общественных, хотя женщины на этом участке сосредоточены в значительно меньших размерах (51%), чем мужчины (62,9%).

Вторым характерным моментом в распределении женщин по отдельным отраслям знания является сосредоточение большего их количества на научной работе в области медицинских наук (36,6% всего состава женщин), в то время как в этой области сосредоточены лишь 13,7% состава мужчин.

Третий момент—незначительное число женщин, работающих в области прикладных наук—4,1% (мужчин 14,6%).

Четвертый характерный момент—распределение женщин по основным дисциплинам в группе общественных наук: женщины в значительно большей пропорции, чем мужчины, сосредоточены на научной работе в области педагогических и педологических наук (женщин—16,5%, мужчин—4,8%), и, наоборот, мужчины в значительно большей пропорции сосредоточены на научной работе в области экономических наук (мужчины—25,7%, женщины—12,4%).

II. Характер и темп роста численности научных кадров ВКП (б).

Вопрос о том, в каких размерах наши научные кадры растут за счет вовлечения в партию беспартийных научных работников и в какой мере этот рост происходит за счет притока на научную работу членов партии, представляет несомненный интерес.

Рассматривая настоящий состав научных работников-коммунистов, необходимо констатировать, что почти 81% этого состава начали свою научную деятельность, уже будучи членами партии, только 14% начали научную деятельность до вступления в ВКП(б), т.-е. вступали в партию, уже будучи научными работниками, и 5% вступили в партию и начали научную деятельность в одном и том же году.

Если рассмотреть с этой точки зрения состав работников по отдельным научным дисциплинам, то обращают на себя внимание следующие характерные моменты: группа начавших научную деятельность до вступления в ВКП(б) среди работников точных наук составляет 30%, в частности, среди работников физико-математических наук—54%, биологических—25%.

Эти данные указывают на то, что рост партийных сил в области точных наук происходит в большей степени, чем на других участках, путем вовлечения в партию беспартийных научных работников и в меньшей степени научные коммунистические кадры вырастают за счет притока в эту область членов партии.

Если рассматривать весь состав научных кадров с точки зрения периодов его формирования, то необходимо констатировать, что формирование того состава научных работников, который мы имеем в настоящее время, произошло, в основном, за период времени, начиная с 1923 года. В этот период сформировалось три четверти настоящего состава наших научных кадров.

Начало научной работы	Всего работников: В абс. чис.	В % к итогу
До 1920 г. включительно . . .	137	9,0
В 1921 — 22 г.	139	9,1
„ 1923 — 24 г.	277	18,2
„ 1925 — 26 г.	455	29,2
„ 1927 — 28 г.	515	33,8
Итого . . .	1.523	100,0

Тот факт, что в настоящем составе наших научных кадров мы имеем 33,8% коммунистов, ставших научными работниками в 1927—28 г., а ставших научными работниками в предыдущие два года 29,2% и т. д., несомненно, служит отражением усилившегося за последние годы притока на научную работу членов партии.

В отношении темпа роста численности наших научных кадров нужно отметить, что он происходил с некоторым постепенным ослаблением, о чем свидетельствуют приведенные выше данные: если число начавших научную деятельность 1923—24 г. вдвое превышало число начавших научную деятельность в 1921—22 г., то отношение со следующего двухлетия несколько сократилось (1,6%), а отношение последнего двухлетия сократилось еще больше (1,1).

Из данных в отношении общей численности кадров ВКП(б) было видно, что мы в очень слабой степени охватили партийными силами такие участки научного фронта, как прикладные и точные науки. Поэтому, говоря о темпе роста научных кадров ВКП(б), необходимо показать, как шел приток членов партии по отдельным областям знания:

Начало научной работы	Всего работников	Из них в области наук (в %): Точных	Прикладн.	Медиц.	Обществ.
До 1920 г. включ. . .	137	16,8	7,3	5,8	70.1
В 1921 — 22 г. . .	139	7,2	2,2	18,7	71 9
„ 1923 — 24 г. . .	277	4,3	8,0	22,0	65,7
„ 1925 — 26 г. . .	455	9.0	12.3	19,1	59,6
„ 1927 — 28 г. .	515	9,5	22,1	14,4	54,0
Итого . . .	1.523	8.7	13,3	16,5	61,4

Таблица довольно определенно говорит о том, что, начиная с 1925 г., усиление партийными силами отдельных участков научного фронта начинает изменяться в сторону большего притока этих сил в области прикладных и точных наук.

III. Квалификация научных коммунистических кадров.

Для определения квалификации научных кадров партии рассмотрим их состав с точки зрения отнесения к следующим четырем квалификационным группам [1]):

---

[1]) Эти квалификационные группы были определены специальной комиссией, проводившей качественный учет партийцев, научных работников, по заданию орграспреда ЦК.

Группа «А»—научные работники, осуществляющие и могущие осуществлять научное руководство в марксистско-ленинских учреждениях и организациях и крупнейших научно-исследовательских институтах.

Группа «Б»—основные научные работники вузов, комвузов и научно-исследовательских институтов и организаций (профессора, доценты, ст. ассистенты, действительные члены и научные сотрудники 1 разряда).

Группа «В»—начинающие научные работники вузов, комвузов и научно-исследовательских институтов и организаций (младшие ассистенты, аспиранты, ординаторы, научные сотрудники 2 разряда и прочие научно-технические сотрудники).

Группа «Г»—научные работники, не ведущие постоянной научной работы, не связанные органически с научной работой, но могущие выполнять работу, соответствующую квалификации «Б» или «В».

Уже на основании данных о начале научной деятельности можно установить, что наши научные кадры молоды и, следовательно, в основной своей массе являются начинающими научными работниками. Такой вывод совпадает с данными, которые мы имеем в отношении научной квалификации наших кадров по определению квалификационной комиссии: две трети всего состава учтенных работников, или 66%, относятся к группе «В», т.-е. к группе начинающих научных работников (1.052), 29% составляют основные научные работники (группа «Б»—468), 3% приходится на группу «Г» и только 2% или 32 научных работника являются работниками высшей квалификации (группа «А»), т.-е. являются работниками, могущими осуществлять руководство в марксистско-ленинских учреждениях и организациях и крупнейших научно-исследовательских институтах.

Научные кадры наивысшей квалификации (группа А) по преимуществу (84%) работают в области наук общественных: 21—в области наук исторических и экономических, 2—философских, 2 правовых и 2 литературы и искусствоведения. В области точных наук работает 4 работника: 2 физико-математические и 2 геологические. В области наук медицинских — 1 работник.

Научные работники других квалификаций распределяются по отдельным отраслям знания также весьма неравномерно, вследствие чего создается далеко не одинаковое качественное овладение партийными силами отдельных участков научного фронта.

В наиболее благополучном положении с точки зрения квалификации наших научных кадров находится состав работников по группе общественных наук, где группа «А» составляет 2,8%, группа «Б»—35,0%, группа «В»—59,2% и группа «Г»—3%.

Качественное состояние наших кадров по отдельным научным дисциплинам этой группы наук (общественных) отличается значительной пестротой: так, по педагогическим и педологическим наукам группа начинающих молодых научных работников доходит до 87%, по философским наукам эта группа составляет—72%, по таким наукам как языковедение, литературоведение и искусствоведение удельный вес группы начинающих научных работников несравненно ниже, чем ее вес в общем составе всех научных кадров ВКП(б).

На втором месте в отношении квалификации находится группа работников в области точных наук, где группа «А» составляет 2,9%, группа «Б»—31,9%, группа «В»—64,5% и группа «Г»—0,7%.

Следующее место занимает группа научных работников в области медицинских наук: группа «А»—0,4%, группа «Б»—19,5% и группа «В»—80,1%.

В группе работников в области наук прикладных состав начинающих работников доходит до 82%.

Остановимся на практическом стаже научной работы научных кадров. Группа «А» вполне естественно характеризуется большим практическим стажем научной работы, хотя и в этой группе мы имеем 2 товарищей, начавших научную деятельность в 1923—24 году, 2—в 1921—22 году.

В составе научных работников группы «Б» основной группой являются товарищи, которые начали научную деятельность в период времени с 1921 года по 1926 год—67,5%.

В составе научных работников группы «В», основной группой являются товарищи, начавшие научную деятельность в период времени с 25 по 28 год—75,3%. Примерно, такое же положение мы имеем и в отношении группы «Г».

Наши научные кадры в большинстве своем (три четверти) окончили вузы, при чем есть небольшое количество работников, которые окончили 2 вуза (88 чел.), 3 вуза (4 чел.) и даже 4 вуза (1 чел.). Кроме того, имеется довольно значительная группа (15,5%) работников, имеющих только среднее образование, и, наконец, 5% имеют только низшее образование. Со стороны обучения в комвузах состав наших кадров характеризуется следующими данными: 15,6% всего состава научных работников обучались и окончили комвузы.

Анализируя состав окончивших комвузы, видим, что наибольшую по численности группу дают «икаписты», которые составляют 46,4% всего состава окончивших комвузы научных работников.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные о научных командировках свидетельствуют о том, что метод повышения квалификации научных кадров путем научных командировок применялся в очень небольших размерах: три четверти всего состава наших научных кадров не были в научных командировках, 12,1% были в научных командировках только внутри страны, 9,0% были в заграничных командировках и только 2,4% имели и внутренние и заграничные научные командировки.

Следует остановиться еще на знании иностранных языков. Правда, это качество не отражает собою научной квалификации работника, однако, оно имеет немаловажное значение для повышения этой квалификации. С этой стороны состав наших научных кадров характеризуется наличием очень небольшого количества работников, которые совершенно не владеют иностранными языками (не говорят и не читают),—наличием большого количества работников (85%), читающих на одном, двух, трех и больше иностранных языках, при чем половина этого состава знает больше чем один язык; и наличием 34% свободно владеющих иностранными языками. Приведенные данные почти в одинаковой степени характерны для всех категорий научных работников.

IV. Партийно-социальный состав научных кадров.

Для характеристики партийно-политического лица научных коммунистических кадров возьмем следующие четыре основных показателя: партийный стаж, социальное положение и социальное происхождение, принадлежность к другим партиям и национальный состав.

В отношении партийного стажа наши научные кадры характеризуются тем, что больше двух третей состава кадров (68%) имеет не менее 9 лет партийного стажа. С дореволюционным стажем имеется 7,3% научных работников, со стажем 1917 г.—9,0%, со стажем 1918 г.—12,5%, со стажем 1919—20 г.—39,2%.

Остальная часть научных работников вступила в партию в более поздние периоды времени: с 1921 по 1924 г.—11,1%, в 1925—26 гг.—9,3% и в 1927—28 гг.—6,8%. Кроме того, имеется 4,5% кандидатов партии.

Нужно отметить, что хотя рост научных кадров в значительной степени происходит за счет партийного молодняка, однако, в основном на научную работу в большей степени передвигаются члены партии из более «взрослых» в партийном отношении групп, что видно из сопоставления данных о партстаже всех членов ВКП(б)—служащих (по данным последней партпереписи) и членов партии—научных работников:

	До 17 г.	1917 г.	1918 г.	19—20 г.	21—22 г.	23—24 г.	25—26 г.
Все чл. ВКП (б) служ.	1,2	4,5	9,2	32,5	7,2	9,8	35,6
Коммунисты научные раб.	7,7	9,5	13,1	41,1	6,8	4,9	9,8

Весьма характерно, что наиболее квалифицированная в научном отношении группа и по партстажу характеризуется наиболее высокими показателям. Больше половины этой группы состоит из членов партии с дореволюционным стажем, хотя в ее рядах мы имеем и молодых членов партии.

Группа основных научных работников (группа «Б») по партийному стажу характеризуется также довольно высокими показателями: так, в этой группе мы имеем 12,2% членов партии с дореволюционным стажем, 10,5% со стажем 1917 г. и 17,3% членов партии со стажем с 1918 г. Примерно, такими же данными характеризуется и группа «Г». Наиболее молодой в партийном отношении является группа начинающих научных работников, где имеется сравнительно большое число кандидатов, а также молодых членов партии, вступивших в партию за последние годы.

В отношении социального состава наших научных кадров, мы приведем две основных цифры: выходцев из рабочих (по социальному происхождению) в составе кадров имеется 16%, выходцев из крестьян—28%, а остальная часть научных кадров приходится на выходцев из других социальных групп. Нужно признать, что такая степень вовлечения в научную работу пролетарской части нашей партии является недостаточной, особенно, если добавить, что рабочих по социальному положению (а не по происхождению) в составе научных кадров имеется всего лишь около 4%.

Для характеристики политического прошлого наших научных кадров необходимо привести данные о принадлежности их к другим политическим партиям. Удельный вес выходцев из других партий в составе наших научных кадров доходит почти до одной трети всего их состава (30,3%), при чем в группе научных работников, начавших свою научную деятельность до вступления в ВКП(б), имеется еще большее количество выходцев из других партий (33,2%).

Среди выходцев из других партий по наибольшему удельному весу в их составе выделяются меньшевики и бундовцы. По времени своего вступления в ВКП(б) научные работники, выходцы из других партий, разделяются на следующие характерные группы: 25,5% приходится на работников, вступивших в период 1917—18 г. и частично (3,3%) до революции, вторая весьма значительная по своим размерам группа (52,3%) состоит из работников, вступивших в партию в 1919—20 гг.

Для большей полноты характеристики партийно-политического лица наших научных кадров необходимо привести данные о степени вовлечения в научную работу коммунистов-националов. В национальных республиках формирование научных коммунистических кадров в значительной степени происходит за счет коренной национальности, хотя в разных республиках мы имеем неодинаковое положение: в УССР украинцы составляют 42%, в БССР белоруссы составляют 40%, в Азербайджане тюрки—33%, в Армении—армяне—100%, в Грузии грузины—24% и армяне—33%.

Это отнюдь не говорит о благополучии с национальными кадрами научных работников, так как абсолютные цифры научных работников-партийцев из националов крайне низки (за исключением Украины).

V. Как используются научные кадры ВКП (б).

Характерным моментом в использовании научных кадров являются весьма значительные размеры совместительства: 1.568 работников занимают (по анкетным данным) 3.454 должности, что в среднем на одного работника составит 2,2 должности.

Фактические размеры совместительства значительно больше, так как при заполнении анкет во время проводившегося учета многие работники указывали лишь свои основные нагрузки, не перечисляя целого ряда добавочных совместительств.

Из всего состава учтенных работников только 29,2% занимают одну должность (или выполняют одну работу), 39,5% занимают две должности, 19,3% занимают три должности, имеются работники, занимающие и пять и шесть, и даже больше должностей.

Характер использования наших научных кадров можно представить в таком виде: основная масса, около трех четвертей (74,2%), научных партийных сил работает исключительно в научных организациях и учебных заведениях, занимаясь там или научной или административной работой, а иногда и совмещая эти два типа работы.

Остальная часть в большинстве своем (22,5%) на ряду с научной и научно-административной работой в научных организациях и учебных заведениях ведет также работу в административно-хозяйственных учреждениях. И только весьма незначительная часть всего состава учтенных научных работников (3,3%) находится на работе исключительно в административно-хозяйственных учреждениях. Данные в отношении этой группы являются безусловно неполными.

Работающие только в научных организациях и учебных заведениях в подавляющем своем большинстве (70,5%) занимаются исключительно научно-преподавательской работой; совмещают научную работу с административной 25,7%, и 3,8% этого состава работников занимаются исключительно административной работой.

Размеры совместительства у работников, находящихся на работе в научных организациях и учреждениях, определяются следующими данными:

	Всего работников	Из них занимают 1 долж.	2 долж.	3 долж.	4 долж.	5 и более
В абсол. числ. . .	1163	422	434	213	57	37
В %%	100,0	36,3	37,3	18,3	4,9	3,2

Эти данные показывают, что только очень небольшая часть состава научных работников данной группы свободна от совместительства и имеет возможность уделять необходимое время своей научной работе. Остальная часть перегружена работой по совместительству, нередко в таких размерах, которые вряд ли оставляют возможность для действительно научной работы.

Еще более загружены работой по совместительству научные работники второй группы, которые на ряду с научной и административной работой в научных организациях ведут работу в административно-советских и хозяйственных учреждениях. Так, если среднее число совместительств по первой группе составляет 2,0, то среднее число совместительств по второй группе—3,2.

Больше половины работников этой группы (53,5%) занимают две должности, 25,5% занимают три должности, 10,8% занимают четыре должности. Среди остального состава работников этой группы (10,2%) имеются работники, занимающие пять-шесть и более должностей.

Подавляющее большинство по основным своим должностям занимается научной работой в вузах и комвузах (71,2%) и в научных организациях (26,6%).

Основная масса научных работников вузов и комвузов занята на преподавательской работе (23,4%), вторую группу составляют аспиранты (21,2%) и мл. ассистенты (16,0%), профессора и доценты составляют 23,3%, остальная часть научных работников является ординаторами, лаборантами и т. д.

Основную массу научных работников в научных организациях составляют шт. аспиранты—61,8%, научные сотрудники первого разряда составляют 6,2%, второго разряда—3,0%.

Группа научных работников, выполняющих административную работу в вузах и комвузах, в основном состоит из ректоров (49,4%), деканов факультетов (19,1%) и проректоров по учебной части (16,3%). Административные работники в научных организациях в основном состоят из заместителей руководителей организаций (34,3%), руководителей организаций (25,4%) и руководителей частей научно-исследовательских организаций—(19,4%).

Выполняемая по совместительству работа в административно-советских, хозяйственных и др. учреждениях характеризуется наличием довольно большой группы научных работников, использовываемых в качестве специалистов (38%). Остальная часть совмещающих выполняет разнообразную работу, начиная от работы руководителей учреждений (16,1%) и до инструкторских и инспекторских функций включительно (4,5%).

Что касается характера учреждений, где работают научные работники по совместительству, то это прежде всего административно-советские органы, в частности органы планово-регулирующие (39,4%), и потом культурно-просветительные учреждения, в частности органы печати (28,9%). Сравнительно большая группа (13,6%) работает по совместительству в промышленно-производственных организациях. Группа в составе 26 человек (7,4%) работает по совместительству в партийных органах.

VI. Руководство подготовкой новых кадров.

Затрагивая вопрос о кадрах коммунистов, научных работников, необходимо остановиться и на причинах, вызывающих недостаточное привлечение партийных сил к научной деятельности.

Один из первых выводов, который необходимо сделать,—это вывод о недостаточном внимании местных партийных организаций. Как правило, местные партийные организации не изучали состава кадров коммунистов, научных работников, и вопросами подготовки новых кадров систематически не занимались, в результате чего целый ряд крупнейших научных учреждений работает без всякого влияния местных партийных организаций при почти полном отсутствии в их составе коммунистов.

Выводы большинства парт. комитетов в области выдвижения и руководства работой научных работников-коммунистов можно свести к следующим двум наиболее характерным решениям:

1. «Констатировать, что учет и изучение кадров партийных и б/п научных работников отсутствовал, что не дало возможности заниматься систематическим и плановым руководством подготовкой научных сил Азербайджана. Признать чрезвычайно недостаточным процент коммунистов, начинающих научную работу» (ЦК Азербайджана).

2. «Делу выдвижения новых научных сил, их подготовки, а также подбору научных работников до последнего времени не уделяли внимания ни окружком, ни фракция правления Ун-та, ни бюро секции научных работников» (Пермский ОК).

Не занимаясь вопросами подготовки новых научных кадров, партийные организации не обеспечивали и правильного использовывания имеющихся

кадров, допуская перегрузку их совместительствами на различной работе, в результате чего создавались условия, не дающие возможности постоянной работы над поднятием научной квалификации.

Вывод: необходимо гораздо большее внимание партийных организаций к делу подбора и подготовки новых научных кадров вообще, и в особенности к созданию условий, обеспечивающих подготовку коммунистов, научных работников высокой научной квалификации, продвижение подготовленных коммунистов на научную работу во все научно-исследовательские организации, вузы и втузы и правильное использование кадров научных работников-коммунистов на научной работе.

В этих целях целесообразно создание при краевых и областных комитетах партии постоянных партийных комиссий для руководства в пределах области работой по подбору и выдвижению новых научных кадров, пересмотр существующих нагрузок научных работников с целью наиболее правильного использования по специальности, устранения совместительств, препятствующих научной работе, и направления коммунистов, окончивших аспирантуру в местных вузах и научно-иссл. институтах, на научную работу по специальности.

Второй вывод в отношении руководства подготовкой кадров коммунистов, научных работников, со стороны советских и партийных организаций сводится к тому, что существующая организация руководства подбором и подготовкой новых кадров, научных работников в союзных (отдел научных учрежд. СНК СССР, ВСНХ СССР и др.) и республиканских учреждениях (Наркомпросы, Наркомздравы республик) не удовлетворяет требованиям, пред'являемым к подготовке научных работников в нынешний период социалистического строительства, и не обеспечивает подготовку нужных партии кадров коммунистов, научных работников (за исключением части институтов по общественным наукам).

Отсутствует единая система и порядок в подборе и выдвижении новых научных работников, крайне слабо влияние общественных организаций в деле подбора новых кадров и руководстве научно-исследовательскими институтами, в результате чего количество коммунистов, подготовляющихся к научной работе в аспирантских группах при вузах, втузах и научно-исследовательских институтах, за небольшим исключением (институты по общественным наукам), недостаточно, а в ряде случаев равно нулю. Научные учреждения союзного значения, подчиненные непосредственно СНК Союза, в своем составе не имеют коммунистов, научных работников, и работают без всякого партийного влияния.

В целях устранения такого положения необходимы мероприятия в трех направлениях.

Во-первых, выработка общих для всех вузов, втузов и научно-исследовательских учреждений (в том числе и всесоюзных научных учреждений, находящихся в ведении СНК Союза) положений о порядке подбора и подготовки начинающих научных работников (аспиранты, стажеры и пр.), обеспечивающих устранение имеющегося в настоящее время разнобоя и установление единства в постановке всего дела подбора и подготовки новых научных кадров для всех учреждений, в чьем бы ведении они ни находились; активное участие общественных организаций в выдвижении и подборе новых аспирантов, соблюдение классового принципа в подборе и устранение личного усмотрения профессуры. Необходимо обеспечение коммунистам-специалистам, работающим в производстве, возможности занятия научной работой по специальности в научно-исследовательских институтах.

Во-вторых, необходимо перестроить постановку руководства внутри ведомств (НКП, ВСНХ и др.) работой по подбору и подготовке научных работников, путем создания областных ведомственных органов с участием про-

фессиональных и парт. организаций для руководства работой вузов, втузов и научно-исследовательских институтов в пределах области в части подбора и подготовки научных кадров, обеспечить коммунистическое руководство при окончательном утверждении аспирантов, ускорить нетерпимо длинные сроки прохождения вопросов об утверждении, установить ответственность правлений вузов и научно-исследовательских институтов за подбор и подготовку аспирантов.

Нынешний порядок замещения научных должностей и кафедр должен быть пересмотрен в сторону усиления влияния руководящих организаций для обеспечения более планового распределения оканчивающих аспирантуру молодых научных работников.

Необходимо также пересмотреть существующие положения о научно-исследовательских институтах в сторону усиления роли общественных организаций в комплектовании правлений институтов и обязательного участия представителей их в советах институтов.

В-третьих, отсутствие увязки между темпом развития социалистического строительства, намеченного пятилеткой, и темпом подготовки потребных для этого строительства кадров научных работников, в особенности научных работников-коммунистов, обусловливает необходимость скорейшего проведения в жизнь предложения, выдвинутого конференцией марксистско-ленинских научных учреждений, о создании единого общесоюзного органа, планирующего работу научных учреждений.

Необходимо заполнить пробел в работах Госплана по пятилетке путем выработки плана подготовки научных работников СССР по отраслям знания в соответствии с пятилетним планом развития народного хозяйства и культурного строительства СССР. Ведомства должны иметь контрольные цифры необходимого минимума подготовки научных работников по отраслям знания. На основе общего плана необходимо планомерное направление коммунистов на научную работу по отдельным отраслям знания. Нынешняя система самотека (кроме общественных наук, где наше влияние в подборе достаточно сильно) должна быть заменена систематической работой по подбору новых кадров. Необходимо значительно усилить приток молодых научных коммунистических сил в область точных и прикладных наук.

При разработке плана нужно особо учесть необходимость расширения деятельности существующих и организации новых научно-исследовательских институтов в национальных республиках в целях усиления подготовки коммунистов, научных работников национальных республик, из местных кадров.

В-четвертых, необходимо укрепить в вузах и втузах институт студентов-выдвиженцев на научную работу. Этот молодой институт в ряде случаев уже дает положительный результат: выдвижение на научную работу должно производиться общественными организациями, профессурой и преподавательским составом вузов при обязательном руководстве этим делом местных партийных организаций, при чем выдвижение в первую очередь должно коснуться выходцев из рабочих и крестьян.

Одновременно необходимо выработать подробное положение о выдвиженцах, установив, что прием аспирантуры должен производиться в первую очередь из числа студентов-выдвиженцев, показавших свою пригодность к научной работе.

В-пятых, секция научных работников союза работников просвещения и инженерно-технические секции других союзов должны проявлять гораздо большую активность в вопросах руководства научно-исследовательскими организациями, в вопросах подбора их руководящего состава и в особенности в деле подбора и выдвижения новых научных кадров. Нынешняя роль профессиональных организаций в этом деле ни в коем случае не может быть признана удовлетворительной.

В-шестых, в целях повышения квалификации научных работников-коммунистов необходимо, помимо заграничных командировок, расширить практику научных командировок работников внутри Союза ССР, особенно из провинции в Москву, для работы во всесоюзных марксистско-ленинских учреждениях, в частности в Институте Маркса и Энгельса, в Институте Ленина и Комакадемии.

Последний вывод: нынешняя постановка подготовки новых научных работников, за исключением аспирантуры специальных научно-исследовательских институтов по общественным наукам при Ранионе и партийных научных учреждений (ИКП, Комакадемия), не обеспечивает марксистской подготовки новых научных кадров. Необходимо ко всем вступающим в число аспирантов пред'являть требования обязательной марксистской подготовки.

Гейнц Нейман.

Откровенности генерала Секта.

I.

Во всех странах света множатся очаги конфликтов. Все крупные капиталистические державы лихорадочно готовятся к надвигающейся новой мировой войне. В игре воинствующих мировых сил растущее значение приобретает окрепший германский империализм. Сооружение броненосца служит осязательным симптомом воли германской буржуазии к участию в грядущей мировой войне в качестве издревле зарекомендовавшей себя военной державы. Уже миновали времена инфляции, военной немощи разгромленной Германии. Капкан версальского мирного договора уже прорван, и договор обходится тысячами путей. Новая Германия, Германия капиталистической стабилизации, уже не есть угнетенное государство. Это—империалистический возбудитель войны, целесознательно и планомерно вооружающийся на предмет грядущей вооруженной схватки.

Отражение этого нового об'ективного положения вещей мы находим и в литературе. Первый период после войны характеризовался обилием мемуарной литературы, военных мемуаров, принадлежащих перу побежденных генералов, наполненных сентенциями на тему о военном долге. (Kriegsschuld). В наши дни эти вопросы отступили на задний план, и в порядок дня выдвинута во всем ее об'еме новая проблема—задача Германии в ближайшей войне. «Для будущего, которое гораздо важнее прошлого», составил свою книгу генерал фон-Сект. Эта только что вышедшая книга—«Мысли солдата»—может рассматриваться, как военно-политическая программа нового германского империализма, как один из важнейших документов, выпукло рисующих политику наших классовых врагов.

Генерал Сект принадлежит к числу умнейших, а следовательно, опаснейших врагов германского пролетариата. Он—не только один из руководящих генштабистов Восточного фронта в последнюю войну, но и верховный главнокомандующий германского рейсхвера времен каповского путча и первых лет стабилизации. Сект—подлинный творец рейсхвера. Это он перековал лютые путчиские банды времен Носке в боеспособную армию современного образца. Сект—специалист в деле «внутреннего использования» армии, и он полностью ее использовал осенью 1923 г., на основе соц.-демократического закона о чрезвычайных полномочиях. Сект—заклятый враг компартии; это он в октябре 1923 г. наложил на нее реакционный запрет. Сект—грядущий германский генералиссимус в случае войны и кандидат в военные диктаторы в буржуазной республике.

В начале своей книги Сект заявляет, что ему «ясна сущность войны, ее запросы, требования и последствия»,—как человеку, который «с хорошего обсервационного пункта обозревал поля битв в мировую войну». Его произведение отличается от ходячей литературы тем, что он «мыслит» грядущую войну не как простое повторение войны минувшей, но учитывает весь опыт после 1918 г.,—все военные, политические, социальные и технические особенности новейшего развития. Через военную программу Секта красной нитью проходит учет издавна признанной марксизмом неразрывной

связи между войной и политикой. «Военно-организационные вопросы в общем и целом суть вопросы политического характера». Трактовка военных, политических и экономических вопросов войны, как единого целого, делает программу Секта весьма значительной.

Сект безжалостно разбивает пацифистскую фразеолоигю, пафицистское надувательство Лиги Наций и лживые разглагольствования социал-демократов о разоружении. В качестве сознательного классового представителя германской буржуазии он не верит в мир и проповедует всестороннюю подготовку войны. Ему превосходно известно, что «вопрос о войне и мире решают не князья, не государственные деятели, не парламенты, договоры и союзы, а высшие силы». Эти высшие силы, неизбежно толкающие на путь войны, Сект именует «вечными законами становления и увядания народов». Глядя более трезво и выражаясь яснее, мы усматриваем в них непримиримые конфликты империалистических интересов и непоколебимые законы классовой борьбы.

В ответ на пацифистские заверения и заклинания социал-демократии о разоружении Сект с грубостью германского генерала говорит: «Пацифистов всегда надо пригвождать к позорному столбу—хотя бы морально». Мы не станем здесь разбираться, к моральному или не моральному позорному столбу надо пригвождать убийство из-за угла, выстрел ночью в затылок из ружья фельдфебеля черного рейхсвера. Мы понимаем, что угроза Секта заострена против революционного пролетариата, который «в союзе с враждебными соседями ослабляет свой народ». Социал-демократическим вождям не приходится опасаться позорного столба: они не принадлежат к числу тех, «кто сознательно делает безоружным» германский империализм. Германы Мюллеры, Зеверинги и Гильфердинги голосуют за бюджет рейсхвера и сооружают броненосец «А». Они подерживают военную программу Секта. Место «броненосного социалиста» не у позорного столба, а в правительстве.

Что касается пацифистских разглагольствований, то Сект с едкой иронией заявляет: «Теперь, на некоторое время, слово принадлежит главе пропаганды, который выдает за мировую совесть крик «держи вора». Если бы этого главного проповедника империалистической мировой совести подвергнуть личному обыску, в кармане его, несомненно, оказался бы членский билет социал-демократа и последние резолюции II Интернационала по вопросу о мире.

Сект не просто империалист, но первым долгом империалист германский. Поэтому предметом его рассмотрения является не столько война вообще, сколько специфические военные интересы германской буржуазии; а германская буржуазия заинтересована в своеобразном, специфическом использовании пропаганды всеобщего разоружения, в целях укрепления нового германского милитаризма. Так возникает теория Секта. «Гарантией мира является не столько уменьшение вооружений, сколько равенство вооружений. Равенство вооружений представляется нам первой и достижимой целью на пути обеспечения мира». В чем же заключается эта достижимая цель равенства вооружений? В «установлении токого соотношения между имеющимися наготове силами мирного времени, чтобы ни одно государство не располагало силами... превосходными по сравнению с друигми государствами». Рассуждая отвлеченно—такое равенство вооружения может быть достигнуто двояким путем: или иностранные государства разоружатся до восстановления равновесия, или Германия соответствующим образом вооружится. Но, как известно, логика империализма не есть нечто отвлеченное. Это — логика политическая, военная. Отсюда следует, что единственный путь — второй и что на этот путь всемерно вступают: Германия усиливает и приводит в состояние боевой готовности свои «силы мирного времени».

Опыт показал, что разоружаться не хочет ни одно капиталистическое государство. Значит надо вооружать рейхсвер, увеличивать армию и флот, использовать все силы страны, ее богатства, численность ее населения и мощные средства современной промышленности, чтобы достигнуть «равенства в вооружении». Такова теория Секта. Ее практическое осуществление—вся проводимая германским империализмом политика войны и вооружений. Теория равенства вооружения лежит в основе выступлений всех германских представителей — от графа Бернштейна до пацифиста Брейтшейда—на конференциях Лиги Наций. Эта теория целиком совпадает с точкой зрения социал-демократии, считающей, что «мы не должны делать свой народ бесправным», и что «пока не разоружаются другие, мы должны использовать нашу маленькую военную силу для обороны демократической республики». Такова теория и практика броненосца.

Спрашивается, против кого же вооружается германский империализм? Против кого направлена острием выкованная наново германская военная мощь? Против запада или против востока? Генерал Сект,—еще несколько лет назад решительный сторонник восточной ориентации,—и бывший поборник идей сближения Германии с СССР—совершил в этом вопросе крутой поворот. В своей книге он ни единым словом не упоминает об оккупированной Рейнской области и находящейся под угрозой западной границе. Он говорит исключительно об осложнениях в Восточной Европе. Грядущий театр военных действий, о котором он рассуждает в своей книге, расположен на востоке. Ясно намекая на СССР, он в решающей части своей программы говорит:

> «В борьбе с крупными мировыми историческими переворотами Локарно не поможет, и натиску с востока должно противостоять с мечом в руке, как противостояло когда-то западно-европейское рыцарство у Лигница».

Было бы слишком наивным воображать, что генерал Сект считает Польшу Пилсудского «носителем крупного мирового исторического переворота». Говоря о чреватом переворотами натиске востока, Сект не имеет в виду никого другого, как СССР, против которого не поможет Локарно. Старая песня Локарно возведена в стратегический принцип. Устами Секта германская буржуазия еще раз предлагает англо-французской Антанте свой рейхсвер в качестве «западно-европейского рыцарства для интервенционистской войны. Перо Секта пророчествует о том, что суждено свершить армиям Секта. Новый милитаризм, созидаемый совместными усилиями буржуазии и социал-демократии, это—германский меч, занесенный над русской революцией, это—военный меч, готовый опуститься на пролетариат и крестьянство Советского Союза. Сект выявляет эту цель необычайно откровенно. Не скрывает он и того, что меч этот продается очень дорого. Первое, чего требует германский империализм от Антанты, это свободы вооружения в интересах безопасности. И, во-вторых, «с этой целью он, в случае счастливого исхода войны, может желать даже исправления границ».

Оценка современной внешней политики германской республики служит существенным водоразделом между коммунистами и социал-демократией. Коммунисты заявляют, что внешняя политика Штреземана сознательно и планомерно ведет к войне. Социал-демократия утверждает, что политика Лиги Наций и курс Штреземана, хотя и сопряжены с трудностями, однако, обеспечивают мир. Сект подробно анализирует эту проблему под углом зрения буржуазного государства. Он требует «тесного, длительного и построенного на взаимном доверии сотрудничества» между министерством иностранных дел и рейхсвером. Какой цели служит это сотрудничество? Сект коротко и ясно отвечает: «Подготовке к возможной войне». Политическую подготовку войны он совершенно открыто считает подлинной задачей германского министерства иностранных дел. «На случай войны дипломатия должна выполнить свой долг,—сделать все от нее зависящее, чтобы война протекала в наиболее благоприятных условиях». Вряд ли можно говорить языком более наглым, более откровенным. Сект проливает свет на постоянное разделение труда между «миролюбивой» германской внешней политикой и военными подготовками рейхсвера: «Составление плана на случай возможной войны есть дело полководца; но для этого он нуждается в основных директивах политического деятеля». Задача правительства—будь то правительство хотя бы социал-демократическое,—согласно программе Секта, заключается в предпосылаемой войне политике подготовки, т.-е. в заключении союзов, в том числе и военных. Локарнский договор, женевское соглашение, переговоры Штреземана в Лондоне, Париже и Берлине—все это есть не что иное, как «политика союзов, предпосылаемая войне».

Если, согласно этому признанию, внешняя политика Германии есть исключительно орудие войны, то вооруженные силы капиталистической республики в свою очередь служат подсобным орудием внешней политики. «Пока не гарантирован вечный мир, внешняя политика требует формирования военной силы и.... ее калькуляции. Престиж государства все еще зависит от его военной мощи». Для главы государства—сейчас он именуется Германом Мюллером—«весьма желательно, чтобы при проведении своих планов он в последнем счете мог рассчитывать на сильную армию». Сект требует, чтобы политический деятель учитывал, какую роль может он отвести в своей игре военной силе, для полководца он требует указания, в каком направлении должен тот работать над совершенствованием своего вооружения. Германская социал-демократия как раз в последние дни недвусмысленно показала, что она умеет блестяще проводить военную программу самых завзятых милитаристов. Сооружая броненосец при поддержке всей социал-демократической верхушки, Герман Мюллер единым махом разрешает обе задачи, намечаемые планом Секта. Он дает понять, какую крупную роль в игре отводит он военной силе, и подает рейхсверу желанный знак для завершения его вооружения.

Необходимо, чтобы пролетариат вполне отчетливо понял связь между социал-демократической политикой и непосредственной подготовкой войны. Штудирование книги Секта чрезвычайно облегчает это понимание. Сект открыто высказывает то, что социал-демократы делают, что они считают своим долгом и вынуждены делать. Он мотивирует и раз'ясняет их фактическую политику, не называя их по имени.

Мы же назовем социал-демократию по имени, потому что долг коммуниста—накануне грозно надвигающейся убийственной войны сигнализировать пролетариату основную нависшую над ним опасность: бессовестную и безвозбранную военную политику реформистов, маскирующихся в тогу друзей мира.

II.

На книге Секта мы наглядно показали тесную связь между внешней политикой германской буржуазии и военными вооружениями рейхсвера. Оказалось, что внешняя политика Штреземана, безоговорочно поддерживаемая социал-демократами, сознательно и исключительно направлена к созданию политических предпосылок для новой империалистической войны, что внешняя политика германской республики заострена в сторону прямой подготовки вооруженного столкновения.

Теперь наша задача — парализовать внутриполитическую и военно-организационную часть германской военной программы. При этом мы остановимся лишь на следующих основных моментах: вопросе об оборонительной войне и «наступательной обороне границ», современных принципах

построения рейхсвера, госкапиталистической организации германской военной промышленности.

В августе 1914 г. все шовинисты и социал-шовинисты орудовали термином «наступательная война», чтобы затуманить сознание народных масс и развязать дикое военное неистовство. «Враги и завистники вынуждают нас вести справедливую оборонительную войну», говорил Вильгельм II. «Нам приходится оборонять Францию и Бельгию от нападения германского варвара», говорил в свою очередь Пуанкаре. «Мы против войн завоевательных и наступательных, но мы за оборону отечества от вражеских нападений», твердили социал-демократы всех стран, санкционируя военные кредиты и посылая пролетариев в окопы. Ленин с беспощадной иронией бичевал кабинетные и подлые рассуждения Каутского, тщательно устанавливавшего различие между «войной наступательной и войной оборонительной» в оправдание массовой бойне.

В наши дни вновь оперируют лживыми лозунгами войны оборонительной для организации новой империалистической войны. Все «гарантийные договоры» обязывают договаривающиеся стороны ко взаимной вооруженной поддержке в случае «нападения третьей стороны». Знаменитый параграф 16 подписанного Штреземаном устава Лиги Наций возлагает на Германию обязанность всемерно помогать транзиту англо-французских вооруженных сил для интервенции против СССР. Когда вступает в силу эта статья о транзите? «В случае непровоцированного нападения одной из держав, не принадлежащих к Лиге Наций, на какого-либо члена Лиги».

Вне всякого сомнения, английская, французская и германская буржуазия поведут наступление на Советский Союз под видом «оборонительной войны». Уже и сейчас во всей своей агитации социал-демократия судорожно старается изобразить СССР как нарушителя мира, как нападающего зловещего соседа, вечно угрожающего кротким республикам типа Польши и Румынии и таящего в себе опасность для европейской цивилизации.

Представители революционного пролетариата должны самым энергичным образом бороться против этой опаснейшей лжи.

Программа Секта с абсолютной ясностью показывает всякому беспристрастному человеку, как надо понимать «оборонительную войну».

Сект на классическом примере из новейшей истории показывает, как понимает «оборонительную войну» современная германская буржуазия. Он черным по белому пишет: «В 1914 г. наша война была в политическом отношении чисто оборонительной». Мы благодарны генералу за его признание, делающее эпоху. «Оборонительная война», к которой лихорадочно готовится новая Германия, «оборонительная война», во имя которой социал-демократия вновь призовет миллионные массы под знамена буржуазии—эта война будет аналогична войне 1914 г.

Несомненно одно—в 1914 г. Бельгия стала об'ектом нападения, оккупации и опустошения ее германскими армиями. Какое дается этому об'яснение? Очень простое: «Нападение было средством обороны». Сект и в будущем считает «единственно возможной тактикой оборонительной войны», «наступление на решающем участке, как способ быстрого и благоприятного разрешения вопроса».

Наступление, «как средство обороны», лозунг обороны, как средство наступательной войны—такова программа германского финансового капитала в 1918 г.

Сект снисходительно-равнодушно заявляет: «Есть ли данная война—война наступательная,—это вопрос политический, если хотите—вопрос международного права». Ответ на этот кабинетный вопрос «может быть взят под сомнение». Вопрос разрешается стоящим выше теорий и государственно-правовых понятий, ответственным лишь за благо своего народа политическим деятелем. Его словами не запугать». Действительно, Штреземана, как политика, стоящего выше теорий и изо всех сил подготовляющего войну, никакими пацифистскими лозунгами не запугать. Наоборот, эти лозунги—самое действенное средство и надежное прикрытие его политики; именно этим новый германский империализм отличается от старого, давно канувшего в вечность.

Сект считает «желательным предупреждать» грозящее нападение со стороны врага, нападая самому, иными словами, он проповедует военное нападение под маской готовности к миру. «При миролюбивой по существу, задающейся целью только обороны, политике можно вести навязанную (!) войну с р е д с т в а м и в о е н н о г о н а с т у п л е н и я».

Из этой программы вытекают две задачи комбинированного характера: необходимую п а ц и ф и с т с к у ю ф р а з е о л о г и ю в изобилии поставляет правая и левая социал-демократия. Технику в о е н н о г о н а п а д е н и я берет на себя генерал Сект.

Как начать «войну оборонительную»? Ничего не может быть легче: надо защищать «угрожаемые» границы отечества. «Эта задача может быть разрешена как в процессе обороны, так и в процессе н а с т у п л е н и я. Оставим в стороне чисто бумажную возможность оборонительной защиты границ. В таком случае оборонительная война начинается так: «Если задачу приходится разрешать путем наступления, — чтобы продвинуть вперед прикрытие,—в таком случае н а д о п р о р в а т ь в р а ж е с к у ю о б о р о н у г р а н и ц. Это требует концентрации и п о в о з м о ж н о с т и застигающего врасплох оперирования силами. Для такого внезапного натиска в начале войны особенно пригодны кавалерийские дивизии, операции которых подкрепляются артиллерией с последующим приведением в действие пехоты». Войну можно открыть лишь при помощи более крупных и самостоятельных кавалерийских операций, если предназначаемые для этого единицы готовы в оперативном отношении раньше, чем можно двинуть всю массу армии.

Мы не можем вдаваться в оперативные подробности сектовского плана наступления. Мы ограничимся лишь беглым взглядом на германский рейхсвер, готовый ко внезапному и наступательному разрешению проблемы мира.

Всякому известно, что версальский договор запрещает Германии изготовлять военные аэропланы, тяжелые артиллерийские орудия, танки, удушливые газы и вообще самые современные и действенные средства развертывания войны. Замечательно, что в явном противоречии этому факту программа Секта особенно подробно занимается вопросом об использовании и оперировании этими воспрещенными видами оружия. Так, например, Сект, отчетливо намекая на формирование германского рейхсвера, говорит: «Разнообразные боевые задачи дивизии требуют для успешного их выполнения подвижной и в то же время внушительной по своему действию артиллерии; в данном случае особенно ценен тяжелый орудийный огонь». Он высказывает любопытные соображения по поводу пехотного прикрытия при подвозе дальнобойных артиллерийских орудий к таким существенным пунктам, как железнодорожные узловые пункты врага и проч. Особо важное значение придает он при оперировании дальнобойными орудиями «сотрудничеству с воздушным флотом, соответствующие единицы которого должны быть подчинены кавалерийской дивизии. Он со знанием дела освещает столь конкретный вопрос, как снабжение артиллерийским снаряжением далеко продвинувшихся частей армии с помощью грузовых самолетов. В «безобидной» связи с задачими современной германской кавалерии он выдвигает следующее положение: «Исход сражения решается наличием связи с танковыми дивизиями».

Это звучит как признание того, что германская буржуазия, невзирая на путы версальского договора, осуществляет гигантский план всеоб'емлющего организованного государством вооружения. Это программа, в которой имеется и изготовление военных самолетов, и удушливые газы, и фабрикация крупных танков и тяжелых дальнобойных орудий.

Сект вынужден хотя бы формально маскировать это признание. Под давлением этой необходимости он производит внезапный поворот. На мгновение Сект меняет серый полевой мундир германского генерала на воздушный плащ поэта. Он говорит, что высказываемые им мысли есть не что иное, как «полет» в страну военной фантазии». «Образы фантазии» свободны от пут версальского договора. Таким образом, от весьма материального броненосца мы переходим в царство свободной поэтики. Во всяком случае,—поясняет Сект, — это фантазии, построенные на весьма ральных фактах. Эти фантазии предает он публичной огласке в своем плане войны.

Мы должны проверить теперь реальные факты, лежащие в основе новой грандиозной программы вооружения империалистической Германии.

Сект учитывает весь опыт мировой войны и послевоенный. Он тщательно анализирует реорганизацию армии и новейшие военные законы в важнейших крупных империалистических государствах. Он делает отсюда определенные выводы крупного принципиального значения. При выборе между массовой армией и кадровой армией он решительно высказывается за принцип «маленьких, удобных для оперирования армий мирного времени». Он решительно высказывается против «самого дорогого вида вооружения—крупных армий мирного времени с продолжительным сроком военной службы и обильным снаряжением». Война в будущем представляется ему в виде использования «высокоценных и чрезвычайно подвижных, т.-е. маленьких армий, действие которых существенно усиливается военной авиацией». Образцом такой высокоценной и подвижной армии служит современный рейхсвер: «Армия мирного времени, которую можно назвать армией прикрытия или оперативной армией». Эта кадровая армия «состоит из находящихся долго на военной службе профессиональных солдат, по мере возможности из добровольцев».

К этому присоединяется полная мобилизация обороноспособности страны. Как происходит подготовка массовой вооруженной силы на случай возникновения войны? Центр тяжести в кадровом корпусе «из офицеров, унтер-офицеров и солдат; через их учебные отряды и школы пропускается вся способная носить оружие молодежь; курс обучения краткий, а затем применяются необходимые повторительные курсы».

Так открыто рисует Сект фактическое положение вещей в современной Германии. Официальный рейхсвер играет роль лишь безусловно надежной кадровой армии, ударослособной, оперативной армии, «кристаллизационного ядра» грядущей массовой армии. Вокруг этого ядра группируются «учебные отряды» в качестве резервов дополнительные отряды, — бесчисленные разновидности неофициальных вооруженных сил германского империализма: черный рейхсвер, Стальный Шлем, фашистские союзы, студенческие и иные тайные организации, заводский спорт и проч. Имперский флаг становится во фронт перед Гинденбургом и соперничает со Стальным Шлемом в патриотизме и травле Советов; Имперский флаг, вместе с летучими отрядами полиции орудует против революционных рабочих, — это численно крупнейшая из всех вспомогательных отрядов грядущей войны.

Сект подчеркивает значительное превосходство германского строя армии—кадровой системы: «Чем мельче армия, тем легче вооружить ее по современному образцу». Таким образом, мы подходим к основному стержню всей военной программы: к вопросу о военной промышленности и экономической мобилизации германского империализма, организующей современное вооружение грядущих армий. Это для него вопрос—быть или не быть. Вот, где суровая, твердая, материальная почва для всех «военных фантазий» генерала Секта. Подлинную основу германских военных вооружений надо искать не в политической и не в военной надстройке Веймарской республики, а в недрах капиталистической экономики,—в германской промышленности.

Сект, разумеется, враг версальского договора. Он требует снятия пут, наложенных на рейхсвер Антантой. Но он как-то мало сетует на эти путы. Он совершенно честно—и это есть новое и характерное в его программе—намечает практический путь развития современной Германии в первоклассную военную державу, не выходя за рамки версальских определений.

Сект говорит о трудности иметь постоянно наготове современное военное снаряжение для миллионной армии на предмет грядущей войны. Не может быть ничего более неэкономного, чем нагромождение крупных запасов, в особенности в виду сомнительной военной ценности устарелого материала. В качестве примера он указывает на нелепость наличия на складах тысяч аэропланов, которые год спустя зачастую теряют какую бы то ни было ценность в виду появления нового типа.

Для новейшего вооружения германской армии будущего имеется лишь один путь: «Установление типа оружия и параллельно этому подготовка к массовому изготовлению его в случае необходимости. Офицеры рейхсвера совместно со специалистами-производственниками путем длительных изысканий в опытных учреждениях и на полигонах должны установить лучший для данного момента тип всякого вида оружия. Сект избегает характеристики отдельных видов оружия, но, само собой понятно, что он имеет в виду не только винтовки и штыки, но и «лучший для данного момента тип» самолетов, танков, газов и тяжелых артиллерийских орудий.

Сект продолжает: «Необходимо вступать в соглашения с промышленностью, чтобы немедленно можно было наладить в существующих размерах производство оружия данного установленного типа.

Для этого нужна «тщательная подготовка», при которой не обойтись без законодательной основы. Эта военно-организационная подготовка всей германской промышленности заключается в установлении и обеспечении требуемого сырья, в выборе и оборудовании фабрик для изготовления всех видов оружия и снаряжения. В качестве ближайшего требования выдвигается уже в данный момент «подготовка к переустановке фабрик применительно к военным надобностям, наличие наготове материала и машин».

Этот грандиозный военно-организационный план охватывает всю экономическую жизнь Германии. Производство военного материала подготавливается еще в мирное время вплоть до мельчайших подробностей. Этот план превращает всю Германию в единую военную мастерскую и каждую из ее фабрик в военно-промышленное предприятие, уже сейчас обеспечивая вооружение миллионной армии всеми видами современного боевого оружия. От сырья до машин, от первичного производства до транспорта, от промышленного сырья до готового типа оружия проводится в полной мере экономическая подготовка войны. Труднейшей проблемой германского плана вооружения является «срок переустановки»—промежуток времени между моментом возникновения войны и переходом промышленности к обслуживанию потребностей войны. Судьбы всей войны, проектируемой германской буржуазией, будут зависеть от быстроты, с которой ей удастся перейти от массового производства разнотипных предметов к поставке боевого оружия. Вплоть до этого момента рейхсвер должен обходиться тем, что у него есть, своим ограниченным военным снаряжением плюс явные и тайные резервы мирного времени. Сект предвидит этот критический период переустановки. Он надеется его преодолеть методами массового производства, сосредоточения на возможно более простом, коротко говоря,—благодаря успехам капи-

талистической рационализации. «Таким образом, промежуток времени между сдачей заказов и началом поставки можно сократить, и это время надо выиграть, ведя борьбу оперативной армией.

Все эти мероприятия требуют не только максимального единства руководства со стороны руководящего организационного центра, но и, первым долгом, гигантских капиталов. Военный план германского империализма можно осуществить лишь в том случае, если наивысший и наисильнейший орган буржуазного класса, если государственная власть, если государственный орган финансового капитала возьмет в свои руки его осуществление. Военно-промышленные задачи требуют, говорит Сект, «разумеется, уже в мирное время государственных субсидий; но для государства это выгоднее изготовления и содержания на складах больших запасов устарелого вооружения». Это — экономическое дополнение к «законодательной основе», о которой он уже упоминал. Уже в мирное время рейхсвер, как отмечает Сект в другом месте, вынужден сотрудничать с различными гражданскими ведомствами: финансовым, путей сообщения, промышленности, торговли, сельского хозяйства и, не в последнем счете, с министерством иностранных дел.

Вышеизложенного достаточно, чтобы уяснить себе в основных чертах германскую программу вооружения. Ход развития ясен. Военная фантазия приняла осязательную, реальную форму. Идеи Секта служат выражением лишь сущности исторического процесса, развертывающегося у нас на глазах. Финансово-капиталистическая монополия все сильнее и сильнее обнаруживает свои госкапиталистические тенденции, тенденции к гегемонии империалистического государства надо всеми сферами и формами экономической жизни. Госкапиталистическая организация всего хозяйства на случай войны—это частный случай,—чрезвычайно важное и чреватое последствиями выявление давно уже опознанной коммунистами тенденции. Новая программа вооружений германской буржуазии равносильна установлению государственного контроля над производством в целях войны. То, что подробно рисует Сект—есть военная «хозяйственная демократия» или «демократическое» хозяйство войны—назовите, как хотите.

Сект срывает фарисейские покровы и показывает пролетарским массам подлинный лик вожделеющего войны германского империализма. Он рисует то, что есть. Вся Германия, ее неизмеримые производительные силы, чудеса ее превосходной техники, беспримерная производительность ее промышленности, ее новые изобретения, все источники ее мощных сил становятся предметом военной мобилизации, все направлено к единой цели—войне, и, в первую очередь, убийственной интервенционистской войне против СССР. Для достижения этой цели об'единяются все силы и партии буржуазной республики. Тресты и банки поставляют военный материал. Правительство берет на себя политическое руководство, генералы намечают планы и формируют отряды. Фашистские союзы выставляют человеческие резервы. Профсоюзные вожди, проповедуя лозунг хозяйственной демократии, гонят рабочие массы в железное иго государственной системы вооружения. Правые и левые социал-демократы являются главным идеологическим и политическим орудием развязывания войны. Они фабрикуют лживые пацифистские фразы, они измышляют сказки о войне и безмерно травят Советы.

Революционные рабочие, чуждые боязни и иллюзий, противопоставляют себя военной программе германской буржуазии. Генерал Сект в своей книге говорит, что флажки германской кавалерии все еще могут спокойно реять по ветру будущего. В данный момент он, пожалуй, прав; но он и его класс увидят, как красное знамя гражданской войны, знамя пролетарского восстания, высоко и буйно взовьется в грядущей мировой войне над всеми флажками империалистических армий. Под этим знаменем ринется вперед сила, которая превратит в прах все планы вооружения, потому что на ее плечах покоится вся военная промышленность.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ

Д. Ловцов и К. Гричик.

К вопросу о регуляторах советской экономики и нарушениях равновесия общественного производства[1]).

Анализ трансформации закона стоимости приводит к выводу о том, что в нашем переходном хозяйстве действуют два способа регулирования. Этими способами регулирования являются план и закон стоимости. Только такой исходный момент, вытекающий из анализа трансформации закона стоимости, гарантирует правильное разрешение проблемы о регуляторе в советском хозяйстве. Между тем, существующие решения этой проблемы, на которой считает долгом остановиться каждый исследователь советского хозяйства, исходят из так называемого закона трудовых затрат, который считается необходимым условием общественного равновесия при всех и всяческих общественно-исторических формациях, который — голенький или в костюме — оказывается обязательным и универсальным регулятором хозяйственной жизни. Этот закон в товарно-меновом обществе действует в форме закона стоимости, в дальнейшем модифицируется в закон цен производства. В советском же хозяйстве происходит процесс сбрасывания законом трудовых затрат своего греховного ценностного белья, т.-е. процесс превращения закона ценности в закон трудовых затрат, процесс дефетишизации основного общественного регулятора. Все экономисты, занимавшиеся вопросами теории советского хозяйства, в своих исследованиях, касающихся проблемы регуляторов в нашем хозяйстве, исходят из вышеприведенных положений.

Подвергая сомнению существование закона трудовых затрат, который лег в основу всех теоретических исканий в области советской экономики, мы ставим вопрос, есть ли данные для того, чтобы утверждать его существование? Между прочим, единственным основанием для декретирования этого всеобщего закона послужило письмо Маркса к Кугельману от 11 июня 1868 г. Для того, чтобы выяснить, действительно ли в этом письме Маркс дал повод для того, чтобы впоследствии, ссылаясь на него, выводили закон трудовых затрат в качестве универсального регулятора, приведем эту выдержку из письма полностью:

«Болтовня о необходимости доказать понятие стоимости покоится лишь на полнейшем невежестве как в области того предмета, о котором идет речь, так и в области научного метода. Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говоря уже на год, а хотя бы на несколько недель, точно так же известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определенные массы общественного совокупного труда. Очевидно само собой, что эта необходимость разделения

[1]) Настоящая статья представляет собою сокращенную главу из подготовляющейся к печати работы о советской экономике.

общественного труда в определенных пропорциях (курсив наш.—*Авторы)* никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства, изменяться может лишь форма ее проявления (курсив Маркса). Законы природы вообще не могут быть уничтожены (курсив наш). Измениться в зависимости от различных исторических условий может лишь форма, в которой эти законы проявляются, а форма, в которой проявляется это пропорциональное распределение труда, при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда, — эта форма и есть меновая стоимость этих продуктов» [1]).

Большинство интерпретаторов этого места из письма Маркса понимают его в извращенном виде, полагая, что Маркс, подчеркивая материальное содержание производственного процесса, будто бы считал его основным, а способ, которым он осуществляется, чем-то второстепенным [2]). Между тем, Маркс здесь говорит не о материальном содержании закона стоимости, а о само собою очевидной и понятной даже каждому ребенку необходимости пропорционального распределения труда. Эта необходимость является законом природы и как таковая не может быть отменена теми или иными общественными закономерностями. Делать отсюда вывод, как это мы видим почти у всех советских экономистов, что эта необходимость оказывается обязательным и универсальным регулятором производства при всех его способах,— значит смешивать законы природы и законы общества. Не эта необходимость является регулятором общественного производства для Маркса, а способ, которым достигается ее осуществление. В связи с этим, проблемой для Маркса является не эта необходимость, а определенный общественный способ, при помощи которого она осуществляется. Если бы мы занялись изучением этой необходимости, то, будучи последовательными, мы должны были бы приступить к изучению различных врожденных человеческих инстинктов (самосохранение, размножение и питание), так как, очевидно, они лежат в основе этой природной необходимости. Таковы абсурдные выводы, с неизбежностью вытекающие из извращенного понимания приведенного места из письма к Кугельману. Следовательно, Маркс говорит о необходимости, как о законе природы, которая, как таковая, не является предметом марксова анализа; наоборот, предметом его исследования является тот общественный способ, при помощи которого достигается осуществление этой необходимости. Ни о каком законе трудовых затрат не может быть и речи, так как у Маркса не только какого-либо указания, но даже нет намека, который дал бы хоть некоторые основания для выведения такого материального закона. Мало того, закон трудовых затрат, как мы видели, противоречит положениям Маркса. Однако, существуют такие экономисты, для которых факт формулирования Марксом закона трудовых затрат представляется совершенно бесспорным.

Неправильное понимание марксова положения, сформулированного в письме к Кугельману, базируется по существу на извращенном понимании формы и содержания, на отрыве формы от содержания. Согласимся на минуту и признаем, что существует такой вечно-неизменный закон трудовых затрат, который в различных общественных формациях воплощается в различные формы. Логически рассуждая, мы должны будем признать, что эти общественные формы совершенно не связаны с «материальным» содержанием, не вытекают из этого содержания, так как это содержание неизменно. Почему из данного содержания вытекает в одном случае одна форма, а в другом совершенно иная? На этот вопрос нельзя ответить, оставаясь на позиции указанного «своеобразного» понимания письма Маркса к Кугельману, нельзя дать ответа, не сдавая этих позиций. А между тем вопрос о том, почему данное содержание воплощается именно в данной форме, а не в иной, этот вопрос играл громадное значение в политической экономии, и на нем неоднократно останавливался Маркс. В I томе «Капитала», в гл. о товарном фетишизме, Маркс, между прочим, говорит следующее по интересующему нас вопросу: «Правда, политическая экономия анализировала, — хотя и недостаточно, — стоимость и величину стоимости и раскрыла скрытое в этих формах содержание. Но она ни разу даже не поставила вопроса: почему это содержание принимает такую форму, другими словами, почему труд выражается в стоимости, а продолжительность труда как его мера — в величине стоимости продукта труда» [1]). (Подчеркнуто нами).

А между тем, как говорит Маркс в первом русском издании 1 тома «Капитала»: «Самое важное состояло, однако, в открытии внутренней, необходимой связи между формою, субстанциею и величиною стоимости, или, выражаясь идеалистическим языком, в доказательстве того, что форма вытекает из понятия стоимости» [2]).

Этот недостаток классической политической экономии Маркс считал основным ее недостатком, который он об'яснял тем обстоятельством, что классики считали буржуазный способ производства вечной, естественной формой общественного производства вообще. Повторять ошибки и недостатки классиков в настоящее время, после Маркса, является совершенно непростительным, а между тем советские экономисты, повторяют такого же рода методологические ошибки, не видя диалектического соотношения между содержанием и формой. Между прочим в 1-м русском издании «Капитала» имеется следующее замечательное положение Маркса: «Во всякой общественной форме труда работы различных индивидуумов тоже относятся друг к другу, как человеческие, но только здесь (товарное общество. *Авторы)* само это отношение имеет значение специфической общественной формы труда». (Курсив Маркса) [3]).

Очевидно, что «само это отношение, имеющее значение специфической общественной формы труда», подчеркнутое Марксом, и является предметом его изучения, а не необходимость отношений индивидуальных работ друг к другу как человеческих.

Таким образом, признание закона трудовых затрат с неизбежностью связано с игнорированием общественной формы, связано с отрицанием марксова и гегелевского понимания связи формы с содержанием, связано с возвратом к ошибкам классической политэкономии, связано с крахом по существу самого этого закона, а потому мы целиком отрицаем его существование, тем более, что у Маркса нет и намека на такой закон.

Способом осуществления необходимости пропорционального распределения труда между различными отраслями в товарно-меновом хозяйстве является закон стоимости, при чем на капиталистическом и монополистическом этапе в развитии товарно-менового общества стоимостный способ регулирования модифицируется в цену производства и монопольную цену. Хозяйству переходного периода и, в частности, советскому хозяйству внутренне присущи два способа регулирования общественного производства, иначе говоря, два способа осуществления вышеуказанной необходимости. Так как

[1]) К. Маркс. Письма к Кугельману, ГИЗ. 1920 г., стр. 62, 63.

[2]) Между прочим это извращенное толкование послужило далеко не маловажным основанием для создания т. н. физиологической версии абстрактного труда, сторонники которой так рьяно сейчас борются с верной в основном концепцией тов. Рубина.

[1]) Изд. 1925 г., стр. 47, 48.

[2]) Изд. 1872 г., стр. 28.

[3]) Там же, стр. 26.

в нашей экономике имеются налицо новые производственные отношения, так как, с другой стороны, сохранились остатки прежних производственных отношений, а определенный способ регулирования соответствует определенному способу производства, определенным производственным отношениям, то способов регулирования в советской экономике должно быть два. Этими способами, как уже говорилось, являются план и закон стоимости. Эти два способа регулирования, будучи принципиально противоположными, не могут длительное время существовать параллельно друг другу, не могут также перерастать друг в друга. Не говоря уже о том, что стоимостный способ регулирования, не может перерасти в природную необходимость пропорционального распределения труда между различными отраслями хозяйства [1]), ибо такое перерастание является «вопиющей чепухой», мы также утверждаем, что этот стоимостный способ регулирования не может перерастать, превращаться в другой, принципиально отличный, общественный способ регулирования производства в наших условиях — в плановый способ регулирования. Речь может итти о переделке в условиях переходного периода простого товарного производства в обобществленное социалистическое производство,—это будет означать сокращение производственной базы закона стоимости, сокращение его сферы влияния на ценообразующий процесс, но это совсем не будет являться показателем *перерастания* закона стоимости в другой закон, в плановый способ регулирования. Никогда, ни в одну прошлую переходную эпоху от одной общественной экономической формации к другой, мы не имели перерастания старого способа регулирования в новый способ регулирования, превращения одного в другой,—в эти периоды экономического перехода существуют два способа регулирования, поскольку существуют два основных вида производственных отношений (старые и новые), при чем по мере изменения взаимного соотношения между этими производственными отношениями происходит *замена, вытеснение* одного способа регулирования, принципиально иным, новым способом регулирования общественного производства.

Эта общая закономерность переходного периода вообще, — наличие двух способов регулирования производства, вытеснение старого способа регулирования принципиально новым способом, — эта общая закономерность действительна и в переходный период от капитализма к социализму, и в частности, действительна и в советской экономике. Само собою разумеется, что, говоря действительна, мы не хотим сказать тождественна, так как тождество вообще не бывает без различий. В переходный период от капитализма к социализму мы имеем целый ряд принципиально новых моментов, в частности переход от способа производства, основанного на частной собственности на средства производства, к обобществленному производству, замену стихийных, иррациональных принципов производства, сознательно-плановыми принципами, постепенно охватывающими все народное хозяйство. В связи с этим изменяются закономерности, управляющие заменой одного способа регулирования другим, и сама эта замена совершается значительно быстрее, в более короткий промежуток времени, чем скажем требовалось для этой замены при переходе от феодализма к капитализму. Новый, плановый способ регулирования имеет возможность учитывать вероятные действия стоимостного способа регулирования, в связи с чем ускоряется вытеснение последнего и само это вытеснение происходит значительно безболезненнее, чем в предшествующие периоды экономических переходов от одной общественно-экономической формации к другой, хотя то обстоятельство, что совершается переход от частнособственнической организации производства к обобществленному производству, значительно снижает эту безболезненность, так как усиливает классовое сопротивление представителей отживающих типов производственных отношений.

Из того положения, что необходимость пропорционального распределения труда между различными отраслями производства, в переходный от капитализма к социализму период, в частности, в советской экономике, осуществляется двумя способами регулирования, планом и законом стоимости, из этого положения само собой вытекает и то обстоятельство, что эти принципиально-различные способы находятся в определенном единстве, в определенном соотношении друг с другом [1]). Это единство — соотношение между этими способами регулирования,— является подвижным единством,— единством, которое постоянно изменяется в сторону большей гегемонии плана, и следовательно, в сторону вытеснения закона стоимости. В первых стадиях сосуществования этих двух способов регулирования в советском хозяйстве, т.-е. в период, непосредственно следующий за военным коммунизмом, момент единства этих двух регуляторов, момент, об'единяющий их действие, находился на стороне закона стоимости, так как основной задачей социалистического сектора в то время была задача приспособления стихии, задача удовлетворения требований частнохозяйственной области нашей экономики, требований, вытекавших из господства стоимостного способа регулирования. По мере роста мощи социалистического сектора, роста его удельного веса в нашей экономике происходит изменение соотношения между стоимостным и плановым способами регулирования, при чем момент единства их обоих все более перемещается на сторону плана, который таким образом начинает «обуздывать» действие закона стоимости. В связи с этим, основными элементами такого плана, который *уже* является единством двух способов регулирования, должны быть следующие: учет исходного положения; целевая установка — ниаболее желательное для хозяйствующего суб'екта

---

[1]) На что совершенно правильно обратил внимание т. Брудный в ст. в журнале «Большевик» (№ 19 за 28 г.). Но тов. Брудный, на ряду с этим правильным замечанием, наговорил такую массу ошибочных положений, что указанное замечание тонет в этих ошибках. Приведем в качестве примера один из «перлов» тов. Брудного: «Следовательно, определяя ближе содержание планового регулятора социалистического хозяйства, можно сказать, что этим регулятором будет закон эквивалентности (?) трудовых затрат и натуральной компенсации за них, закон, осуществляемый плановым, сознательным образом. *По своему материальному содержанию этот закон совпадает с материальным содержанием товарно-капиталистического закона стоимости. Еще более со стороны своего материального содержания закон стоимости начинает осуществляться только в социалистическом хозяйстве*». Большей чепухи совершенно нельзя придумать! Материальное содержание закона стоимости (как будто есть какое-то содержание стоимости отделимое от закона стоимости) будет полностью осуществляться при социализме!!! Цитата из Ленина, которую привел тов. Брудный в подтверждение своей ереси, говорит совершенно о другом, а именно о некоторых остатках «буржуазного права» при социализме. «За равное количество труда—равное количество продуктов»—это положение совсем не является «материальным содержанием закона стоимости». Кроме того, откуда взял тов. Брудный, что при социализме будет действовать закон *эквивалентности* трудовых затрат. Если понимать эту эквивалентность в том смысле, что продукты, получаемые гражданами социалистического общества, будут эквивалентны их трудовым затратам, то это не верно, так как будет отсутствовать их прибавочный продукт, без которого немыслима ни одна общественная формация. Если понимать это положение так, что обмен между отдельными отраслями производства будет эквивалентным, то это тоже не верно, так как интересы всего хозяйства могут заставить его совершать именно неэквивалентный обмен, скажем, между тяжелой и легкой индустрией.

[1]) Ошибка Преображенского, между прочим, заключалась не в том, что он признавал наличие в советской экономике двух способов регулирования, а в том, что эти способы у него не связаны друг с другом не заключены в определенное, постоянно изменяющееся единство. Отсюда у него механическая смесь закона стоимости и закона первоначального социалистического накопления, которые находятся в непримиримой борьбе между собой, при чем неизвестно, каким же образом достигается осуществление необходимости пропорционального распределения труда.

соотношение между различными отраслями общественного производства; предвидение возможных коррективов со стороны стоимостного способа регулирования и сознательная реакция на эти коррективы.

Однако, наличие такого плана, об'единяющего в себе два способа регулирования, совсем не означает отсутствия борьбы между ними; наоборот, в силу принципиально-различного содержания обоих способов регулирования эта борьба является абсолютно неизбежной, резко обостряющейся на определенных этапах развития нашего хозяйства. Каждому из этих способов регулирования имманентна тенденция занять господствующее положение в нашем хозяйстве. Правда, наличие социалистического сектора, факт политического господства хозяйствующего суб'екта и пр., делают невозможным[1]) но это не исключает того обстоятельства, что этот способ регулирования будет стремиться захватить господствующее положение, а потому будет находиться в состоянии войны с плановым способом регулирования, до тех пор, пока сфера непосредственного влияния закона стоимости не сократится до пределов, не имеющих существенного влияния на всю экономику страны. Вытеснение стоимостного способа регулирования с тех или иных участков нашей хозяйственной жизни, замена его в этих участках плановым способом регулирования неизбежно связаны с нарушением равновесия во всех сферах непосредственного участия закона стоимости в регулирующем процессе, а потому также связаны с тем или иным нарушением общего равновесия нашей экономики. Само собой разумеется, что речь идет о вытеснении закона стоимости из тех сфер общественного производства, которые имеют важнейшее влияние на всю экономику страны, так как подобное вытеснение стоимостного способа регулирования из тех сфер производства, которые не играют более или менее заметной роли во всей нашей хозяйственной жизни, никакого заметного нарушения общественного производства не вызовет. В этом вытеснении стоимостного способа регулирования из важнейших сфер хозяйственной жизни, в этих решающих пунктах столкновения стоимостного и планового способов регулирования нашей экономики, заложена об'ективная *неизбежность* общего нарушения равновесия нашей хозяйственной жизни.

Наличие двух принципиально различных способов регулирования, или иначе, наличие двух противоположных типов производственных отношений[2]),

---

[1]) Говоря о невозможности полного подчинения нашего хозяйства стоимостному способу регулирования, мы имеем в виду определенную политику хозяйствующего суб'екта, такую политику, которая, вытесняя капиталистический сектор нашей экономики, еще больше усиливала бы эту невозможность, а не надеялась на мирное врастание этого капиталистического сектора в социализм, так как в этом случае мы бы имели налицо факт постепенного подчинения нашего хозяйства полному господству закона стоимости, иными словами, имели бы налицо, факт перерастания всей нашей экономики в капиталистическую экономику.

[2]) Говоря о наличии двух противоположных типов производственных отношений, мы имеем в виду, с одной стороны, производственные отношения простого товарного и капиталистического секторов нашей экономики и производственные отношения социалистического сектора, с другой. Само собою разумеется, что производственные отношения простого товарного сектора принципиально отличны от производственных отношений капиталистического сектора. Эти два принципиально различных типа производственных отношений мы при анализе проблемы регуляторов советской экономики об'единяем в один тип производственных отношений, противостоящих новым, социалистическим отношениям, лишь потому, что оба эти типа производственных отношений (простое товарное и капиталистическое) имеют один и тот же, стоимостный способ регулирования производства, который имманентен им обоим. То обстоятельство, что стоимостный способ регулирования ни в одном секторе нашего хозяйства не является *единственным* регулятором, принципиально дела не изменяет, так как в основном и простое товарное производство и капиталистическое характеризуются именно стоимостным способом регулирования. Таким образом, имея три структурных сектора в нашей экономике, мы имеем только два способа регулирования, один из которых (закон стоимости является олицетворением двух принципиально различных типов производственных отношений. Два регулятора советской экономики, представляют собою два совершенно различных способа организации общественного производства: старый товарно-меновой способ (распадающийся в свою очередь на два различных способа организации производства) и прогрессивный социалистический способ. Наличие двух типов производственных отношений в пределах товарно-менового способа организации производства, определяет собою различный характер их замены новыми, социалистическими отношениями, не уничтожая необходимости самой этой замены.

является самым общим, об'ективным основанием для нарушения производственного равновесия советской экономики. Однако, для того, чтобы такое нарушение равновесия произошло, для этого требуется опосредствование вышеуказанного об'ективного основания целым рядом других факторов. Такими факторами, согласно Марксу и Гегелю, должны быть следующие: наличие возможности проявления об'ективного основания; основная причина, или фактор, соединяющий в действии основание и условие, и, наконец, общие условия, соответствующие основанию, но не тождественные с ним, так как в эти условия помимо соответствия с основанием входит также и отрицательный момент явления, чисто случайные обстоятельства, в силу чего условия рассматриваются как внешние моменты, безотносительно к основанию.

Возможность нарушения производственного равновесия в советской экономике или иначе возможность проявления об'ективного основания этих нарушений, заложенного в производственной базе нашего хозяйства, эта возможность вытекает из товарно-денежных внешних форм проявления общественной связи, из возможности несоответствия покупок продажам, т.-е. из возможности разрыва метаморфоз товарно-денежного обращения[1]).

Основной причиной нарушения общественно-производственного равновесия, причиной, вытекающей из сущности экономики переходного периода, является борьба между двумя способами регулирования, вытеснение стоимостного способа регулирования из решающих областей народного хозяйства, что связано с нарушением действия закона стоимости во всех сферах народного хозяйства, где он принимает непосредственное участие в ценообразующем процессе, а это последнее вызывает нарушение равновесия всей советской экономики.

Важнейшими общими условиями нарушения производственного равновесия советской экономики являются следующие: прежде всего плановые просчеты, затем повышательная тенденция в движении цен на товары, выбрасываемые на рынок простым товарным и капиталистическим секторами нашего нар. хоз. и, наконец, различные кон'юнктурные данные.

---

[1]) Некоторым товарищам может показаться, что это наше положение является механическим перенесением абстрактной возможности кризисов при капитализме в советскую экономику. Но такие представления основаны на ошибочном понимании категории возможности вообще. Возможность—это не об'ективное основание, а категория, необходимая для проявления об'ективного основания. Об'ективное основание нарушений производственного равновесия в форме перепроизводства или недопроизводства товаров может проявиться только при наличии товарно-денежного обращения, при наличии противоречий этого товарно-денежного обращения. То обстоятельство, что у нас товарно-денежное обращение является только внешней формой проявления по существу совершенно новых производственных отношений (социалистический сектор), принципиально дела не изменяет, так как это обращение является одной из существенных форм связи между различными секторами нашей экономики. А так как нарушения производственного равновесия в наших условиях могут происходить главным образом только по линии взаимоотношений между секторами нашего народного хозяйства (о чем ниже), то товарно-денежное обращение с его противоречиями, выступающее в качестве внешней связи между секторами, поэтому и является абстрактной возможностью нарушений производственного равновесия, нарушений, идущих по линии взаимоотношений между секторами. Ни в одной общественно-экономической формации не могут иметь место нарушения производственного равновесия, выражающиеся в перепроизводстве или недопроизводстве товаров, если в этих формациях отсутствует товарно-денежное обращение с его противоречиями.

Не останавливаясь на двух последних условиях, не составляющих проблем переходной экономики, мы считаем необходимым более подробно рассмотреть плановые просчеты как в плоскости их соответствия производственной структуре советского хозяйства, так и в плоскости их суб'ективного значения, так как по этому опросу существуют порой удивительно курьезные представления. Плановые просчеты, как одно из общих условий нарушения производственного равновесия, являются случайными, внешними обстоятельствами, и в то же время они в конечном счете определяются об'ективным основанием указанных нарушений. Известная необходимость плановых просчетов на первых этапах реконструктивного периода обусловливается следующими обстоятельствами, непосредственно вытекающими из производственной структуры нашей экономики. Прежде всего, вытеснение стоимостного способа регулирования из важнейших сфер народного хозяйства, происходит и должно происходить в самые начальные стадии реконструктивного периода, когда отсутствует накопленный опыт планирования народного хозяйства, в силу чего план оказывается не в состоянии предвидеть и предотвратить нарушение равновесия производственного процесса. Кроме того, здесь очень важное место занимает и то обстоятельство, что закон стоимости не действует сам по себе, а воплощается в действиях конкретных носителей этого способа регулирования, определяя мотивы их хозяйственной деятельности, к которым присоединяются. резко обостренные в переходную эпоху классовые мотивы этих носителей, в силу чего учесть их возможные выступления становится почти совершенно невозможным. У нас речь идет о капиталистических носителях стоимостного способа регулирования (частные капиталисты в городе, кулачество в деревне), классовая ненависть которых к хозяйственной гегемонии пролетариата обычно превышает все прочие мотивы их хозяйственной деятельности. Но эти носители капиталистического сектора нашей экономики, в силу их незначительного удельного веса в общем хозяйстве страны. важны не сами по себе, а потому, что представляемому ими капиталистическому сектору внутренне присуща тенденция возглавить все простое товарное производство нашей страны, повести его за собой против планового способа регулирования общественного производства, при чем в моменты вытеснения стоимостного способа регулирования из важнейших областей нашего хозяйства, эта тенденция имеет шансы на реализацию. Таковы об'ективные причины плановых просчетов, вытекающие из об'ективного основания нарушения производственного равновесия, заложенного в производственной структуре нашего хозяйства.

Но, тем не менее, эти плановые просчеты, взятые сами по себе, все же не перестают быть суб'ективным фактором, случайным внешним условием, безотносительным к содержанию, так как в это условие входит отрицательный момент явления, суб'ективная деятельность хозяйствующего суб'екта, которая может зависеть от различных случайных обстоятельств, не вытекающих из об'ективных данных [1]).

В силу этого, плановые просчеты, являются лишь суб'ективным условием для нарушения производственного равновесия, а не основанием и при-

---

[1]) Само собой разумеется, что нельзя также недооценивать эти суб'ективные факторы, памятуя, что они в свою очередь влияют на об'ективную необходимость. Так, напр., если бы в партии победила линия правого уклона, то через известный промежуток времени, указанное выше об'ективное основание, изменилось бы в сторону большего господства стоимостного способа регулирования, в связи с чем имели бы место нарушения производственного равновесия, но на другой основе, на основе не вытеснения стоимостного способа регулирования, а на основе вытеснения плана, и следовательно, на основе подчинения социалистического сектора неограниченной стихии.

чиной этих нарушений, которые имеют другую, об'ективную основу в нашем хозяйстве.

Итак, в силу наличия целого ряда существенных моментов и внешних условий, в переходной советской экономике заложена историческая необходимость нарушений производственного равновесия хозяйственной жизни, необходимость, которая не является слепым роком, а опосредствуется целым рядом обстоятельств, важнейшими из которых являются: основание, возможность, причина и общее условие. Любая необходимость слагается из этих факторов.

В советской экономике мы, пользуясь категориями Маркса и Гегеля, также выделили все положения, опосредствующие необходимость нарушения общественного производства в начальных стадиях реконструктивного периода. В этом смысле никакой разницы между советской экономикой и капитализмом нет: и там и тут существует необходимость нарушения производственного процесса, необходимость, заложенная в производственной структуре этих формаций, при чем и там и тут эта необходимость слагается из основания, возможности, причины и условий нарушения производственного равновесия. Принципиальное отличие между ними заключается в том, что в качестве этих элементов, из которых слагается необходимость нарушения производственного процесса, выступают совершенно различные факторы: основание кризисов при капитализме дано в коренном противоречии между способом производства и способом присвоения, у нас это основание дано в наличии двух принципиально различных типов производственных отношений, взаимоотношение между которыми постоянно изменяется в сторону победы прогрессивного типа за счет вытеснения отношений производства, присущих отживающим общественно-экономическим формациям; при капитализме основной причиной кризисов, является закон тенденции нормы прибыли к понижению [1]) и перепроизводство капиталов как следствие этого закона, у нас в качестве основной причины нарушения производственного процесса выступает вытеснение стоимостного способа регулирования, замена его планом на важнейших участках хозяйственной жизни; при капитализме в качестве общих условий кризисов выступают специфические формы обновления основного капитала, захват кризисом отраслей производства главных продуктов торговли и, следовательно, специфические отношения между отдельными отраслям промышленности и т. д., — у нас, кроме условий, присущих товарно-денежному обращению вообще, важнейшим из условий являются плановые просчеты, а кроме того, кризисные затруднения идут не по линии взаимоотношений между различными отраслями промышленности, а по линии связи промышленности с сельским хозяйством.

Таким образом, в советской экономике в роли факторов, из которых слагается всякая необходимость, и необходимость нарушений производственного процесса в том числе, выступают принципиально иные обстоятельства, которые обусловливают собой целый ряд принципиальных различий между нарушениями производственного процесса у нас и при капитализме. Важнейшими из этих принципиальных различий являются следующие:

1. Прежде всего, само понятие капиталистического кризиса, кризиса, захватывающего все народное хозяйство, изменяющего соотношения между различными отраслями производства, не применимо к советской экономике. Нарушение производственного равновесия в советской экономике может вы-

---

[1]) Говоря это, мы, конечно, имеем в виду, что закон тенденции нормы прибыли к понижению является лишь одной из закономерностей, возникающих на основе стоимостного способа регулирования, а не представляем себе дело таким образом, что при капитализме существуют несколько «равноправных» законов, один из которых управляет равновесием производства, другой нарушением этого равновесия и проч.

разиться лишь в изменении соотношения между различными секторами народного хозяйства, что неизбежно отразится и на социалистическом секторе, но не в смысле изменения направления его движения, а в смысле осложнения этого движения трудностями различного порядка. В виду этого мы считаем применение термина «кризис» к нашей экономике неправильным и считаем более целесообразным называть явления этого порядка просто нарушением производственного равновесия.

2. Нарушение производственного равновесия в советской экономике, как правило, не может выражаться в перепроизводстве товаров, так как это перепроизводство при капитализме является относительным перепроизводством. в силу того, что принимается во внимание не спрос населения вообще, а только платежеспособный спрос. В виду того, что для социалистического сектора — основного сектора нашей экономики—определяющим мотивом производства является не погоня за прибылью, а интересы социалистического строительства, что в конечном счете означает стремление к удовлетворению потребностей населения, в виду этого перепроизводство в советской экономике немыслимо. Кроме того, тут очень важную роль играет наличие плана и то обстоятельство, что по мере нашего общего продвижения к социализму платежеспособный спрос будет расти значительно быстрее, чем производство товаров. Это будет продолжаться до тех пор, пока вообще категория платежеспособного спроса не будет уничтожена вместе с другими товарно-рыночными формами проявления по существу новых производственных отношений. И именно недопроизводство будет являться *формой нарушения производственного равновесия* советской экономики.

3. Важнейшим принципиальным различием между нарушением производственного равновесия при капитализме и в советской экономике является различный характер закономерностей, управляющих повторением этих нарушений. Основной закономерностью капиталистических кризисов является то положение, что последующие кризисы разражаются на более широком базисе, чем предшествующие, в силу чего эти последующие кризисы значительно болезненнее отражаются на всем капиталистическом хозяйстве.

Об'ективное основание нарушения производственного равновесия советской экономики совершенно другое, чем при капитализме, в силу чего и закономерность, управляющая повторением этих нарушений, принципиально иная. В отличие от капитализма об'ективное основание вышеуказанных нарушений в советской экономике постоянно суживается до таких пределов, когда это основание качественно перестает быть самим собою, уничтожается, хотя еще и будут существовать остатки старых производственных отношений и в связи с этим и сфера стоимостного способа регулирования. Борьба между стоимостным и плановым способом регулирования принимает наиболее резкие формы в начальных стадиях реконструктивного периода, тогда, когда происходит вытеснение стоимостного способа регулирования, вытеснение товарно-капиталистических производственных отношений из важнейших областей народного хозяйства, в силу этого на этот период приходятся и наиболее резкие (резкие не по сравнению с капиталистическими кризисами, а по сравнению с последующими нарушениями производственного равновесия) нарушения производственного равновесия. По мере нашего общего продвижения к социализму, по мере вытеснения и замены стоимостного способа регулирования плановым способом, замены товарно-капиталистических производственных отношений социалистическими отношениями в важнейших участках хозяйственной жизни, — по мере этого нарушения производственного равновесия будут становиться все реже, и их влияние на общую экономику страны все незначительнее, до тех пор, когда качественно они совершенно исчезнут. *Такова основная закономерность, управляющая чередованием нарушений производственного процесса, которая вместе с тем является закономерностью нашего продвижения к социализму.*

Таким образом, советской экономике, так же как и капитализму, присуща необходимость нарушения производственного равновесия на первых этапах реконструктивного периода, при чем эта необходимость опосредствуется теми же элементами, что и при капитализме, а именно—основанием, возможностью, причинами и условиями этих нарушений. Принципиальная разница заключается в том, что в роли этих элементов в советской экономике выступают совершенно иные факторы, в силу чего изменяется характер и сила этих нарушений, а также закономерность их чередования.

Историческое наследство, полученное советской экономикой от старого общественно-экономического строя, наследство, заключающееся в общей экономической отсталости всего народного хозяйства, в чрезмерной отсталости сельского хозяйства по сравнению с промышленностью, в громадной диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью — это историческое наследство является лишь усиливающим моментом, а не причиной указанных необходимых нарушений производственного равновесия, заложенных в самой структуре переходного хозяйства.

Между тем все экономисты, занимавшиеся до сих пор вопросами советской экономики и в связи с этим вопросом возможных нарушений общественно-производственного равновесия нашего хозяйства, видели основные причины этих нарушений в специфических особенностях нашей экономики или плановых просчетах, отрицая, таким образом внутреннюю необходимость нарушения производственного равновесия в советской экономике.

Начнем с концепции, исходящей в вопросе о нарушениях общественно-производственного равновесия нашего хозяйства из плановых просчетов.

Эта концепция является совершенно не марксистской, вытекающей из недиалектического подхода к проблеме. Прежде всего, раз «кризисы» имеют место у нас, то очевидно, что имеется их возможность и, следовательно, имеется некое *об'ективное основание* этих «кризисов». Задача марксиста-диалектика при таком положении, очевидно, должна была бы заключаться в анализе тех факторов, которые определяют эту возможность, иначе, в нахождении *об'ективного* основания этой возможности, которое, как это само собой разумеется, для диалектика-марксиста должно находиться в пределах производственного базиса нашего хозяйства, в пределах его производственных отношений. И тогда было бы ясно, что раз капиталистическое основание «кризисов» в нашей экономике уничтожено благодаря Октябрьской революции, а эти «кризисы» все же имеют место, то очевидно их основанием является новая система производственных отношений, наличие принципиально различных типов производственных отношений, их борьба между собой, вытеснение и замена старых товарно-капиталистических отношений новыми, социалистическими отношениями. Между тем, есть попытки итти другим путем, видя *об'ективное* (!) основание указанной возможности в... плановых просчетах. Суб'ективный, не определяющий фактор возводится в об'ективное основание, и это называется... диалектикой. Ведь что бы об этом ни говорили, а плановые просчеты никак нельзя зачислить в производственный базис советской экономики, т. к. они являются суб'ективным фактором, фактором, находящимся на стороне действия хозяйствующего суб'екта. Другое дело, что эти плановые просчеты необходимы на первых этапах развития переходного хозяйства и определяются общими условиями нашей экономики, так что, перефразируя приведенное выше положение Маркса об общих условиях в капиталистических кризисах, можно сказать: «общие условия нарушения производственного равновесия в советской экономике должны быть развиты из общих условий этого типа хозяйства». Но на этом основании сказать, что эти общие условия нарушения равновесия являются об'ективным основанием этих нарушений это значит сказать чепуху.

Нам могут возразить, что так как план—хозяйствующий суб'ект—входит в производственный базис нашего хозяйства, то тем самым и плановые просчеты входят в этот базис, а потому могут быть об'ективным основанием нарушений производственного процесса. Но такое возражение опять-таки было бы результатом отсутствия марксистского подхода к этой проблеме. Прежде всего, понятие план и плановые просчеты совершенно не тождественны: если план означает наличие совершенно новых производственных отношений, социалистических отношений, то плановые просчеты означают недоразвитость этих отношений, недоразвитость, обусловливающуюся целым рядом факторов. Плановые просчеты являются одним из показателей этой недоразвитости, которая заключается (и также обосновывается) в наличии старых типов производственных отношений, с которыми социалистические отношения находятся в состоянии той или иной борьбы, результатом которой является вытеснение этих старых пориздводственных отношений из важнейших областей народного хозяйства. Но эти противоречия, заложенные в структуре советской экономики имеют другой более существенный основной показатель, и этим показателем является само нарушение производственного равновесия нашего хозяйства. В силу этого считать внешний, очень отдаленно связанный с сущностью наших производственных отношений показатель, считать этот показатель об'ективным основанием другого основного показателя противоречий структуры нашего хозяйства, означает полное непонимание марксистского метода. Ведь задача, как раз в том и заключалась, чтобы вывести об'ективное производственное основание для основного показателя противоречивой структуры нашего хозяйства, следовательно, и для всех второстепенных показателей этой структуры, в том числе и для плановых просчетов. И вот решением этой задачи об'является невероятная путаница понятий, согласно которой (путанице) один из второстепенных показателей, одно из общих условий нарушения производственного процесса, а именно плановые просчеты об'являются об'ективным основанием указанных нарушений. Только смутные, путанные представления о диалектическом методе могли привести указанных товарищей к подобным, безусловно неграмотным положениям.

Другая точка зрения, об'ясняющая нарушение производственного равновесия нашего хозяйства историческим наследством, полученным от старого общественно-экономического строя, наследством, заключающимся в громадной отсталости всей экономики, в большой диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью, — хотя и является более правильной, все же недостаточна. Недостаточность этой точки зрения заключается в том, что она не понимает того обстоятельства, что эта диспропорция и все наследство в совокупности являются лишь конкретным выражением, определенной эмпирической формой необходимости наличия в переходном от капитализма к социализму хозяйстве двух принципиально различных типов производственных отношений и в связи с этим двух различных способов регулирования общественного производства. Наличие последнего уже является достаточным основанием для нарушений производственного равновесия, тогда как наша конкретная форма сожительства двух принципиально различных типов производственных отношений только делает эти нарушения более острыми, более болезненными и более длительными. Длительными в двух отношениях: каждый конкретный факт нарушения равновесия растягивается на более длительное время, чем если бы у нас не было указанного наследства; уничтожение оснований этих нарушений, т.-е. вытеснение старого типа производственных отношений и стоимостного способа регулирования, — растягивается на значительно более длинный промежуток времени, чем если бы у нас была другая конкретная форма указанного выше сожительства двух типов производственных отношений.

Г. Дукор и И. Капитонов.

О „регуляторах“ и „кризисах“ в советском хозяйстве.

«Правая, левая—где сторона?».

Процесс социально-технической реконструкции нашего хозяйства совершенно неизбежно вызвал повышенный интерес к общим теоретическим проблемам советской экономики. Однако, качество литературной продукции некоторых современных теоретиков стоит на довольно невысоком уровне, и вряд ли здесь недочеты в качестве могут быть оправданы большими количественными достижениями. В печати уже был отмечен ряд таких теоретически-нерящливых выступлений. Печатаемая выше статья тт. Ловцова и Гричика является новым примером подобных незадачливых попыток теоретически осмыслить происходящие в советском хозяйстве социально-экономические сдвиги.

Общим с их литературными предшественниками (Рокаx, Мудрик, Бялый) отправным грехом для наших авторов является их теоретическая скоропалительность, стремление видеть в каждом зигзаге экономического бытия прямую линию социально-хозяйственного прогресса, развивающегося согласно наиболее общим законам, предустановленным диалектикой общественной жизни и вскрываемым нашими теоретиками. «Не ходи по косогору—сапоги стопчешь» — мудро предостерегал неопытных путешественников Кузьма Прутков. К сожалению, ходить по теоретическому косогору (да к тому же при всем честном народе) становится у нас не только признаком научной изощренности или бесшабашного молодого задора, а и средством доказать свою способность к теоретическому мышлению вообще. А казалось бы, история теоретических обобщений советского хозяйства должна была напомнить предостерегающую сентенцию Кузьмы Пруткова всякому, желающему прогуляться по крутому косогору теории переходной экономики.

Было бы чрезвычайно интересно проследить, как, начиная с самых первых дней революции, под влиянием той или иной хозяйственной обстановки момента, того или иного курса практической экономической политики возникали и отцветали теоретические построения, претендующие дать общие формулировки законов, обязательных для всей экономики переходного периода. Стоит припомнить только хотя бы эволюцию решения отдельных экономических проблем (например, теория денег в переходное время, теория единого хозяйственного измерителя и проч.), чтобы вскрыть тяготеющую над большинством «законов переходной экономики», как они представлены в нашей литературе, печать кон'юнктурности, «злобы дня». Однако, анализ эволюции теоретических обобщений по поводу закономерностей переходной экономики (чрезвычайно интересный и плодотворный по результатам) должен явиться предметом специального исследования. Сейчас же важно установить, что многие современные попытки построения общих законов экономики диктатуры пролетариата, стоящие под знаком текущей хозяйственной кон'юнктуры и возводящие эту кон'юнктуру в ранг основных экономических

законов периода строительства социализма, лишь повторяют «грех отцов своих», не извлекая из ошибок предшественников никаких существенных уроков.

I. О двуедином авторе и о двух регуляторах в советском хозяйстве.

Существенной частью статьи тт. Ловцова и Гричика является их теория кризисов советского хозяйства или, точнее, теория обязательного *периодического* нарушения равновесия экономической системы переходного времени, которая является предметом специального разбора во второй части нашей статьи. Прежде, однако, мы должны заняться теоретической базой закона «нарушения равновесия» — теоретическими упражнениями наших авторов по поводу «регуляторов» в хозяйстве диктатуры пролетариата и в частности их полемикой с «законом трудовых затрат». «Закон трудовых затрат», или, вернее, закон пропорционального распределения общественного труда, сформулирован Марксом как об'ективная необходимость, обязательное условие существования всякого человеческого общества. Поскольку существование человеческого общества базируется на производстве различного рода материальных благ, постольку разделение общественного труда между отдельными отраслями и видами производства в определенных количественных пропорциях является всеобщим обязательным законом для всякого человеческого общества вне зависимости от исторической формы общественных отношений.

Эта закономерность и является тем общим, что об'единяет переходную экономику с капитализмом, равно как и социалистическим обществом. Различие начинается в специфической общественной форме осуществления этого закона, свойственной каждой особой исторической формации; при этом—оговоримся наперед — *историческая форма осуществления пропорциональности распределения общественного труда неизбежно трансформирует как самоё природу этой пропорциональности, так и конкретное количественное ее выражение.*

В нашей литературе довольно распространенной является не совсем точная трактовка применимости закона обязательной пропорциональности трудовых затрат общества к советскому хозяйству. Дело изображается так: В товарно-капиталистическом обществе закон пропорционального распределения общественного труда осуществляется в иррациональной, фетишистической форме закона стоимости в силу господства принципа частной собственности и обмена как единственной формы общественно-экономических связей частных хозяйств. С прогрессирующим уничтожением частной собственности на средства производства в условиях переходной экономики закон пропорциональности трудовых затрат все более сбрасывает фетишистический костюм и все более выступает в качестве *непосредственного* регулятора хозяйственной жизни, пока, наконец, при социализме окончательно не будут сброшены ветхие оболочки ценностного оформления. Неверным здесь является утверждение, будто закон пропорционального распределения труда сам *непосредственно* становится регулятором хозяйства переходного периода или, затем, социалистического общества. Принятие этого положения означало бы, что об'ективная необходимость распределения общественного труда между сферами производства тем или иным способом начинает *непосредственно* диктовать каждому отдельному производителю вид и способ его индивидуальной работы. Специфичность проблемы заключается в том, что осуществление важнейшего общественного закона (целесообразное с точки зрения всего общественного производства направление отдельных видов и подвидов труда) должно найти свою реализацию в единичных трудовых актах отдельных работников общества. Отсюда совершенно неизбежно вытекает

необходимость того или иного механизма осуществления тяготеющей над общественным хозяйством об'ективной необходимости распределять трудовые ресурсы в строго определенных количественных пропорциях. В товарном обществе эту роль берет на себя рынок, и общественную директиву о целесообразности того или иного направления его труда индивидуальный производитель получает в цене. Переходное хозяйство, равно как и социалистическое общество, также, очевидно, *нуждается в опосредствующем общественном аппарате*, учитывающем необходимые для данного времени пропорции распределения общественного труда по отраслям производства и дающем в той или иной форме директивные указания отдельным работникам общества о направлении, способе и месте их индивидуального труда. Для социалистического общества таким регулятором будет деятельность органов учета и хозяйственного руководства. Вопроса о сущности регулятора хозяйства в переходное время мы коснемся еще в дальнейшем, сейчас же важно установить одно: закон пропорциональности трудовых затрат в переходную эпоху (как и при социализме) не может быть признан *непосредственным* регулятором хозяйства, он еще должен быть *опосредствован* той или иной формой своего осуществления. Сознательная воля общества, стоимость, та или иная комбинация этих принципов или, наконец, какой-либо специфический аппарат регулирования, не сводимый ни к тому ни к другому, но все же что-то внутренне отличное от самой необходимости распределения общественного труда в известных пропорциях существовать должно. Однако, эта ошибка в формулировке значимости закона пропорциональности трудовых затрат для советского хозяйства, как мы видели, отнюдь не колеблет самой этой значимости. Хозяйство диктатуры пролетариата так же подчиняется действию этого наиболее общего общественного закона, как и всякое общество.

Для всякого не слишком поверхностно знакомого с марксистской политической экономией все эти положения должны показаться лишь пересказом общеизвестных и довольно бесспорных положений. Но тт. Ловцов и Гричик никак не хотят признаться, что к числу их достоинств принадлежит также девственная чистота младенческого неведения, ибо из подстрочного примечания мы узнаем, что их статья является лишь одной из сокращенных глав подготовляемого ими к печати «труда» по советской экономике. В то же время они никак не хотят понять азбучных истин.

> «Подвергая сомнению существование закона трудовых затрат, который лег в основу всех теоретических изысканий в области советской экономики, мы ставим вопрос: есть ли данные для того, чтобы утверждать его существование? Между прочим, единственным основанием для декретирования этого всеобщего закона послужило письмо Маркса к Кугельману от 11 июня 1868 г.» (стр. 79).

То, что авторы делают соответствующую и (общеизвестную) цитатут из этого письма центром своей аргументации по вопросу о законе «трудовых затрат», показывает, что, во-первых, они правильно понимают этот закон как закон пропорционального распределения общественного труда и что, вовторых, они ничего не поняли в приводимой ими самими цитате из Маркса. Это непосредственно видно из комментариев, сопровождающих цитату из письма Маркса к Кугельману (см. стр. 80).

> «...Маркс здесь говорит не о материальном содержании закона стоимости, а о само собой очевидной и понятной даже каждому ребенку *необходимости пропорционального распределения труда*. Эта необходимость является законом природы и как таковая не может быть отменена теми или иными общественными закономерностями. Делать отсюда вывод, как это мы видим почти у всех советских экономистов, что эта необходимость оказывается обязательным и универсальным регулятором производства при всех его способах,—значит смешивать законы природы и за-

коны общества... Следовательно, Маркс говорит о необходимости как о законе природы, которая как таковая не является предметом марксова анализа; наоборот (!), предметом его исследования является тот общественный способ, при помощи которого достигается осуществление этой необходимости. Ни о каком законе трудовых затрат не может быть и речи, так как у Маркса не только какого-либо указания, но даже нет намека, который дал бы хоть некоторые основания для выведения такого материального закона» (стр. 80).

Авторы «слышали, очевидно, кое-какой звон» о неправомерности противопоставления материального содержания стоимости ее форме, о выключении Марксом из своего социологического анализа натуралистических закономерностей... Но к чему здесь полемика против теории о материальном основании стоимости? В приводимой нашими авторами цитате из письма Маркса он говорит лишь о том, что над обществом тяготеет постоянный об'ективный общественный закон зависимости существования человечества от трудовых затрат и их распределения и что этот действующий в порядке естественной необходимости общественный закон в товаропроизводящем обществе принимает форму закона стоимости. А наши мудрецы, не поняв Маркса, характеризующего этот закон как закон природы (в смысле естественной необходимости и обусловленности его основными принципами отношений между человеком и природой), понимают его как натуралистическую закономерность и, прикрываясь формой невинного недоумения, пытаются отрицать самые бесспорные вещи. Путаница наших авторов, конечно, не колеблет недвусмысленного положения Маркса, поддерживаемого всеми марксистами, относительно господства во все исторические эпохи обязательного общественного закона распределения общественного труда, принимающего на разных этапах истории человечества различные формы.

Между прочим, непонятая авторами цитата из письма Маркса к Кугельману является вовсе не «единственным основанием для декретирования этого закона» даже в отношении цитат из работ основоположников марксизма. В качестве примера приведем выдержку из письма Маркса к Энгельсу от 8 января 1868 года, где он высказывается по тому же вопросу и дает столь же недвусмысленные, если не более категорические формулировки. «На самом деле, ни одна общественная форма не может помешать тому, чтобы рабочее время, находящееся в распоряжении общества, тем или иным путем не регулировало производство (разрядка наша. *Г. Д.* и *И. К.*). Но пока это регулирование происходит не через прямой сознательный контроль общества над его рабочим временем (это возможно только при общей собственности), а через движение цен товаров, тогда все остается в том виде, как ты вполне удачно изложил еще в немецко-французских ежегодниках». («Письма», 1923 г., стр. 169). Здесь Маркс, как мы видим, как бы предвидя сомнения Ловцовых и Гричиков, говорит прямо о том, что рабочее время регулирует тем или иным способом производство. Как это похоже на «закон трудовых затрат», который наши авторы столь высокомерно третируют!

Авторы, конечно, правы, когда они говорят, что с констатированием «закона трудовых затрат» вопрос о регуляторе в той или иной системе хозяйства только еще поставлен. Специфичность вопроса о «регуляторе» заключается как раз в том особом аппарате, при помощи которого этот общечеловеческий закон осуществляется в тех особых общественных формах, которые свойственные ему на разных исторических ступенях. В отношении к хозяйству диктатуры пролетариата вопрос о хозяйственном регуляторе стоит совершенно аналогичным образом: каков аппарат осуществления пропорциональности распределения труда, как и при помощи чего осуществляется это распределение,— действуют ли здесь стихийные законы товарно-капиталистического хозяйства или они заменены сознательной волей осуществляющего хозяйственное руководство государства, действует ли один, или несколько регуляторов?

Прежде чем решить вопрос о природе регулятора советского хозяйства, необходимо решить общий вопрос: должны ли мы добиваться установления единого принципа регулирования или можем допустить сосуществование двух или нескольких различных регуляторов. Наши авторы в своей статье начинают как раз с этого, при чем сразу «берут быка за рога».

«Анализ трансформации закона стоимости,—начинают они свою статью,— приводит к выводу о том, что в нашем переходном хозяйстве действуют два способа регулирования. Этими способами регулирования являются план и закон стоимости. Только такой исходный момент, вытекающий из анализа трансформации закона стоимости, гарантирует правильное разрешение проблемы о регуляторе в советском хозяйстве» (стр. 79).

«Хозяйству переходного периода и, в частности, советскому хозяйству внутренне присущи два способа регулирования общественного производства, иначе говоря, два способа осуществления вышеуказанной необходимости. Так как в нашей экономике имеются налицо новые производственные отношения, так как, с другой стороны, сохранились остатки прежних производственных отношений, а определенный способ регулирования соответствует определенному способу производства, определенным производственным отношениям, то способов регулирования в советской экономике должно быть два» (стр. 81—82).

Мы привели эту достаточно длинную цитату, чтобы понаглядиее показать, насколько она недостаточна для доказательства одного из важнейших положений авторов. Доказательства же черпать мы должны именно из цитированного места, так как это буквально все, что сказано в сокращенном варианте главы из «подготовляемой к печати работы» в защиту тезиса о двойном регуляторе [1]).

По сути дела, вопрос о едином или множественном регуляторе хозяйства решается в зависимости от ответа на вопрос, имеем ли мы в интересующем нас обществе единый процесс воспроизводства или несколько параллельных. В случае, когда мы имеем ряд внутренне замкнутых хозяйственных образований, мы, очевидно, будем иметь и самостоятельность независимых воспроизводственных циклов. Само собою очевидно, что и системы регулирования хозяйства в этих условиях могут быть самыми различными в разных ячейках. Капиталистическое общество в своем конкретном историческом бытии охватывает ряд глубоко различных хозяйственных укладов. Почему же все-таки считается бесспорным, что во всем капиталистическом обществе господствует единый способ регулирования, единый регулятор, подчиняющий себе как государственно-монополистические образования, так и первобытно-натуральные отношения колониальных стран? Это происходит просто потому, что все эти хозяйственные уклады взаимно переплетаются в едином процессе воспроизводства хозяйственного организма, и этот процесс есть процесс воспроизводства капиталистических производственных отношений.

Можно ли сказать, что в советском хозяйстве мы имеем такой единый процесс воспроизводства? Тт. Ловцов и Гричик склонны отрицать такое единство; по их мнению, мы в советских условиях имеем двойственный процесс воспроизводства, когда, с одной стороны, воспроизводятся товарно-капиталистические отношения (под знаком закона стоимости) и с другой — отношения растущего социализма (под эгидой планового начала). Однако, это на деле означает подвергать сомнению единство хозяйственного процесса в переходную эпоху. Изображать дело таким образом, что особо воспроизводятся элементы социализма и особо «капиталистический круг» воспроиз-

[1]) Как известно, подлинным автором теории двух регуляторов является Е. Преображенский, плохим пересказом теории которого и является точка зрения тт. Ловцова и Гричика, несмотря на специальные полемические их замечания против закона первоначального социалистического накопления.

водства — значит не замечать как раз наиболее специфической черты переходной экономики: органического сочетания в едином хозяйственном комплексе, в едином процессе воспроизводства элементов товарно-капиталистической структуры и социалистической экономики. При этом «сочетание» относится вовсе не только к обособленным хозяйственным единицам с разной социальной характеристикой, а и к различным характерным признакам одного типа хозяйственной единицы. Наше социалистическое госпредприятие вовсе не лишено по форме некоторых признаков товарно-капиталистической организации (ценовая форма учета, прибыль и проч.), так же, как не лишено современное крестьянское хозяйство некоторой опосредствованности хозяйственными признаками социализма (земля, кредит, контрактация и проч.). В нашем советском хозяйстве мы безусловно имеем единство процесса воспроизводства всего народного хозяйства в целом—на этом в значительной мере базируется и наша уверенность в успешности борьбы за социалистическую переделку простого товарного хозяйства.

Этим и решается вопрос о регуляторе. Поскольку мы имеем единый процесс воспроизводства, постольку, очевидно, во всем хозяйстве действует единый регулятор, подчиняющий, «вбирающий» в себя все остальные закономерности процесса воспроизводства. Необходимость ради понимания единого процесса воспроизводства хозяйственной системы свести разрозненные «системы регулирования» к единству чувствуют даже наши авторы, но делают они это крайне нерешительно и... невразумительно.

> «Из того положения, что необходимость пропорционального распределения труда между различными отраслями производства в переходный от капитализма к социализму период, в частности (что это обмолвка? *Г. Д.* и *И. К.*) в советской экономике, осуществляется двумя способами регулирования—планом и законом стоимости, из этого положения само собой вытекает и то обстоятельство, что эти принципиально различные способы находятся в определенном единстве, в определенном соотношении друг с другом. Это единство—соотношение между этими способами регулирования является подвижным единством,—единством, которое постоянно изменяется в сторону большей гегемонии плана и, следовательно, в сторону вытеснения закона стоимости» (стр. 83).

К чему может привести так понимаемое единство регуляторов (единство—отношение), авторы торопятся проиллюстрировать тотчас же вслед за процитированным нами прокламированием положения о динамическом единстве.

> «В первых стадиях сосуществования этих двух способов регулирования в советском хозяйстве, т.-е. в период, непосредственно следующий за военным коммунизмом, момент единства этих двух регуляторов, момент, об'единяющий их действие, находится на стороне закона стоимости, так как основной задачей социалистического сектора в то время была задача приспособления стихии, задача удовлетворения требований частнохозяйственной области нашей экономики, требований, вытекавших из господства стоимостного способа регулирования» (стр. 83).

Вряд ли можно нагородить на таком сравнительно ограниченном месте больше чепухи, чем это сделал наш «двуединый» автор! Постараемся однако отвлечься от вопиющей безграмотности формулировок, пройдем мимо невероятного поклепа на «первые стадии», которые будто бы заключались в заботах социалистического сектора (в силу господства стоимостного способа регулирования!) об удовлетворении требований «частнохозяйственной области»... Посмотрим, что же здесь сказано о характере единства двух регуляторов. При обрисованном выше типе отношений между «способами регулирования» становится совершенно непонятными, каким образом до сих пор существует советская власть, или еще более,—каким образом, как дальше развивают авторы, гегемония в «единстве» все больше переходит к плану. В самом деле, в «первых стадиях» момент... находился на стороне стоимости,

стоимостный способ регулирования господствовал и диктовал свою направляющую волю послушному социалистическому сектору—и вдруг далее «по мере роста социалистического сектора»... все становится вверх ногами. Откуда, откуда маститые авторы взяли эту «мощь»? Почему это «частнохозяйственная область» стала использовать свое господство в «моменте единства» в целях собственного сокрушения? К счастью, жизнь советского хозяйства развертывалась не по схемам тт. Ловцова и Гричика, — надеемся, что и дальнейший ее ход будет их игнорировать.

Второй вопрос, который необходимо осветить в связи с теорией регуляторов тт. Ловцова и Гричика, — вопрос о возможности перерастания того или иного способа регулирования (в частности, закона стоимости) в другой, разрешается почти полным исчерпанием первого. Двуединый автор теории о двух регуляторах высказывается по этому вопросу совершенно безапелляционно.

> «Не говоря уже о том, что стоимостный способ регулирования не может перерасти в природную необходимость пропорционального распределения труда между различными отраслями хозяйства, ибо такое перерастание является «вопиющей чепухой», мы также утверждаем, что этот стоимостный способ регулирования не может перерастать, превращаться в другой, принципиально отличный общественный способ регулирования производства—в наших условиях в плановый способ регулирования... Эта общая закономерность переходного периода вообще,—наличие двух способов регулирования производства, вытеснение старого способа регулирования принципиально новым способом,—эта общая закономерность действительна и в переходный период от капитализма к социализму и в частности (опять!) действительна и в советской экономике» (стр. 82—83).

Что касается «переходного периода к капитализму», то мало-мальское знакомство с конкретной экономической историей зарождения капитализма и с трудами Маркса помогло бы вспомнить ту огромную массу переходных, ублюдочных форм и категорий, которые породил возникающий капитализм, при освоении и использовании докапиталистических общественных форм.

Однако оставим историю. Как же дело обстоит с перерастанием закона стоимости в иной способ регулирования в условиях советской экономики? Конечно, с точки зрения двух регуляторов ни о каком перерастании не может быть и речи, здесь господствует лозунг всякого механического столкновения: «иль со щитом, иль на щите».

Правильное разрешение вопроса о перерастании закона стоимости возможно лишь в том случае, если мы отрешимся от неправильного, метафизического взгляда и на план и на закон стоимости. Закон стоимости может превращаться, перерастать в сознательный, плановый способ регулирования только тогда, когда он у ж е п о д о р в а н, у щ е м л е н в с в о е й **о с н о в е**, если его модифицированное существование само в известной мере используется для укрепления нового строя общественных отношений. Но как крепостничество уже не является феодализмом в классическом значении этого слова, так и закон стоимости уже в этом случае не будет «стоимостным способом регулирования» в классическом понимании Ловцова и Гричика. Остается ублюдок закона стоимости — типическое дитя переходной эпохи. Следовательно, перерождается, перерастает уже не самостоятельный и равноправный «стоимостный способ регулирования», а попавший под решающее воздействие основного нового закона общественного развития, приспособляющийся к этому новому закону «социально-экономический ублюдок».

Мы уже вплотную подошли к решению центральной проблемы теории регуляторов: к вопросу о содержании и природе регулятора распределения общественного труда в переходную эпоху, регулятора воспроизводства советской системы хозяйства. Точка зрения авторов критикуемой статьи по этому вопросу выяснена. Для полного исчерпания их взглядов необходимо отметить, что они считают возможным такой план, который сочетал бы в себе и план

и закон стоимости и их борьбу. Однако и здесь они остаются верными своему правилу: излагать так, чтобы по возможности меньшее число людей их могло понять.

«По мере роста мощи социалистического сектора, роста его удельного веса в нашей экономике, происходит изменение соотношения между стоимостным и плановым способами регулирования, при чем момент (?) единства их обоих все более перемещается на сторону плана, который таким образом начинает «обуздывать» действие закона стоимости. В связи с этим, основными элементами такого плана, который уже является единством двух способов регулирования, должны быть следующие: учет исходного положения; целевая установка—наиболее желательное для хозяйствующего суб'екта соотношение между различными отраслями общественного производства; предвидение возможных коррективов со стороны стоимостного способа регулирования и сознательная реакция на эти коррективы.

Однако, наличие такого плана, об'единяющего в себе два способа регулирования, совсем не означает отсутствия борьбы между ними; наоборот,—в силу принципиально-различного содержания обоих способов регулирования,—эта борьба является абсолютно неизбежной, резко обостряющейся на определенных этапах развития нашего хозяйства» (стр. 83—84).

Не будем разбираться в этой абракадабре слов и понятий. К чему же в конечном счете сводится мнение авторов о природе регуляторов советского хозяйства. Советскому хозяйству присущи два регулятора. Они принципиально противоположны *по своему содержанию* и находятся в непрестанной борьбе между собою за господство в моменте (факт!) единства. Однако план обнимает оба регулятора, учитывая как целевую установку хозяйствующего суб'екта, так и коррективы со стороны стоимостного способа регулирования; несмотря на такой план, междоусобная борьба не прекращается. Уже по отдельным частям это понимание регулятора советского хозяйства было подвергнуто нами критике, в сводном же виде оно представляет такое нагромождение несуразностей и противоречий, что в дальнейших комментариях вряд ли имеется нужда.

Что же следует в конце концов считать регулятором хозяйства переходной эпохи, как умещаются здесь элементы плана и стихии, закона стоимости и сознательного регулирования хозяйства?

Поскольку мы имеем единый процесс воспроизводства хозяйственных отношений общества, переходного к социализму, постольку оно должно иметь единую систему регулирования, в которой, однако, находит свое выражение вся специфичность экономической структуры переходного периода. Характерной чертой переходной к социализму экономики, что отличает ее и от капиталистического общества и от социализма, является динамичность, неустойчивость производственных отношений. Всякое общество характеризуется такой динамичностью, однако, в обществах со сложившейся производственной структурой изменения в производственных отношениях до определенного времени укладываются в рамки данного, сложившегося типа отношений. Переходное хозяйство характеризуется как раз такой ломкой основного типа отношений; принципиальным содержанием переходной экономики и является как раз неустойчивость, изменяемость основного строя производственных отношений. Когда будет закончен процесс переделки частнохозяйственных отношений, когда сложатся в окончательном виде отношения социалистические, тогда переходная эпоха будет окончена. Таким образом, переходное хозяйство характеризуется наличием нескольких принципиально между собою различных типов производственных отношений, из которых еще ни один не достиг значения абсолютной всеобщности. Процесс воспроизводства переходного хозяйства должен поэтому в себя включать и воспроизводство отдельных элементов этого хозяйства совершенно различных в своей социальной характеристике. Однако дело здесь отнюдь не может быть сведено к простому повторению (с тем или иным количественным содержанием)

в очередном хозяйственном кругообороте той социальной картины, какая существовала до этого, — не менее важным, чем неоднородность экономической структуры является для переходного времени обязательность изменений этой структуры с каждым этапом кругооборота. При этом дело вовсе не сводится только к изменению количественных пропорций, определяющих удельный вес той или иной системы производственных отношений. *Наряду с чисто количественным ростом социалистического круга отношений должно происходить и происходит изменение природы и формы всех социальных типов.* Меняется как природа социалистического сектора переходного хозяйства, так и природа частнохозяйственных отношений в сторону большей подчиненности их плановому воздействию пролетарского государства.

Неоднородность социальной структуры и всеобщая динамичность социальных форм по видимости создают представление о полной неустойчивости всей системы и невырешенности основного вопроса о направлении ее развития. Если видеть только множественность социальных форм и общую их изменяемость, то совершенно неизбежным станет сомнение в конечном превращении всей нашей системы в социалистическую. На чем же с точки зрения социально-экономического анализа базируется наша уверенность в том, что развитие системы диктатуры пролетариата неизбежно (если, конечно, отвлечься от внешних пертурбационных факторов в роде войны и проч.) завершится образованием социалистического общества? Все это станет понятным только после того, когда мы учтем экономическое значение государства победившего пролетариата в едином процессе воспроизводства хозяйственной системы Страны Советов. *Несмотря на кажущуюся разнобойность процесса воспроизводства по отдельным секторам и социальным группам, воспроизводство всех частей системы переходной экономики находится под решающим воздействием государственно-социалистического сектора, — ведущим началом переходной экономики является, таким образом, плановое начало.*

Частнохозяйственный сектор в силу своей специфической социальной природы приемлет общественные директивы только в форме указаний рынка; в противном случае — в случае прямого директивного распоряжения государства—частнособственническая природа хозяйства была бы нарушена. Поскольку дело перестройки частнохозяйственных отношений неизбежно должно растянуться на целую историческую эпоху, постольку совершенно обязательным является для руководящего этой перестройкой пролетарского государства известное приспособление к товарно-рыночной форме регулирования хозяйства мелкотоварного и капиталистического сектора. Нэп и есть та форма приспособления рыночного рычага регулирования к интересам социалистического строительства, которая через приспособление к рыночной форме частнохозяйственных отношений включает в орбиту своего планового воздействия весь необобществленный сектор советского хозяйства. При этом вовсе принципиально не исключены также и меры прямого регулирующего воздействия государства по отношению к частнохозяйственному сектору,—наоборот, с каждым шагом процесса советской экономической системы все больше нарастает возможность прямого вмешательства.

Закон стоимости, который для товарно-капиталистических слоев советского хозяйства все еще остается «высшим экономическим разумом», оказывается подорванным в своей основе тем, что он сам *включен в систему планового регулирования.* Оставаясь по видимости «господствующим принципом советского хозяйства», он уже не существует совершенно в своем важнейшем *социальном* содержании. Нечего говорить, что если до известной степени в нашем хозяйстве все еще остаются принципы ценностной

формы (качественно иного, как мы видели, содержания), то количественные меновые пропорции совсем или почти совсем вышли из подчинения закону ценности. Разумеется, и для планирующего руководства обязателен в той или иной мере учет рабочего времени при установлении пропорций обмена и распределения, но теперь эти пропорции отнюдь не подчиняются отношениям эквивалентности, проистекающим из закона стоимости.

Таким образом, закон стоимости оказывается «кастрированным» и со стороны определения количественных пропорций обмена. С каждым шагом анализа экономики переходной эпохи закон стоимости все более отказывается служить в качестве хотя бы одного из самостоятельных равноправных регуляторов хозяйства. Урезанный, обкарнанный со всех важнейших сторон ублюдок социально-экономического закона не может претендовать на такую роль.

Обреченность закона стоимости в качестве самостоятельного регулятора хозяйства в принципе создана уже национализацией важнейших средств производства и транспорта и выступлением государства в качестве самостоятельной экономической силы. Дальнейший процесс укрепления социалистического сектора нашего хозяйства является лишь конкретным освоением принципиально отвоеванной победы планового начала. Значит ли это, что мы склонны затушевывать значение борьбы за победу социалистического начала, что мы считаем ленинское «кто кого» снятым? Отнюдь нет. Принципиально мы имеем обеспеченной окончательную победу планового начала, однако как и когда будет реализована эта возможность победы и будет ли она реализована вообще, — это зависит целиком от конкретного развертывания классовой борьбы в нашей стране и нашего вмешательства в нее, не говоря уже о событиях международного порядка.

Таким образом, единство процесса воспроизводства всей системы народного хозяйства заставляет нас признать наличие единой системы регулирования хозяйства переходного времени, осуществляемое через сознательное руководство пролетарского государства — план.

Если «сознательное руководство», «план» понимать вульгарно и, следовательно, неправильно, то такое решение проблемы может показаться абсурдным, упускающим из внимания огромные массивы частнотоварного хозяйства (крестьянство и проч.). Однако не трудно показать, что такое заключение может базироваться исключительно на несерьезном, ребяческом понимании плана. Как будет выглядеть «план» (сознательное руководство) социалистического общества? Он будет, очевидно, состоять из трех решающих частей: учет наличных производительных сил как в форме живого труда, так и в виде средств производства; учет потребностей личных и производительных, обусловленных направлением и размерами предполагаемого производства и составом населения с тем или иным уровнем потребностей; наконец, наиболее рациональное для данного отрезка времени распределение наличных производительных сил. Каковы пределы «свободы» (в смысле произвола) в этом плане? Довольно все-таки тесные,—план встречает ограничения как естественного (естественные запасы, метеорологические условия), так и общественного порядка (определенные личные потребности и наличная сумма производительного труда). Только учитывающий эти ограничения план окажется реальным, окажется действительным регулятором общественного производства.

Понятно, что план государства пролетарской диктатуры качественно отличен от плана социалистического общества и имеет гораздо больше ограничений. Прежде всего прежние качественные ограничения приобретают здесь довольно серьезные количественные размеры; кроме того вступают в силу дополнительные, подлежащие обязательному учету ограничения: роль мирового капитализма и частнохозяйственного сектора внутри страны. Важнейшим здесь, разумеется, является вопрос о форме воздействия на план частнохозяйственной периферии,—вопрос о связи советского хозяйства с капиталистическим миром можно устранить из пределов анализа, поскольку, во-первых, эта связь не может изменить природы сознательного руководства и, во-вторых, поскольку этот вопрос заслуживает специального рассмотрения.

План государства переходной эпохи включает в себя совершенно неизбежно не только систему регулирования собственного хозяйства обобществленного сектора, но также и всю систему регулирования других секторов народного хозяйства. Правда, рычаги регулирования будут в отношении разных секторов совершенно различными. Если по отношению к обобществленному сектору народного хозяйства план составляется по преимуществу в форме непосредственного директивного руководства (хотя и здесь, конечно, очень много оговорок), то в отношении различных прослоек сектора частнохозяйственного сознательное руководство осуществляется через соответствующее построение системы налогов, кредита, политики цен и проч. Однако, качество рычагов планового руководства еще не создает принципиальной разницы. В известных пределах элементы подчиненности стихийным закономерностям есть и в регулировании социалистического сектора (ограниченность финансовых, сырьевых и пр. ресурсов, отчасти—политика зарплаты и др.), с другой стороны, и по отношению к частнохозяйственному сектору применяются методы прямого воздействия (заготовительные цены, отобрание земли при злостном сокращении посевов и пр.).

В план, таким образом, включается не только планирующая воля, но и учет той обстановки, в которой приходится хозяйствовать,—а в эту обстановку включаются как элементы естественно-технического порядка, так и социально-экономического. Как никто еще не рискнет требовать от плана независимости при планировании производства чугуна от количества наличных доменных печей, так же нелепо требовать независимого от уровня цен определенной социальной политики и пр. плана хлебозаготовок. Реальный, а не мифический (со «свободной волей») план включает, таким образом, в себя и ценовые, товарные отношения, учитывая их, с одной стороны, как об'ективно данный факт и, с другой—в качестве рычага перераспределения общественного труда в секторе, непосредственно не подчиненном прямому планированию. И как монопольная цена эпохи империализма, являясь по внешности отрицанием закона стоимости, существует на базе этого закона и им в конечном счете регулируется, так же и наличие ценовых отношений, по внешности резко противоположных принципу планового регулирования, по сути дела этого принципа не нарушает,—наоборот, план предполагает их наличие и подчиняет товарно-ценовые отношения сознательному началу регулирования хозяйства.

Какое же место остается здесь для стоимости? Вот здесь уместно вспомнить о «перерастании». Наличие товарных отношений и цены как выражения их вовсе еще не обязательно говорит о господстве закона стоимости. Цена только тогда служит адэкватным выражением стоимости, когда ее образование базируется на всеобщем господстве частной собственности, разделении труда между независимыми производителями и свободной игре экономических сил на рынке купли - продажи. Ни одного из этих важнейших условий нет полностью в советском хозяйстве,—по всем пунктам цена приобретает черты «ненормальности», ублюдочности. Цена в наших условиях постепенно теряет характер рыночной формы проявления закона стоимости — в этом и сказывается пресловутое «линяние» закона. Цена — классическое воплощение анархической рыночной стихии—учитывается в качестве неизбежной предпосылки планом и начинает

на себе ощущать его решающее воздействие, — чем это не перерастание! Но это перерастание стало возможным лишь потому, что уничтожено в значительной части материальное содержание стоимости — соответствующие производственные отношения.

Распределение общественного труда — важнейшее содержание закона стоимости — происходит в эпоху господства этого закона соответственно эквивалентному возмещению индивидуальных трудовых затрат из резервуара общественного труда (при капитализме соответственно определенному уровню прибыли), и это основное содержание закона стоимости видоизменяется в условиях переходной экономики не только для социалистического сектора, не только для отношения между обобществленным и необобществленным сектором, но и для самого частнохозяйственного круга отношений.

Принципиальную возможность и необходимость сознательного нарушения отношений эквивалентности при установлении пропорции обмена, конечно, ограниченного определенными рамками экономической целесообразности, отмечает и XV с'езд ВКП(б), когда он в резолюции о директивах по составлению пятилетнего плана говорит: «Неправильно исходить из требования максимальной перекачки средств из сферы крестьянского хозяйства в сферу индустрии, ибо это требование означает не только политический разрыв с крестьянством, но и подрыв сырьевой базы самой индустрии, подрыв ее внутреннего рынка, подрыв экспорта и нарушение равновесия всей народнохозяйственной системы. С другой стороны, неправильно было бы отказываться от привлечения средств деревни к строительству индустрии: это в настоящее время означало бы замедление темпа развития и нарушение равновесия в ущерб индустриализации страны». (Протоколы XV с'езда, стр. 1293).

Распределение общественного труда в советском хозяйстве идет под знаком сознательного руководства (разумеется, стесненного в своем «размахе» как материальными рамками, так и учетом социальной стихии), а не под знаком подчинения стихийному закону стоимостного регулирования. Все это говорится вовсе не к тому, чтобы недооценить стихийные элементы нашего хозяйства, переоценить степень плановой его организованности. Речь идет пока лишь об изменении структуры нашего хозяйства (в части аппарата регулирования) в ее принципиальном содержании. Принципом регулирования в нашем хозяйстве будет план, но такой план, который «вбирает» в себя закономерности советского хозяйства, под влиянием которых складывается процесс воспроизводства всех укладов. Воздействие стихийных элементов, классовых сил и проч. меняет только практическое содержание плана, а не его принципиальное значение.

Чтобы исчерпать проблему регуляторов переходного хозяйства, необходимо разобрать вопрос о влиянии наличия различных общественных классов и их борьбы на систему регулирования хозяйства и на природу самого регулятора. Авторы критикуемой статьи прямо о влиянии борьбы классов на систему регулирования советского хозяйства ничего не говорят. Однако, из всего их построения вытекает довольно несложная схема: в переходном хозяйстве (и, «в частности — в советском», — сказали бы авторы) существуют принципиально различные системы производственных отношений со свойственными им особыми кругами воспроизводства и особыми системами регулирования. Между этими системами регулирования происходит непрерывная борьба, которая является лишь отражением борьбы классовых сил переходного (и, «в частности», советского) хозяйства. Механическая рассадка классовых антагонистов за спиною того или иного способа регулирования—вот поистине перл «диалектического» мышления! Кроме механистичности всего построения, вызывает недоумение также то положение, будто классовым носителем «стоимостного способа регулирования» является капитализм—и только он. Противного не допускает трактовка планового и стоимостного способов регулирования как непримиримо-враждебных, т. к. в социальном аспекте непримиримо-враждебным антагонистам социалистического начала является только капитализм. Мелкотоварное (напр., крестьянско-середняцкое) хозяйство является — до тех пор, пока оно не изменило своей природы частнотоварного хозяйства — ярким поборником свободы товарооборота («стоимостного способа регулирования») и в то же время отнюдь не может считаться непримиримым врагом победы социалистического сектора. Однако подвергнуть концепцию авторов по данному вопросу более развернутой критике не представляется возможным, так как они избегают здесь прямых формулировок.

Принципиальная обеспеченность победы социализма и наличие планового руководства в качестве ведущего, определяющего начала в переходном хозяйстве не устраняет зависимости нашего строительства от соотношения сил классов и классовой борьбы на каждом данном этапе. Хозяйственный план, в том понимании, как он очерчен выше, сам является результатом определенного сочетания классовых сил в нашем обществе. Опосредствованность плана ценовой формой регулирования проистекает из наличия огромной массы мелких крестьянских хозяйств. Таким образом, само содержание планового регулирования, сама принципиальная структура плана является результатом учета классовых сил общества. То же самое относится и к определенному материальному содержанию планового регулирования. План одной из своих сторон является планом организации классовой борьбы ради осуществления победы социалистического начала. Система сознательного руководства хозяйством пока еще является ситемой, осуществляемой через аппарат борьбы классов. Простейшая материальная директива (тот или иной об'ект промышленного строительства, определенных размеров план хлебозаготовок) может быть осуществлена лишь в процессе классовой борьбы, подчас весьма обостренной. Поскольку аппаратом осуществления тех или иных плановых предначертаний являются различные формы классовой борьбы, постольку и степень реализации этих предначертаний в значительной мере будет зависеть от результатов этой борьбы.

Не совсем умный спор, учитываются ли нашим планом классовая борьба и ее результаты, или же она, извне воздействуя на план, может подорвать, сорвать наши предположения, проистекает из неправильной, насквозь метафизической постановки вопроса. Определенная дислокация классовых сил, несомненно, учитывается системой планового регулирования в качестве об'ективно данного фактора, но эта же классовая ситуация является **активной** средой осуществления плана, и в зависимости от степени организованности и активности той или иной из борющихся сторон она может видоизменить, сорвать выполнение плана, помешать или содействовать его осуществлению.

II. „Регуляторы" в действии или „закон периодических кризисов" экономики переходного периода.

Мы уже имели возможность довольно подробно ознакомиться с упражнениями тт. Ловцова и Гричика по вопросу о регуляторах нашей экономической системы. Основательно напутав в этом вопросе, они на этакой «теоретической» основе строят оригинальную теорию продвижения к социализму через периодические «нарушения общего равновесия нашей экономики». Мы узнаем от наших авторов, что процесс воспроизводства в советском хозяйстве неизбежно должен проходить через постоянное «**чередование** нарушений производственного процесса». Оказывается, что уничтожение частной собственности на средства производства, плановое руководство всем хозяй-

ством и т. п. отличительные черты нашей экономики не освобождают нашего хозяйства от железной необходимости «нарушения общественного производства», подобно тому, как это имело место при капитализме. И в этом отношении нет никакой разницы, уверяют нас тт. Ловцов и Гричик, между капитализмом и нашим хозяйством переходного периода, ибо «там и тут существует необходимость нарушения производственного процесса, необходимость, заложенная в производственной структуре этих формаций» (стр. 87). Одним словом, утверждение наших авторов, по существу, сводится к признанию закона периодических «кризисов»[1]) для советского хозяйства, закона, вытекающего, якобы, из производственной структуры экономики переходного периода.

За последнее время в нашей печати в более или менее прикрытой форме встречались указания на неизбежность кризисов в нашем хозяйстве[2]). Но никто не удосужился до литературных выступлений тт. Ловцова и Гричика защищать тезис о периодическом характере этих кризисов. Авторство здесь, бесспорно, принадлежит им. Это, понятно, обязывает ко

[1]) Наши авторы чувствуют известное неудобство в применении понятия «кризис» по отношению к советскому хозяйству, и они предлагают вместо «кризис», говорить просто «нарушение производственного равновесия». «Понятие капиталистического кризиса,—говорят они,—кризиса, захватывающего все народное хозяйство, изменяющего соотношение между различными отраслями производства, неприменимо к советской экономике. Нарушение производственного равновесия в советской экономике может выразиться лишь (!?) в изменении соотношения между различными секторами народного хозяйства, что неизбежно отразится на социалистическом секторе, но не в смысле изменения направления его движения, а в смысле осложнения этого движения трудностями различного порядка. В виду этого мы считаем применение термина «кризис» к нашей экономике неправильным и считаем более целесообразным называть явления этого порядка, просто нарушением производственного равновесия» (стр. 87—88). Разве дело в термине? Кризис,—говорит Маркс,—есть «нарушение и перерыв процесса воспроизводства». Но утверждение тт. Ловцова и Гричика, что в советском хозяйстве неизбежно «нарушение производственного процесса», «нарушение общественного производства», «нарушение общего равновесия советской экономики», «нарушение равновесия всей хозяйственной жизни», разве не тождественно с тем содержанием кризиса, который дал Маркс. Ведь все эти характеристики не могут не означать ничего другого, как перерыв в процессе воспроизводства. Поэтому, исходя из своего понимания процесса воспроизводства в нашем хозяйстве, тт. Ловцов и Гричик не имеют никакого права отказываться от термина «кризис» по отношению к советскому хозяйству. Их довод о том, что в нашем хозяйстве нарушение равновесия не изменяет направления развития социалистического сектора, свидетельствует больше о теоретическом уровне его авторов, чем что-нибудь может доказать. Ибо разве при капитализме кризис изменяет направление развития капиталистического сектора хозяйства? Не более глубокомысленным является и другой довод, сводящийся к тому, что при капитализме нарушение равновесия происходит между отраслями народного хозяйства, а у нас по линии социальных секторов нашей системы. Нужно обладать большой долей наивности, чтобы верить в то, что нарушение равновесия «всей советской экономики», о котором говорят наши авторы, может не коснуться равновесия между отдельными отраслями народного хозяйства, а «выразиться лишь в изменении соотношения между различными секторами народного хозяйства». С другой стороны, нарушение в конкретном капиталистическом обществе равновесия между отраслями, неизбежно сопровождается известным нарушением равновесия и между простым товарным хозяйством и капиталистическим, как и между различными социальными группами внутри самого капиталистического сектора.

[2]) См. т. Я. Роках,—«Товарный голод и наша хозяйственная система», «Т.-П. Г.» от 29/VII-29 г.; М. Мудрик—«К вопросу о природе современных рыночных затруднений». «Большевик» № 7 за 1929 г. Бялый—«К вопросу о кризисах в хозяйстве СССР», «Плановое Хозяйство», № 2 и 4 за 1929 г. Хотя все эти авторы по-разному подходят к вопросу, но их роднит признания в той или иной форме не только возможности, но и неизбежности «кризисов» в советском хозяйстве. Взгляды тт. Рокаха и Мудрика подверглись критике в статьях тт. Розенталя и Капитонова, помещенных в №№ 7 и 10 журнала «Путей Индустриализации» за 1929 г.

многому. Во всяком случае, к некоторому обоснованию своей «оригинальной теории».

Но напрасно мы будем искать это обоснование в напечатанной нашими авторами статье. Разве можно считать хотя бы за тень доказательства, неоднократно повторяемое положение о борьбе между планом и стоимостью, борьбе, которая отражает наличие противоположных производственных отношений в нашем хозяйстве, неизбежно приводит, по мнению наших авторов, к общему нарушению равновесия нашего хозяйства.

Мы выше видели, что вопрос о регуляторах советского хозяйства остался для тт. Ловцова и Гричика книгой за семью печатями. Но разве из факта борьбы между стоимостью и планом логически вытекает неизбежность «нарушения общего равновесия нашей экономики»? Это тезис вовсе уж не ясен сам собой, чтобы здесь можно было обойтись простой декларацией хотя бы и таких авторитетных экономистов, как тт. Ловцов и Гричик. Но предположим, что факт наличия борьбы между планом и стихией есть достаточное основание для выводов о неизбежности «общих нарушений равновесия нашей экономики», все же еще остается вопрос о причинах «чередования» этих нарушений. Ведь наши авторы говорят о «закономерности, управляющей чередованием нарушений производственного процесса» (стр. 89)[1]) в советском хозяйстве. Борьба же между планом и стихией есть постоянно действующий фактор, почему же в таком случае у нас нет постоянного «кризиса», а нарушение равновесия носит периодический характер. При капитализме периодичность кризисов связывалась Марксом с условиями воспроизводства основного капитала. Действует ли эта или другая причина в нашем хозяйстве—все это вопросы, на которые никакого ответа мы не находим.

Вскрыть законы движения нашей хозяйственной системы можно только на основе анализа и всестороннего изучения этой системы. Наши же авторы вместо действительного анализа действительных отношений предпочли скрыться за гегелевской терминологией.

> «Наличие двух, принципиально различных способов регулирования или, иначе, наличие двух противоположных типов производственных отношений,—говорят они,—является самым общим об'ективным основанием для нарушения производственного равновесия советской экономики. Однако, для того, чтобы такое нарушение равновесия произошло, для этого требуется опосредствование вышеуказанного об'ективного основания целым рядом других факторов. Такими факторами, согласно Марксу и Гегелю, должны быть следующие: наличие возможности проявления об'ективного основания; основная причина, или фактор, соединяющий в действии основание и условие, и, наконец, общие условия, соответствующие основанию, но не тождественные с ним, так как в эти условия, помимо соответствия с основанием, входит также и отрицательный момент явления, чисто случайные обстоятельства, в силу чего условия рассматриваются, как внешние моменты, безотносительно к основанию» (стр. 84—85).

Пусть читатель скажет, стало ли ему что-нибудь яснее в сущности советского хозяйства, приблизился ли он к познанию закономерностей, управляющих этих хозяйством после того, как он ознакомился с столь «ученой», на первый взгляд, цитатой. Мы здесь узнаем, что наличие принципиально различных регуляторов является об'ективным основанием для нарушения производственного равновесия советской экономики. Но для того, чтобы это нарушение равновесия произошло, говорят наши авторы, необходим целый ряд «факторов». Читатель в праве ожидать, что вот сейчас последует анализ этих «факторов», вытекающих из основных экономических процессов в нашем хозяйстве. Но ничуть не бывало. Оказывается, что этими факторами

[1]) Разрядка авторов. «Умные мысли подобны строкам, напечатанным курсивом»,—говорил Кузьма Прутков. К сожалению, этот «закон», очевидно, не имеет обратной силы.

являются гегелевские категории: основание, возможность, причина и общие условия. Как не вспомнить при этом слова Энгельса про тех молодых «гегельянцев», которые свое невежество в области познания действительности, прикрывали гегелевскими схемами.

Но посмотрим, какое содержание наши авторы вкладывают в гегелевские категории. Уложив марксову теорию капиталистических кризисов в четырехчленную формулу: основание, возможность, причина и общие условия, они строят по аналогии с капиталистическими кризисами теорию кризисов советской экономики. И здесь и там необходимость кризисов опосредствуется одними и теми же категориями, но содержание этих категорий различное.

При капитализме *основанием кризиса* является противоречие между способом производства и способом присвоения. В советском же хозяйстве — наличие двух, принципиально различных регуляторов.

Возможность кризиса в советском хозяйстве как и при капитализме одна и та же и дана товарно-денежной формой движения производственных отношений.

Основной причиной кризиса при капитализме является тенденция нормы прибыли к понижению. В нашем же хозяйстве — вытеснение стоимости планом.

> *Общими условиями* кризиса при капитализме выступают: «специфические формы обновления основного капитала, захват кризисом отраслей производства главных продуктов торговли и, следовательно, специфические отношения между отдельными отраслями производства и т. д. У нас же, кроме условий, присущих товарно-денежному обращению, вообще, *важнейшим* (разрядка наша) из условий являются плановые просчеты» (стр. 87), «повышательная тенденция в динамике цен на товары (откуда она взялась? *Г. Д.* и *И. К.*), выбрасываемых на рынок простым товарным и капиталистическими секторами нашего хозяйства и, наконец, различные кон'юнктурные данные» (стр. 85).

Вот и вся теория периодических кризисов капиталистического и советского хозяйства. Мы не будем останавливаться над своеобразной интерпретацией марксовой теории кризисов нашими авторами. Перейдем непосредственно к анализу «теории» кризисов в советском хозяйстве. Если отбросить словесную шелуху, то вся «теория» сводится к *одному* положению: наличие противоположных производственных отношений в нашем хозяйстве неизбежно должно приводить к нарушению общего равновесия советской экономики. Ибо борьба между планом и стихией, которая у наших авторов фигурирует под рубрикой «основной причины», вытекает из факта наличия противоположных укладов в нашем хозяйстве. Плановые же просчеты, которые отнесены к роли важнейшего «общего условия», вытекают из наличия противоположных производственных отношений, об'ективно обусловлены и неизбежны, являясь лишь формой, через которую «об'ективное основание» реализуется. Таким образом, мы видим, что под различными категориями, по существу, фигурирует старый знакомец: борьба между планом и стихией. Поэтому нужно удивляться наивности авторов, когда они думают, что убедительность их аргументации увеличилась от того, что под различными категориями (об'ективные основания, основная причина, общие условия) они с ученым видом повторяют одно и то же.

Разберемся поэтому в основном, решающем доводе тт. Ловцова и Гричика.

Бесспорно, что наличие противоположных типов производственных отношений в нашем хозяйстве кладет специфический отпечаток на форму движения процесса производства в этом хозяйстве. Но отсюда еще далеко до вывода, что это движение неизбежно должно осуществляться через периодическое нарушение общественного производства. Это нарушение, по мнению

наших авторов, обусловливается вытеснением стоимостного способа регулирования плановым. Но это же не может отражать не что иное, как наши успехи в деле вытеснения капиталистических элементов нашей экономики, так и в деле обобществления индивидуального мелкотоварного хозяйства.

Таким образом, по мнению наших авторов, процесс вытеснения капиталистических элементов, или процесс обобществления мелкотоварного хозяйства, неизбежно должен приводить к «нарушению равновесия всей советской экономики». Но это предполагает одно из двух. Либо *удельный вес* капиталистических элементов в нашем хозяйстве настолько значителен, их роль в общественном процессе воспроизводства настолько огромна, что сила их сопротивления может вывести из равновесия всю систему советской экономики. Либо процесс обобществления мелкотоварного индивидуального хозяйства настолько болезнен, что ведет к нарушениям равновесия хозяйственной системы. Достаточно сформулировать эти предпосылки, которые только и могут лежать в основе построений тт. Ловцова и Гричика, чтобы увидеть, откуда и куда растет их «оригинальная» теория.

Бесспорно, что наступление на капиталистические элементы нашего хозяйства, выкорчевывание корней капитализма в нашей стране неизбежно связано с усилением сопротивления кулацкой верхушки деревни и с обострением классовой борьбы. Но это обострение классовой борьбы происходит не в результате усиления *удельного веса* капиталистического сектора нашего хозяйства. Мы как раз имели обратную картину. При *абсолютном росте* капиталистических элементов мы имели еще более быстрый рост социалистического сектора, что и создало предпосылку для форсированного наступления на кулака. Следует ли, однако, отсюда, что обострение классовой борьбы, связанное с усилением сопротивления капиталистических элементов города и деревни наступающему социализму не усугубляет наших хозяйственных затруднений? Отнюдь нет. Общеизвестно, что одной из причин затруднений по линии хлебозаготовок является то сопротивление, которое кулацкая верхушка деревни оказывает нашему плановому регулированию. Этого обстоятельства недооценивают правые. Но отождествлять наши хлебозаготовительные затруднения с общим нарушением процесса общественного производства могут только тт. Ловцов и Гричик.

Если, таким образом, утверждение, что наступление на капиталистический сектор нашего хозяйства неизбежно должно сопровождаться общим нарушением равновесия нашего хозяйства, не имеет под собой никаких оснований, то еще менее соответствует действительности предпосылка, что это нарушение равновесия вызывается усилением процессов обобществления мелкотоварного индивидуального хозяйства. Безусловно, что процесс переделки мелкокрестьянского хозяйства в крупное и обобществленное сопряжен с значительными трудностями, но полным забвением ленинизма будет думать, что эти трудности такого порядка, что неизбежно должны нарушить процесс общественного производства.

Но злоключения тт. Ловцова и Гричика этим не исчерпываются. Необходимость кризисов в советском хозяйстве они аргументируют не только от теории, но и от практики. «Раз «кризисы» имеют место у нас, — говорят они, — то очевидно, что имеется их возможность, и, следовательно, имеется некое *об'ективное основание* этих «кризисов» (Стр. 89). Таким образом, раз «кризисы» имеют место у нас, то, следовательно, должна быть теория «кризисов» советского хозяйства, а переживаемые нами затруднения подходят под закон «общего нарушения равновесия нашей хозяйственной жизни», прокламированный тт. Ловцовым и Гричиком.

Но не вспомнит ли читатель, кто так оценивает переживаемые нами хозяйственные затруднения, кто утверждает, что мы имеем общее нарушение хозяйственной жизни, кто уверяет, что у нас нарушен производственный

процесс, а в некоторых отраслях нашего хозяйства приостановился процесс расширенного воспроизводства, кто, в конце концов, говорит об общем кризисе, переживаемом в нашем хозяйстве?

Всякий, кто знаком с борьбой, которая имела место в последнее время в партии, знает, что именно правые уклонисты и иже с ними утверждали и утверждают, что, благодаря неправильной политике партии мы ввергли страну в кризис. И вот тт. Ловцов и Гричик, ничтоже сумняшеся, в специальной книге, которая по их замыслу должна быть теоретическим обоснованием генеральной линии нашей партии и дать оружие против правого уклона, в важнейшем вопросе экономической политики, в вопросе об оценке размеров переживаемых нами затруднений, сходятся с этими уклонистами.

Разница между ними лишь та, что одни из этого «факта» делают вывод о необходимости изменения политики партии, а тт. Ловцов и Гричик, из якобы имеющего место общего нарушения равновесия нашей экономики выводят подтверждение правильности этой линии. Ибо эти нарушения, по их мнению, органически присущи нашему хозяйству, так как всякое вытеснение капиталистических элементов и связанное с этим «вытеснение стоимостного способа регулирования с тех или иных участков нашей хозяйственой жизни, замещение его в этих участках плановым способом регулирования, неизбежно связано с нарушением во всех сферах непосредственного участия закона стоимости в регулирующем процессе, а потому также связано с тем или иным нарушением общего равновесия нашей экономики» (стр. 84).

Общеизвестно, что мы имеем серьезные хозяйственные затруднения. Эти затруднения в основном связаны с условиями социалистического строительства в нашей стране на данном этапе нашего развития. Известную роль в обострении этих затруднений в текущем году сыграл и ряд кон'юнктурных факторов. Но все же, несмотря на эти затруднения, текущий год является годом дальнейшего под'ема в с е г о народного хозяйства на базе реконструкции и индустриализации при одновременном росте социалистических элементов нашей экономики. Достаточно ознакомиться с основными фактами текущей кон'юнктуры, чтобы убедиться, насколько, по меньшей мере, нелепо нынешнее состояние нашего хозяйства определять как состояние «нарушенного равновесия всей хозяйственной жизни». Можно ли говорить о хозяйстве, где промышленное производство растет на 22% [1]) в год, где посевные площади в сельском хозяйстве расширяются на 6 — 7%, где доходы в госбюджет растут на 15%, где имеется ряд сдвигов качественного порядка, растет производительность труда, усиливается снабжение сельского хозяйства сортовыми семенами, сельхозмашинами, удобрениями, растет обобществленный сектор и т. д., что оно находится в состоянии «общего нарушения во всей хозяйственной жизни», пусть судит читатель.

Но как могло случиться, что тт. Ловцов и Гричик хотели войти в одну дверь, а попали в другую? Как могло случиться, что в исходном пункте в оценке размеров наших хозяйственных затруднений, они, по существу, солидаризируются с правыми? Все их качества от того, что они «заучились» и вместо анализа действительных отношений нашего хозяйства, исходят из надуманных схем. Но при этом еще не «доучились» до того, чтобы понять

---

[1]) Не лишне напомнить тт. Ловцову и Гричику, что темп роста промышленности в текущем году у нас значительно превосходит темп роста капиталистических стран. Так, в С.-А. С. Ш. за первые 7 месяцев 1928—29 г. этот рост составил +8,9%, в Англии — +0,4%, во Франции — +16,1%, а в Германии даже уменьшение — 8,7%, у нас этот рост составил 22,6%. Сравнительно значительный рост промышленной продукции в С.-А. С. Ш. и Франции связан с очень высокой кон'юнктурой. А у нас, когда этот рост заметно превосходит и рост Франции и С.-А. С. Ш., тт. Ловцов и Гричик имеют мужество уверять, что наше хозяйство все же находится в состоянии «кризиса».

различие между «затруднением», «диспропорцией», «кризисным явлением» и «нарушением общего равновесия хозяйственной жизни».

Разве наличие хозяйственных затруднений и диспропорций даже при некотором обострении их свидетельствует о кризисе народного хозяйства? Разве кризис — это простое нарушение равновесия? Разве каждое нарушение равновесия означает нарушение равновесия всей экономической системы?

Достаточно поставить эти вопросы, чтобы убедиться, что наши авторы не только ничего не поняли в «советских кризисах», но и в кризисах капиталистических. Только в изображении Туган-Барановского и Кондратьева, Маркс «существо кризиса» видел в «нарушении равновесия».

В капиталистическом обществе в каждый данный момент об абсолютном равновесии говорить не приходится, «ибо при стихийной структуре этого производства равновесие с а м о я в л я е т с я с л у ч а й н о с т ь ю» (К. Маркс). Или, как говорит в другом месте Маркс, «пропорция в применении капиталов по отдельным сферам, правда, выравнивается путем постоянного процесса, но что само постоянное наличие процесса равным образом предполагает п о с т о я н н у ю д и с п р о п о р ц и о н а л ь н о с т ь, которую он (этот процесс) постоянно, иногда насильственным образом должен выравнивать.

Таким образом, при капитализме мы имеем п о с т о я н н у ю д и с п р о п о р ц и о н а л ь н о с т ь, но мы все же не имеем там постоянного кризиса, ибо д и с п р о п о р ц и о н а л ь н о с т ь не тождественна с кризисом. Последний—лишь насильственная форма восстановления пропорциональности.

Естественно, что относительное динамическое равновесие, относительное соответствие отдельных элементов экономической системы друг другу, имеет место при капитализме, ибо иначе невозможен был бы процесс воспроизводства. Но наличие этого относительного равновесия не устраняет постоянного существования «диспропорциональности». К р и з и с н а с т у п а е т т о г д а, к о г д а с у щ е с т в у ю щ и е «д и с п р о п о р ц и о н а л ь н о с т и» н а р а с т а ю т д о т а к и х п р е д е л о в, к о г д а д а л ь н е й ш и й п р о ц е с с в о с п р о и з в о д с т в а с т а н о в и т с я н е в о з м о ж н ы м. «Кризис, — говорит Маркс, — представляет именно момент нарушения и перерыв в процессе воспроизводства». (Теории прибав. стоим., т. II, ч. 2, стр. 173).

Несмотря на принципиально иную природу нашего хозяйства, процесс воспроизводства осуществляется у нас через ряд противоречий и диспропорций и связанных с этим более или менее значительных хозяйственных затруднений. Но в производственной структуре нашего хозяйства не заложена н е и з б е ж н о с т ь такого нарастания этих диспропорций, чтобы единственным способом их разрешения был «кризис», т.-е. нарушение и перерыв в процессе воспроизводства. В этом состоит одно из огромнейших преимуществ советского хозяйства,—преимуществ, которые на ряду с другими дают возможность развивать наше хозяйство темпом, значительно превосходящим темп развития, присущий капиталистическому хозяйству, и тем самым решить задачу догнать и перегнать высокоразвитые передовые капиталистические страны. Наше хозяйство м о ж е т развиваться по восходящей линии без перерывов в процессе общественного воспроизводства, перерывов, которые в капиталистическом обществе сопровождаются колоссальной растратой общественных производительных сил [1]).

«Бескризисное» развитие нашего хозяйства возможно, во-первых, потому, что противоречия нашего хозяйства качественно иного порядка, чем

---

[1]) Не лишне напомнить тт. Ловцову и Гричику, что не кто иной, как В. Базаров, исходя из с в о е г о понимания природы капиталистического цикла, доказывал неизбежность циклической формы процесса воспроизводства в советском хозяйстве. По мнению В. Базарова, «даже замена капиталистиче-

противоречия капитализма, во-вторых, благодаря новым формам регулирования нашей экономической системы, формам принципиально отличным от форм регулирования, свойственных капиталистическому хозяйству.

Возможность кризиса, вытекающая из товарно-денежной формы движения производственных отношений, превращается в необходимость при капитализме, благодаря противоречию между общественным производством и частным присвоением, противоречию, которое обусловливает и ряд других противоречий, в частности, противоречия между развитием производительных сил и недопотреблением широких масс населения. Нарушение общего равновесия хозяйственной системы в связи с этим находит свое выражение в стремлении капитализма вывести производительные силы за границы общественного потребления, ограниченного капиталистическим характером производственных отношений. Поэтому там кризис выражается в форме перепроизводства, и восстановление равновесия осуществляется через «перерыв в процессе воспроизводства».

В нашем хозяйстве противоречие между общественным производством и частным присвоением отсутствует в социалистическом секторе благодаря уничтожению частной собственности на средства производства, а в мелкотоварном—благодаря индивидуальному характеру производства. Если, таким образом, в решающих участках нашего хозяйства устранено основное противоречие капитализма, с которым связана неизбежность капиталистических кризисов, тем самым для нашего хозяйства вопрос о кризисах, аналогичных капиталистическим, снимается сам собой. Но в нашем хозяйстве, как хозяйстве переходном от капитализма к социализму, имеются специфические, только одному ему свойственные противоречия. Эти противоречия идут по двум линиям. С одной стороны, по линии классовых отношений, по линии различных типов производственных отношений, сосуществующих в нашем хозяйстве, а, с другой, на первых этапах реконструктивного периода по линии некоторого отставания производительных сил от развивающейся системы новых производственных отношений, отставания усугубляемого несоответствием между отсталым уровнем страны и теми структурными и социальными сдвигами, которые произошли в результате революции.

Если при капитализме имеется тенденция выводить производительные силы за пределы капиталистических производственных отношений, то в нашем хозяйстве унаследованные от капитализма производительные силы по уровню развития не находятся в соответствии с вновь созданными и развивающимися социалистическими производственными отношениями. Понятно, что и в нашем хозяйстве существует зависимость между развитием производственных отношений и уровнем развития производительных сил. Но здесь следует отметить дополнительные обстоятельства. Если при всяком социаль-

---

ского обращения и кредита плановым распределением продуктов и плановой утилизацией производительного накопления не привело бы автоматически к полной ликвидации циклов». (В Базаров, «Капиталистические циклы и восстановительный процесс в СССР», ст. 77). Основным условием цикличности, по мнению В. Базарова, является неравномерность роста производительности труда, что определяет собой соответствующие колебания масштабов производства. Цикличность исчезает только с установлением «плавного эволютарного уровня векового движения». Но это как реальная тенденция развития не существует ни в докапиталистическом, ни в капиталистическом, ни в нашем переходном советском хозяйстве» (стр. 79). Для этого нужно вполне развитое социалистическое общество. Поскольку «наша советская плановая система в теперешнем ее состоянии... еще бесконечно далека от этого идеала», поэтому для нас циклическая форма развития сохраняет свою силу. Мы не можем здесь останавливаться на концепции В. Базарова. Взгляды последнего уже подверглись критике на страницах «Большевика» (№ 6 и 7 за 1928 г.) в статье тов. П. Максаковского.

ном строе производственные отношения не являются простым пассивным рефлексом развития производительных сил, но обладают способностью обратного влияния на это развитие, то это особенно относится к советскому хозяйству. Так, процесс обобществления сельского хозяйства, осуществляемый нами на определенной материально-технической основе, становится сам могучим фактором развивающим материально-технические основы производства. Сознательно регулируемые нами производственные отношения между людьми становятся мощным рычагом развития производительных сил. Поэтому в нашем хозяйстве на определенной ступени развития в каждый данный момент имеет место некоторое отставание уровня развития производительных сил от развивающихся социалистических производственных отношений. Этим в основном и об'ясняется, что диспропорции в нашем хозяйстве имеют тенденцию проявляться на рыночной поверхности не в форме избытка, а в форме известного недостатка товаров.

Обе указанные выше линии противоречий находятся во внутренней диалектической связи. Но они не такого порядка, чтобы их движение в нашем хозяйстве было возможно только через кризис, только через общие нарушения всей советской экономики, хотя возможность такого нарушения имеется. Но от возможности до неизбежности—дистанция огромного размера. Это понимают и наши авторы, которые эту брешь хотели заполнить гегелевскими категориями.

Мы уже имели возможность убедиться, почему ошибочным является тезис, что противоречия, идущие по линии различных типов производственных отношений и проявляющиеся в борьбе классов, неизбежно должны в нашем хозяйстве приводить к кризису. Но ряд товарищей совершает ошибки иного порядка, ошибки, недооценивающие роль классовой борьбы в общественном процессе воспроизводства. Эти товарищи отводят этот упрек ссылкой на схемы воспроизводства второго тома «Капитала», с указанием, что схемы Маркса не игнорируют проблему класса. Бесспорно, что схемы воспроизводства включают отношения между классами, так как соотношение между различными частями вновь создаваемой общественной стоимости V и M является экономическим выражением классовых отношений между буржуазией и пролетариатом. Но именно поэтому отношение между V и M, являясь основой, на которой развивается классовая борьба, само может изменяться под влиянием этой классовой борьбы. Последняя, влияя на цену рабочей силы, изменяя соотношение между V и M, тем самым воздействует на те пропорции, которые выражены в схемах воспроизводства.

Ошибка Тугана состоит не в том, что он выпячивал классовую борьбу, а в том, что он игнорировал экономическую основу классовой борьбы, отрывал одно от другого. Ошибкой же обратного порядка является игнорирование классовой борьбы, как момента, воздействующего на экономические пропорции, складывающиеся в общественном процессе воспроизводства, изменения которых в свою очередь влияют на ход классовой борьбы. И в нашем хозяйстве классовая борьба, развиваясь, на базе определенных производственно-экономических отношений, воздействует на экономические пропорции, которые складываются в процессе общественного воспроизводства.

Вот почему составление народнохозяйственного плана вовсе не сводится к простому построению «баланса народного хозяйства» по аналогии со схемами воспроизводства второго тома. Задача здесь сложней. План должен учесть не только материальные ресурсы, которыми располагает наше хозяйство, распределяя их в определенных пропорциях, но и учесть те изменения в этих пропорциях, которые произойдут в ходе общественного процесса воспроизводства в результате вырастающей на основе этих пропорций классовой борьбы. Этим в значительной мере об'ясняется вся относительность наших

планов, реальность которых будет расти в меру роста организованности в нашем хозяйстве на основе растущего обобществления экономики страны.

Но, несмотря на относительный характер наших планов, «отклонения» и «поправки», которые вносит рыночная стихия, не могут изменить при правильной экономической политике основное содержание плана, сводящееся к поддержанию известного относительного равновесия нашей хозяйственной системы и развития этой системы по направлению к социализму. Мы здесь не говорим о стихийных бедствиях, как, например, неурожай и иных факторах неэкономического порядка, которые хотя и имеют об'ективные основания, все же сами не вытекают из социально-экономической структуры нашего хозяйства, являясь по отношению к этой структуре случайностью. Вполне понятно, что от таких «кризисов» и затруднений не гарантировано и социалистическое хозяйство.

Этим, собственно, и решается вопрос о «кризисах» в нашем хозяйстве. Следует ли, однако, что имеющие место хозяйственные затруднения и диспропорции, в частности, товарный голод, являются чем-то случайным, или результатом только плановых просчетов и т. д.? Понятно, нет. Мы уже выше отмечали, что из социально-экономической структуры нашего хозяйства в свою очередь вытекает ряд диспропорций и затруднений, преодоление которых сопряжено с значительными трудностями. Но необходимо понять, с одной стороны, что об'ем затруднений, который мы имеем в настоящее время, связан также с неблагоприятными факторами кон'юнктурного порядка, а с другой, наличие хозяйственных затруднений и диспропорций не тождественно с общим нарушением равновесия советской экономики. Хотя мы не можем по своему усмотрению сразу преодолеть полностью диспропорций нашего хозяйства, более того, задачи, которые мы себе ставим, сами подчас рождают ряд новых трудностей, но задача планирующих органов сводится к тому, и мы располагаем для этого необходимыми возможностями, — чтобы не допустить такого нарастания этих затруднений и диспропорций, когда разрешение их станет возможным только через нарушения равновесия всей нашей экономики. Поэтому мы и возлагаем на наши планы большую ответственность, поэтому составление народнохозяйственного плана в наших условиях представляет огромные трудности.

Но тов. Ловцов и тов. Гричик создали теорию «безответственных планов», очень удобную для плановых работников, но очень неудобную для нашего хозяйства. Они не более не менее, как создали теорию об'ективной необходимости периодических «плановых просчетов», поскольку «важнейшим» общим условием «периодических» нарушений равновесия всей хозяйственной жизни являются эти просчеты. Да еще какие «просчеты»,— просчеты, которые нарушают равновесие всей советской экономики. Это им понадобилось, чтобы реализовать свою теорию периодических «кризисов» в советском хозяйстве. Они в этом смысле признают за планом, вернее за «плановым просчетом», решающую роль в нашем хозяйстве. Они здесь даже понимают, что план проник так глубоко во все поры нашего хозяйства, что «об'ективное основание» вместе с «основной причиной» неизбежности кризиса в нашем хозяйстве может реализоваться только через наш план. Отсюда и теория «плановых просчетов».

Что наши планы далеко не совершенны, — это общеизвестно, что те или иные просчеты неизбежны — об этом спорить не приходится. На плановые просчеты, как на одну из причин наших хлебозаготовительных трудностей, указывает июльский пленум ЦК партии. Но думать, что «важнейшим» общим условием наших хозяйственных затруднений являются «плановые просчеты» и «ошибки», хотя и об'ективно неизбежные, могут только тт. Ловцов и Гричик. Мы думаем, что должно быть известно пишущим целую книгу о советском хозяйстве, что мы в наших планах подчас сознательно идем на те или другие затруднения, поскольку решение задач социалистического строительства на данном этапе нашего развития связано с этими затруднениями. Этого не понимают правые, которые собственно являются авторами теории, об'ясняющей наши трудности «плановыми просчетами».

Но будем справедливы. Тт. Ловцов и Гричик пытаются критиковать тех, кто наши хозяйственные затруднения сводят только к ошибкам планирования. При этом они делают ряд открытий. Если правые плановые просчеты сводят к суб'ективным условиям планирования, то наши авторы рассматривают их как форму движения «об'ективного основания» нарушения производственного процесса, т. е. как форму движения процесса воспроизводства экономики переходного периода. Если бы наши авторы говорили только о том, что мы не можем избегнуть ошибок планирования в связи с наличием стихийных элементов нашей экономики, которые не всегда поддаются точному учету, то они были бы правы. Но тт. Ловцов и Гричик утверждают нечто большее. Они утверждают, что «эти плановые просчеты необходимы»!! Это звучит довольно странно. Но это факт. Дадим слово авторам:

...«Эти плановые просчеты необходимы (!!) на первых этапах развития переходного хозяйства, и определяются общими условиями нашей экономики, так что, перефразируя приведенное выше положение Маркса об общих условиях в капиталистических кризисах, можно сказать: «общие условия нарушения производственного равновесия в советской экономике должны быть развиты из общих условий этого типа хозяйства». Но на этом основании сказать, что эти общие условия нарушения равновесия являются об'ективным основанием этих нарушений—это значит сказать чепуху» (стр. 89—90).

Вот именно не чем иным как «чепухой» является утверждение «необходимости» плановых просчетов. Не думаем, чтобы такие утверждения, хотя и возвещенные с невероятным апломбом, нуждались в особой критике, на них достаточно только указать.

Нам придется еще несколько остановиться на вопросе о товарном голоде, ибо и этот вопрос не обойден нашими авторами. Товарный голод является неизбежным спутником развития нашего хозяйства в последние годы. Какова же действительно природа товарного голода? В каком направлении идет развитие нашего хозяйства: в сторону ли обострения товарного голода или в сторону его смягчения? Вот вопросы, которые должны занимать всякого, что приступает к изучению советского хозяйства.

Какой же ответ на этот вопрос мы находим у авторов?

«По мере нашего общего продвижения к социализму,—пишут они,— платежеспособный спрос будет расти значительно быстрее, чем производство товаров. Это будет продолжаться до тех пор, пока вообще категория платежеспособного спроса не будет уничтожена вместе с другими товарно-рыночными формами проявления по существу новых производственных отношений и именно недопроизводство будет являться формой нарушения производственного равновесия советской экономики». (Стр. 88).

Вдумайтесь, читатель, в ту экономическую мудрость, которая выражена в этой небольшой цитате. Наши авторы здесь утверждают не более не менее, что по мере нашего продвижения к социализму платежеспособный спрос будет расти значительно быстрее производства товаров. Это означает не что иное, что чем больше мы будем приближаться к социализму, разрыв между платежеспособным спросом и предложением товаров будет нарастать. И это будет продолжаться до тех пор, пока категория платежеспособного спроса не будет уничтожена. Нечего сказать, хорошую перспективу нашего «продвижения к социализму» рисуют наши авторы—картину все нарастающего товарного голода. Если в настоящее время товарный голод является фактором, затрудняющим нормальное развертывание процессов воспроизводства, то что будет через 5—10 лет, если развитие будет итти по схеме товарищей Ловцова и Гричика. Мы тогда будем иметь такой грандиозный товарный голод, что и нашим авторам от него страшно станет.

По мере продвижения к социализму, говорят ниже тт. Л. и Г. «нарушения производственного равновесия будут становиться все реже и их влияние на экономику страны все незначительнее, до тех пор, пока они качественно совершенно не исчезнут» (стр. 88). Как совместить процесс нарастающего товарного голода с процессом ослабления и даже уничтожения нарушений хозяйственного равновесия, это секрет авторов!

Но мы в праве также спросить наших авторов, как примирить их утверждение о нарастании товарного голода, по мере приближения к социализму, с директивой ноябрьского пленума ЦК, согласно которой: «Относительное недопроизводство готовых товаров, не покрывающее быстро растущий платежеспособный спрос (несмотря на ежегодный рост промпродукции)... не должно переходить определенной границы, ибо подрыв делу индустриализации может угрожать и с этой стороны. Отсюда курс на смягчение, а в конечном счете, на преодоление товарного голода».

Итог таков. Оба важнейших раздела построений тт. Ловцова и Гричика, как мы успели убедиться, основаны исключительно на теоретической беззаботности авторов. Решающие звенья их теории остаются вообще без всякой аргументации. Очевидно, авторы полагают, что достаоточно их доброго намерения, что нужды в доказательствах уже не встретилось. Тем не менее и здесь оправдалось положение, что чрезмерно легкое отношение может сказаться слишком тягостными результатами. Вряд ли можно оценить результат теоретических изысканий авторов статьи иначе как простую путаницу. Здесь рискованно даже говорить об извращении, вульгаризации теории марксизма-ленинизма, для этого все-таки необходимо членораздельное мышление и хотя бы видимость аргументации.

И все же статья тт. Ловцова и Гричика до известной степени знамение времени. По своей научной наивности они попросту выбалтывают то, что с массой туманнейших оговорок говорят и некоторые другие. Схема тт. Ловцова и Гричика вырисовывает перед нами логический результат той теоретической путаницы вокруг осмысливания современной хозяйственной обстановки, которая, к сожалению, стала довольно нередкой на страницах наших журналов, за последнее время. Теоретической основой оппортунистической политики являются неверные построения по линии об'яснения закономерностей экономики переходного времени. Разбить, доказать ревизионистскую сущность этих построений—задача всякого сторонника ортодоксальной ленинской линии. Однако, очень плохой услугой для линии партии будут такие попытки, если они на деле остаются в теоретическом плену у правого уклона, или скатываются к позициям «Новой экономики», или, наконец, вопиющей безграмотностью своих построений способны только дискредитировать защищаемую ими линию.

Статья наших авторов представляет собою «счастливое» сочетание всех этих трех моментов. В основном она состоит из полуграмотных попыток теоретического важничанья и в этой части может вызвать только чувство соболезнования по поводу постигшей наших товарищей скриптомании; в своей теории регуляторов советской экономической системы авторы находятся целиком в плену концепции «Новой экономики», — правда Преображенский вряд ли будет особенно рад такого рода последователям его идеи, наконец, в оценке размеров современных хозяйственных затруднений статья целиком стоит на позициях теоретиков правого уклона. Таков невеселый итог новой попытки построить систему теории советского хозяйства, исходя только из добрых намерений. Если теория капиталистического хозяйства требует длительного и внимательнейшего изучения, то еще в большей мере это относится к теоретическому освещению проблем советской экономики. И нужно отказаться от попыток кавалерийским наскоком решить сложнейшие проблемы экономики переходного периода.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Вопросы труда.

(„Вопросы Труда", ежемес. орган НКТ №№ 1, 2, 3—4).

1928/29—1932/33 гг. являются годами, кладущими начало новому этапу в деле социалистического строительства. Проектируемый этой пятилеткой рост промышленности, как и всего народного хозяйства, является крупнейшим шагом вперед в деле социалистического преобразования всего народного хозяйства. Но выполнение плана требует колоссального напряжения, строгого подчинения интересам целого интересов отдельных частей, требует проведения на деле четкой, правильной линии, принятой нашей партией в коренных вопросах нашего строительства — вопросах индустриализации страны, вопросах коллективизации сельского хозяйства.

Трудности, связанные с выполнением плана, равно как и ряд других моментов, неизбежно порождают попытки укрыться от этих трудностей, попытки двигаться более медленным темпом. Вот почему ноябрьский пленум ЦК и отметил, что «громадная сложность проблем реконструктивного периода, ряд трудностей, стоящих на пути индустриализации страны, напряжение, которого требует от рабочего класса и крестьянства дело индустриализации, реальный эффект которого начнет сказываться лишь через известный промежуток времени, сопротивление капиталистических элементов и на данном этапе обострения классовой борьбы колебания мелкобуржуазной массы, давление мелкобуржуазной стихии на некоторые звенья советского аппарата и нашей партии питают различного рода уклоны внутри партии. Всплывает правый откровенно оппортунистический уклон, который находит свое выражение в стремлении задержать дальнейшее строительство крупной индустрии».

Таким образом, борьба с правым уклоном — по существу борьба за индустриализацию, борьба за намеченный темп социалистического строительства. «Только упорная, настойчивая и непоколебимая борьба за принятый партией темп индустриализации и за возможное его усиление создает действительные предпосылки для победы социалистического строительства не только в городе, но и в деревне, для выкорчевывания корней капитализма из нашего хозяйства. Поэтому в вопросе о принятом партией быстром темпе индустриализации страны большевики должны проявить максимум твердости, максимум непоколебимости» [1]).

Преодолеть трудности, стоящие на пути осуществления пятилетнего плана, изыскать возможности увеличения темпа намеченного пятилетним планом—такова основная наша задача.

В осуществлении пятилетнего плана важнейшим звеном являются вопросы труда. От того, сумеем ли мы дать намеченную производительность труда, зависит и темп нашего развития, и выполнение задания в области снижения себестоимости, и уровень накоплений, т. е. тем самым темп индустриализации страны и повышение жизненного уровня рабочего класса. Пятилетний план намечает рост производительности труда рабочего на 110%. Это означает, что план социалистического строительства требует решительного сдвига в деле организации труда, ибо только при этом условии может быть обеспечен необходимый рост культурного и материального уровня жизни рабочего класса. Перед партией, профессиональными и хозяйственными организациями стоит задача создания высших форм организации труда, и на этом пути надо преодолеть ряд препятствий.

Пятилетний план предусматривает вовлечение новых значительных кадров рабочих, вербуемых в значительной части из деревень. Но именно эти новые кадры рабочих, связанные с деревней, не порвавшие с мелкособственнической идеологией, эту нездоровую и чуждую рабочему классу идеологию, несут в рабочий класс, заражая ею наименее устойчивые, наиболее подверженные влиянию мелкособственнической стихии слои рабочего класса. Именно через эти кадры проникает в ряды рабочего класса «стихия мелкого собственника, живущего одной

[1]) В. Молотов.

мыслью: «урвал, что можно, а там хоть трава не расти...» [1]). Борьба с этими настроениями, борьба с мелкобуржуазной стихией, борьба за трудовую дисциплину, упорная и настойчивая работа по «переделке» этих новых кадров рабочего класса—одно из условий выполнения пятилетнего плана, одно из важнейших условий успешности социалистического строительства, ибо «успех социализма немыслим без победы пролетарской сознательной дисциплинированности над стихийной мелкобуржуазной анархией» [2]).

Задача печати в деле выполнения плана социалистического строительства и заключается прежде всего в том, чтобы, вскрыв основные трудности, стоящие на пути выполнения плана, вокруг них, на их преодолении мобилизовать внимание, силы и энергию всего рабочего класса. Надо, однако, признать, что некоторые журналы и в частности и в особенности «Вопросы Труда» оказались далеко не на высоте положения в разрешении этих задач. «Вопросы Труда» в особенности, ибо мы в праве были бы ожидать, что руководящий орган Наркомтруда будет стоять во главе борьбы за правильную, лучшую организацию труда, за трудовую дисциплину, будет организатором рабочей передовой общественности в деле преодоления трудностей, стоящих на пути социалистического строительства.

Нынешний хозяйственный год—первый год пятилетки. Партия и правительство поставили перед промышленностью задачу снизить себестоимость на 7%, подняв производительность труда на 17%. Первое полугодие хозяйственного года дало невыполнение этой директивы, первое полугодие создало угрозу невыполнения всего годового плана. Среди ряда причин, приведших к невыполнению плана, значительную роль сыграла расшатанность трудовой дисциплины на ряду с проявлением в отдельных случаях хулиганства на производстве и насилием над техническим персоналом. Но напрасно стали бы мы искать на страницах журнала «Вопросы Труда» (по крайней мере до январского номера) отголосков всех этих явлений. Больше того, руководящий орган НКТ до сих пор не уделил на своих страницах места такому величайшему явлению в нашей хозяйственной и политической жизни, как социалистическое соревнование. Передовые рабочие и за ними широкая рабочая масса пришли поистине в невиданное еще в истории движение, вступили в отчаянную борьбу с нашей отсталостью, с нашим неуменьем работать, борьбу с низкой производительностью, устанавливая новые, социалистические формы труда, а «Вопросы Труда», руководящий (!) орган по вопросам труда, величественно проходят мимо этого величайшего движения, величественно игнорируют его, полагая, видимо, что не пристало руководящему органу заниматься такими пустяками!

Нет ничего удивительного, что, проспав, проглядев социалистическое соревнование, «Вопросы Труда» проспали и борьбу с правым уклоном. В то время, как вся партия давала сокрушительный отпор правому уклону, когда это же делала вся печать—вплоть до января—на страницах журнала «Вопросы Труда» эта борьба с правым уклоном не нашла никакого отражения. Спохватившись об этом в январе, «Вопросы Труда» «разразились» редакционной, за подписью двух редакторов из трех, статьей о «правых тенденциях в вопросах труда». И надо сказать, что, если «Вопросы Труда» проспали вопрос о социалистическом соревновании, проглядели и своевременно не поставили вопрос о трудовой дисциплине и причинах, вызвавших ее ослабление, если деликатно обходили вопрос о производительности труда, до сих пор не поставив вопроса об изменениях в составе рабочего класса, а следовательно, и влиянии на него мелкобуржуазной стихии, то, опять же нет ничего удивительного, что и в вопросе об искривлении классовой линии в вопросах труда «Вопросы Труда» обнаружили весьма своеобразное понимание сути и содержания правого уклона.

Итак, «Вопросы Труда» решили сказать и свое слово в борьбе с правым уклоном. В чем же его редактора (два из трех!) усмотрели «правые тенденции» в вопросах труда, что по их мнению является наиболее характерных для проявления правоуклонистских настроений в вопросах труда? Во-первых, «скрытые попытки задержки перевода предприятий тяжелой индустрии, удлинение сроков, оттяжка переводов, особенно металлопромышленности»... на 7-часовой рабочий день; во-вторых, «узкое делячество, ведомственный практицизм и мелкобуржуазный индивидуализм, на практике выражающийся в такого рода постановке хозяйственниками и профсоюзами вопроса: «лишь бы было для меня хорошо», «сорвать побольше», «запросить» и т. д.;

в-третьих, «проявление буржуазной идеологии» в области методологии учета и квалификации причин несчастных случаев. В-четвертых, правые тенденции, проявляющиеся в деле борьбы за трудовую дисциплину, и, наконец, невдумчивое и неосторожное проведение ряда идей трудового законодательства.

Нужно ли говорить, что мы безусловно не застрахованы от бюрократических извращений самых лучших и политически правильных наших декретов и

[1]) В. И. Ленин, т. XV.
[2]) Там же.

что с этим нужна беспощадная борьба, но свести все проявления правого уклона в вопросах труда к «задержке перевода предприятий» на 7-часовой рабочий день, к методологии «учета и квалификации причин несчастных случаев» и т. п. — это значит не понять основного и решающего в правоуклонистских настроениях в вопросах труда, это значит обнаружить полное непонимание происходящих в стране процессов, это значит не понимать и не видеть роли, значения и влияния мелкобуржуазной стихии в вопросах труда, это значит вольно или невольно, сознательно или несознательно, но прикрывать, замазывать, маскировать опасность мелкобуржуазной стихии, а следовательно, выдать самому себе патент на примиренческое к ней отношение.

Что этакое понимание правых тенденций в вопросах труда не является для «Вопросов Труда» случайным, свидетельствует все содержание первого номера этого журнала за 1929 г.

Мы уже указывали, что, начиная, примерно, с последнего квартала прошлого года, на наших предприятиях начался процесс падения и ослабления трудовой дисциплины, сказавшийся не только в увеличении прогулов и появлений на производстве в нетрезвом виде, но и в ряде дезорганизующих производство поступков. Вот в какие формы вылилось это падение трудовой дисциплины [1]): «пьянство на производстве, прогулы по неуважительным причинам, появление хулиганства, опоздания на работу, сон на работе, случаи избиений и оскорблений специалистов, искусственное снижение производительности труда, невыход на работу в религиозные праздники (как дополнительные праздники), кражи, общие нарушения труддисциплины». Каковы же причины этого явления?

Обратимся к компетентному мнению журнала «Вопросы Труда». В № 1 этого журнала в уже цитированной нами статье замнаркомтруда тов. И. Толстопятова «Труддисциплина и прогулы» мы находим следующие «золотые» слова, дающие об'яснение указанному выше состоянию труддисциплины. «Результаты бесхозяйственности, нераспорядительности, ослабления административно-технического руководства и контроля на производстве сказываются на состоянии труддисциплины, ведут к развитию разгильдяйства и небрежного отношения к работе отдельных групп и группочек рабочих. Поэтому рабочие работают с прохладцей, спят на производстве, не выполняют в отдельных случаях распоряжений мастера, инженера, курят в шахтах, вызывая аварии, и т. д. и т. п. Статья эта не снабжена никаким примечанием редакции; тем самым мы в праве считать, что редакция разделяет все высказанные в ней положения. Так редакция, ползая с лупой в руках в поисках правого уклона, дает по меньшей мере недостаточное об'яснение причин расшатанности трудовой дисциплины. Все дело оказывается в ослаблении адм.-техн. руководства. Едва ли такое об'яснение падения трудовой дисциплины согласуется с пониманием и автора и редакторов журнала всей опасности и значения мелкобуржуазной стихии. И то, что в последующих статьях т. Толстопятов тщательно стремиться эту свою ошибку исправить, свидетельствует только о том, что в то время представление об искривлениях классовой линии в вопросах труда у тов. Толстопятова и у редакторов журнала было, мягко выражаясь, самое «туманное».

А уже кому-кому, как не «Вопросам Труда», следовало бы помнить слова Ленина, что «очень часто, когда говорят «рабочие», думают, что значит это фабрично-заводской пролетариат. Вовсе не значит. У нас со времени войны на фабрики и на заводы пошли люди вовсе не пролетарские, и пошли с тем, чтобы спрятаться от войны, а разве у нас сейчас общественные и экономические условия таковы, что на фабрики и заводы идут настоящие пролетарии? Это неверно. Это правильно по Марксу, но Маркс писал не про Россию, а про весь капитализм в целом, начиная с пятнадцатого века. На протяжении шестисот лет это правильно, а для России теперешней неверно. Сплошь да рядом шли на фабрики в то время не пролетарии, а всяческий случайный элемент».

Забывать об этом, не говорить от этом—значит дать, как это и сделано в статье в «Вопросах Труда», неверную оценку и тем самым наметить неверные методы борьбы за установление трудовой дисциплины.

Наиболее, однако, характерным для понимания журналом «Вопросы Труда» правоуклонистских тенденций и настроений в вопросах труда является помещение «в дискуссионном порядке», в том же номере журнала статьи Айзенберга «Развертывание промышленности и численность рабочей силы в СССР». Автор этой статьи, анализируя выполнимость намеченного в пятилетке плана развития промышленности и останавливаясь на вопросе о производительности труда, приходит к выводу о том, что «качественный анализ и исправление данных ВСНХ дают... рост выработки не 95%, а 16%. Материальные предпосылки роста производительности труда большего дать не могут (подчеркнуто мною. А. Ю.).

[1]) И. Толстопятов—«Труддисциплина и прогулы».

Остаются факторы, зависящие от самого рабочего, т.-е. повышение интенсивности труда».

Какие же выводы надо сделать из этого положения? Вывод один, либо пятилетка ВСНХ нереальна, тем самым нереален намеченный темп накопления промышленности, нереален весь план индустриализации, либо пятилетка ВСНХ осуществима в части роста производительности труда за счет невероятнейшего нажима на рабочего, за счет невероятнейшей интенсификации его труда. И здесь мы являемся свидетелями трогательного единства Айзенберга с нашими «критиками» из «Социалистического Вестника» и «Последних Новостей». Ибо именно так ставят вопрос и они, именно с этой стороны и такими же доводами «опровергают» они реальность пятилетнего плана! Как же после этого редакторам «Вопросов Труда» не искать проявлений правого уклона в «методологии учета и квалификации несчастных случаев»!

И разве не подлинным пролетарским ответом на эту буржуазную, контрреволюционную галиматью, печатаемую «в дискуссионном порядке», является тот величайший энтузиазм, который охватил рабочий класс в деле выполнения задач социалистического строительства и который нашел свое выражение в широкой волной развернувшемся социалистическом соревновании! Какие только формы не принимает этот производственный энтузиазм! Характерны в этом отношении следующие факты, сообщаемые в одном из последних номеров газеты «Труд» [1]).

«Все те формы обслуживания культработой социалистического соревнования, которые применяются у нас, не выдумывались ни культсовещаниями, ни культотделами союза, а как-то выпирали снизу.

Вот так, как-то незаметно всплыл снизу один из интереснейших методов работы—шефство над плохо работающим уступом.

Зародилось это новое дело в одном из клубов района. 2 месяца клубники вели работу с подшефниками: устраивали вечера вопросов и ответов, организовали школу ликвидации неграмотности для рабочих уступа, обслуживали их всеми видами культработы, ходили беседовать на квартиры. И результат: плохой уступ стал лучшим, получил первую премию»

В борьбе за производительность труда, за трудовую дисциплину лучшие работники подтягивают отстающих.

«Любопытный метод борьбы с прогульщиками применяется в Черенкове (Донбасс). Там из членов клубных кружков организовали патрули будильщиков. По понедельникам и субботам, когда шахтеры в пьяном виде валяются на койках, патрули-будильщики после утреннего гудка обходят квартиры неблагополучных по выходам рабочих и, стуча в окно, покрикивают:

— Эй, товарищ, не забудь сегодня явиться на работу.

На шахте же вывешивается список лиц, разбуженных сегодня патрулем. Действует это замечательно. Может быть, рабочий и сам бы явился на работу, но тот факт, что его кто-то разбудил, действует убедительно» [1]).

В помощь борьбе за себестоимость вступили даже кружки изобразительных искусств:

«Кружки изобразительных искусств при горняцких клубах Луганщины рисуют большие портреты лучших рабочих. Портреты вывешиваются в клубе, под каждым из них ежедневно отмечаются производственные достижения изображенного на нем рабочего. После того, как рабочий в течение определенного времени удерживает за собой первенство, портрет в торжественной обстановке передается в собственность рабочему.

Там же практикуются переходящие призы: художественно выполненные знамена и портреты вождей» [1]).

Передовые рабочие, *сами* ставят вопрос о снижении им расценков и пересмотре норм, *сами* ставят вопрос о повышении производительности труда и *на деле* показывают, какими величайшими возможностями обладает рабочий класс, вступивший в социалистическое соревнование, активный участник социалистического строительства. А «Вопросы Труда» — *руководящий* (не смешно ли!) орган по вопросам труда—«не заметив», «проглядев» это величайшее движение, охватившее широчайшие слои рабочего класса, не уделивший ни одной строчки этому движению, «в дискуссионном порядке» печатает меньшевистско-кадетскую критику, того самого пятилетнего плана, который и пробудил этот творческий энтузиазм сотен тысяч и миллионов трудящихся!

Непонимание задач, стоящих перед пятилетним планом, перед социалистическим строительством, нашло свое выражение и в статье т. Винника, предлагающего заработную плату в легкой промышленности повышать не в соответствии с ростом производительности.

[1]) «Труд» от 14 июля.

Не важно, что по этому вопросу имеются совершенно четкие директивы партии. «Вопросы Труда» еще «обсудят» этот вопрос. Или редакция считает решения партии для нее не обязательными? Или она считает необходимым пересмотреть эти решения?

Что думала редакция «Вопросов Труда» обсуждать в статье Айзенберга? Гнусную клевету на партию, на диктатуру пролетариата о том, что пятилетка построена на выжимании пота из рабочих?!

Что думала редакция, предлагая обсуждать извращающую линию партии статью тов. Винника?

Печатание таких статей с предложением их обсудить есть недопустимое шатание. Это делают лишь тогда, когда не знают, где правая, где левая сторона. И да простит нам редакция, нам кажется, что в данном случае имело место именно это положение. Ибо в противном случае как об'яснить, что та же редакция, которая поместила статьи Айзенберга и Винника в № 1, не отмежевавшись от них, не дав на них ответа и в следующем, втором номере журнала, спустя 2—3 месяца помещает против них статьи со следующими примечаниями: к ст. Ологицкого и гр. Шварц, о том, что редакция согласна в основном с ответными положениями этих авторов, ибо «статья тов. Айзенберга давала по существу *политически неверную критику* в центральных вопросах пятилетнего плана ВСНХ... Айзенберг *допустил ряд теоретических ошибок*...»; к ст. Н. В. в ответ на статью тов. Винника, указанную нами выше, редакция дает примечание, что она (ст. Н. В.) отражает точку зрения редакции, а в статье этой черным по белому написано (правильно написано): «Установка тов. Винника *политически совершенно неправильна, извращает линию партии* по вопросам зарплаты и направлена к удовлетворению *цеховых интересов во вред общеклассовым интересам и задачам*».

По существу правильно. Но разве редакция не обязана была *своевременно* отмежеваться от статьи, которая «извращает линию партии»? Или у редакции не было точки зрения на эти вопросы до... выхода в свет 3 и 4 номеров. Мы считаем такое положение совершенно недопустимым и позволим себе надеяться, что в дальнейших номерах редакция вместо того, чтобы плестись в хвосте мелкобуржуазной стихии (как это особенно ярко было выражено в первом номере журнала), будет действительно отстаивать принятую партией генеральную линию строительства социализма в нашей стране.

А. Юрисов.

Л. М. САБСОВИЧ.—«СССР через 15 лет. Гипотеза генерального плана, как плана построения социализма в СССР». Изд. «Плановое Хозяйство», 1929 г.

Книжка Л. М. Сабсовича является попыткой набросать генеральную перспективу развития СССР на 15 лет и уже поэтому заслуживает внимания.

Эта небольшая книжка в 150 страниц «карманного» формата намечает решение вопроса о *сроках построения социализма* в СССР.

Критика этой книжки началась уже в момент ее «рождения». Сам автор признает, что «такого рода убеждение», как излагаемое им,—«отнюдь не является широко распространенным» и что его расчеты могут показаться «астрономическими», «исключительно грандиозными», «невероятными», беспочвенным фантазерством».

Надо согласиться, что многими ряд расчетов и утверждений Сабсовича будет принят именно как «беспочвенное фантазерство», «проявление темперамента» и т. п. Сила привычки—великая сила. Не так давно было то время, когда теория «затухающих кривых» (исходя из того положения, что резервы для развития тем темпом, каким мы шли до сих пор, исчерпываются с окончанием периода восстановления остановленных во время гражданской войны фабрики и заводов) признавалась едва ли не законом нашего развития.

Л. М. Сабсович решительно противопоставляет этой теории «затухающих кривых» теорию нарастающих темпов развития.

Автор утверждает, что теория «затухающих кривых» нашего развития является «реакционной легендой, вымыслом, ничего общего с действительностью не имеющим», что «это якобы «об'ективное» маловерие специалистов «скрывало» за собой чуждую пролетариату идеологию».

Основа, центральная ось гипотезы Л. М. Сабсовича—это проблема темпов, прежде всего темпов промышленности.

Остаются факторы, зависящие от самого рабочего, т.-е. повышение интенсивности труда».

Какие же выводы надо сделать из этого положения? Вывод один, либо пятилетка ВСНХ нереальна, тем самым нереален намеченный темп накопления промышленности, нереален весь план индустриализации, либо пятилетка ВСНХ осуществима в части роста производительности труда за счет невероятнейшего нажима на рабочего, за счет невероятнейшей интенсификации его труда. И здесь мы являемся свидетелями трогательного единства Айзенберга с нашими «критиками» из «Социалистического Вестника» и «Последних Новостей». Ибо именно так ставят вопрос и они, именно с этой стороны и такими же доводами «опровергают» они реальность пятилетнего плана! Как же после этого редакторам «Вопросов Труда» не искать проявлений правого уклона в «методологии учета и квалификации несчастных случаев»!

И разве не подлинным пролетарским ответом на эту буржуазную, контрреволюционную галиматью, печатаемую «в дискуссионном порядке», является тот величайший энтузиазм, который охватил рабочий класс в деле выполнения задач социалистического строительства и который нашел свое выражение в широкой волной развернувшемся социалистическом соревновании! Какие только формы не принимает этот производственный энтузиазм! Характерны в этом отношении следующие факты, сообщаемые в одном из последних номеров газеты «Труд» [1]).

«Все те формы обслуживания культработой социалистического соревнования, которые применяются у нас, не выдумывались ни культсовещаниями, ни кульотделами союза, а как-то выпирали снизу.

Вот так, как-то незаметно всплыл снизу один из интереснейших методов работы—шефство над плохо работающим уступом.

Зародилось это новое дело в одном из клубов района. 2 месяца клубники вели работу с подшефниками: устраивали вечера вопросов и ответов, организовали школу ликвидации неграмотности для рабочих уступа, обслуживали их всеми видами культработы, ходили беседовать на квартиры. И результат: плохой уступ стал лучшим, получил первую премию».

В борьбе за производительность труда, за трудовую дисциплину лучшие работники подтягивают отстающих.

«Любопытный метод борьбы с прогульщиками применяется в Черенкове (Донбасс). Там из членов клубных кружков организовали патрули будильщиков.

По понедельникам и субботам, когда шахтеры в пьяном виде валяются на койках, патрули-будильщики после утреннего гудка обходят квартиры неблагополучных по выходам рабочих и, стуча в окно, покрикивают:

— Эй, товарищ, не забудь сегодня явиться на работу.

На шахте же вывешивается список лиц, разбуженных сегодня патрулем. Действует это замечательно. Может быть, рабочий и сам бы явился на работу, но тот факт, что его кто-то разбудил, действует убедительно» [1]).

В помощь борьбе за себестоимость вступили даже кружки изобразительных искусств:

«Кружки изобразительных искусств при горняцких клубах Луганщины рисуют большие портреты лучших рабочих. Портреты вывешиваются в клубе, под каждым из них ежедневно отмечаются производственные достижения изображенного на нем рабочего. После того, как рабочий в течение определенного времени удерживает за собой первенство, портрет в торжественной обстановке передается в собственность рабочему.

Там же практикуются переходящие призы: художественно выполненные знамена и портреты вождей» [1]).

Передовые рабочие, с а м и ставят вопрос о снижении им расценков и пересмотре норм, с а м и ставят вопрос о повышении производительности труда и н а д е л е показывают, какими величайшими возможностями обладает рабочий класс, вступивший в социалистическое соревнование, активный участник социалистического строительства. А «Вопросы Труда» — р у к о в о д я щ и й (не смешно ли!) орган по вопросам труда—«не заметив», «проглядев» это величайшее движение, охватившее широчайшие слои рабочего класса, не уделивший ни одной строчки этому движению, «в дискуссионном порядке» печатает меньшевистско-кадетскую критику того самого пятилетнего плана, который и пробудил этот творческий энтузиазм сотен тысяч и миллионов трудящихся!

Непонимание задач, стоящих перед пятилетним планом, перед социалистическим строительством, нашло свое выражение и в статье т. Винника, предлагающего заработную плату в легкой промышленности повышать не в соответствии с ростом производительности.

[1]) «Труд» от 14 июля.

Не важно, что по этому вопросу имеются совершенно четкие директивы партии. «Вопросы Труда» еще «обсудят» этот вопрос. Или редакция считает решения партии для нее не обязательными? Или она считает необходимым пересмотреть эти решения?

Что думала редакция «Вопросов Труда» обсуждать в статье Айзенберга? Гнусную клевету на партию, на диктатуру пролетариата о том, что пятилетка построена на выжимании пота из рабочих?!

Что думала редакция, предлагая обсуждать извращающую линию партии статью тов. Винника?

Печатание таких статей с предложением их обсудить есть недопустимое шатание. Это делают лишь тогда, когда не знают, где правая, где левая сторона. И да простит нам редакция, нам кажется, что в данном случае имело место именно это положение. Ибо в противном случае как об'яснить, что та же редакция, которая поместила статьи Айзенберга и Винника в № 1, не отмежевавшись от них, не дав на них ответа и в следующем, втором номере журнала, спустя 2—3 месяца помещает против них статьи со следующими примечаниями: к ст. Ологицкого и гр. Шварц, о том, что редакция согласна в основном с ответными положениями этих авторов, ибо «статья тов. Айзенберга давала по существу п о л и т и ч е с к и н е в е р н у ю к р и т и к у в центральных вопросах пятилетнего плана ВСНХ... Айзенберг д о п у с т и л р я д т е о р е т и ч е с к и х о ш и б о к...»; к ст. Н. В. в ответ на статью тов. Винника, указанную нами выше, редакция дает примечание, что она (ст. Н. В.) отражает точку зрения редакции, а в статье этой черным по белому написано (правильно написано): «Установка тов. Винника п о л и т и ч е с к и с о в е р ш е н о н е п р а в и л ь н а, и з в р а щ а е т л и н и ю п а р т и и по вопросам зарплаты и направлена к удовлетворению ц е х о в ы х и н т е р е с о в в о в р е д о б щ е к л а с с о в ы м и н т е р е с а м и з а д а ч а м».

По существу правильно. Но разве редакция не обязана была с в о е в р е м е н н о отмежеваться от статьи, которая «извращает линию партии»? Или у редакции не было точки зрения на эти вопросы до... выхода в свет 3 и 4 номеров. Мы считаем такое положение совершенно недопустимым и позволим себе надеяться, что в дальнейших номерах редакция вместо того, чтобы плестись в хвосте мелкобуржуазной стихии (как это особенно ярко было выражено в первом номере журнала), будет действительно отстаивать принятую партией генеральную линию строительства социализма в нашей стране.

А. Юрисов.

Л. М. САБСОВИЧ.—«СССР через 15 лет. Гипотеза генерального плана, как плана построения социализма в СССР». Изд. «Плановое Хозяйство», 1929 г.

Книжка Л. М. Сабсовича является попыткой набросать генеральную перспективу развития СССР на 15 лет и уже поэтому заслуживает внимания.

Эта небольшая книжка в 150 страниц «карманного» формата намечает решение вопроса о с р о к а х п о с т р о е н и я с о ц и а л и з м а в СССР.

Критика этой книжки началась уже в момент ее «рождения». Сам автор признает, что «такого рода убеждение», как излагаемое им,—«отнюдь не является широко распространенным» и что его расчеты могут показаться «астрономическими», «исключительно грандиозными», «невероятными», беспочвенным фантазерством».

Надо согласиться, что многими ряд расчетов и утверждений Сабсовича будет принят именно как «беспочвенное фантазерство», «проявление темперамента» и т. п. Сила привычки—великая сила. Не так давно было то время, когда теория «затухающих кривых» (исходя из того положения, что резервы для развития тем темпом, каким мы шли до сих пор, исчерпываются с окончанием периода восстановления остановленных во время гражданской войны фабрик и заводов) признавалась едва ли не законом нашего развития.

Л. М. Сабсович решительно противопоставляет этой теории «затухающих кривых» теорию нарастающих темпов развития.

Автор утверждает, что теория «затухающих кривых» нашего развития является «реакционной легендой, вымыслом, ничего общего с действительностью не имеющим», что «это якобы «об'ективное» маловерие специалистов «скрывало» за собой чуждую пролетариату идеологию».

Основа, центральная ось гипотезы Л. М. Сабсовича—это проблема темпов, прежде всего темпов промышленности.

Автор считает, что:

«...Мы действительно в кратчайший исторический период догоним и обгоним передовые капиталистические страны... в период, примерно, в 15 лет, мы действительно сможем построить социализм в нашей стране (стр. 8)... основываясь в основном на внутренних ресурсах... сможем окончательно перестроить социальную структуру нашей страны, уничтожить в ней классы (14), сможем преодолеть мелкокрестьянскую форму хозяйства и, заменив ее коллективизированной формой крупного хозяйства,—уничтожим мелкое производство»... за пределами 15-летнего периода Советский Союз будет развиваться уже «в условиях вполне оформленного социалистического строя»... (108)...

Автор показывает далее, что означают такие темпы развития в конкретном цифровом выражении: продукция крупной промышленности к концу 1-го пятилетия должна увеличиться в 2,6 раза (23,5 мрд. руб.), к концу 2-го пятилетия примерно в 8 раз (72 мрд. руб.), к концу 3-го пятилетия в 27,5 раз (244 мрд. руб.), а к концу 4-го пятилетия в 100 раз (885 мрд. руб.) по неизменной себестоимости 1927 года...

«...Мы должны по меньшей мере упятерить нашу сеть или построить за 15 лет не менее 300 т. километров жел.-дор. пути.... а «за четвертое пятилетие мы должны будем построить свыше 500 тысяч км. пути».

«...Урожайность зерновых культур может быть за 15 лет утроена, валовая продукция технических культур может быть увеличена в 100 раз...»

За 15 лет мы сможем осуществить «право на труд», «освободить от общественно-обязательной работы всех лиц моложе 21 года и старше 49 лет».

Вышеприведенные расчеты проектировки Л. М. Сабсовича кажутся грандиозными даже в сравнении с «планом великих работ»,—с пятилетним планом хозяйственного строительства СССР (1928—29 г.—1932—33 г.). Это резко подчеркивается и диаграммой количественного роста производства, помещенной на стр. 33 книжки Сабсовича: вместо «привычной» «затухающей кривой» мы здесь находим «сумасшедший», крутой скачек вверх от уровня 1927—1928 г., принятого за единицу, через (сравнительно) спокойный под'ем первой пятилетки (в 2,6 раза) **к увеличению в 184 раза производства тяжелой индустрии и в 40 раз**—производства легкой индустрии,—к концу двадцатилетия!

Грандиозность этих намечаемых автором задач особо подчеркивается, если вспомнить о том огромном расстоянии, которое отделяет нас от передовых капиталистических стран; о том, что, например, продукция САСШ превышает нашу в 20—25 раз; что реальный уровень жизни американского рабочего все еще превышает уровень жизни нашего рабочего; что производительность труда американского рабочего выше нашего в 6—8 раз; что потребление железа и стали на 1 душу населения составляло в 1925 г. в САСШ 468 клг, а у нас всего 14 клг... и т. д.

Чем же определяются и насколько реальны такие темпы развития СССР? Наши плановые проектировки до недавнего времени строились, как мы уже указывали, исходя из так называемой «затухающей кривой» (для каждого последующего года темп ежегодного прироста продукции снижался),—а практика выполнения этих расчетов неуклонно вносила весьма существенные «поправки» к этой теории; так «ориентировочный перспективный план металлургической промышленности РСФСР», составленный в 1923—1924 г. намечал рост производства чугуна в 3,6 раза,—а фактический рост был в 10 раз; на пороге реконструктивного периода, перед началом 1927—1928 г. рост продукции на этот год по Госплановской проектировке намечался в размере 16,3%, в ноябре этого же года наметку подняли до 18,1%; фактический же рост составил за год 24—25%,—«превысив в полтора раза рост, намеченный первой пятилеткой», на текущий 1928—1929 г. первая пятилетка намечала рост продукции в 13,1%, контрольные цифры намечали 16,6%, а фактически мы будем иметь 21—22%.

Таким образом, опыт минувших лет показывает, что действительные темпы нашего хозяйственного развития далеки от теории «затухающих кривых»,—что они гораздо ближе к определению «нарастающих темпов».

Л. М. Сабсович строит такую таблицу годовых приростов промышленной продукции:

1-е пятилетие	1928/29 г. — 20%;	1932/33 г. — 23,4%
2-е пятилетие	1933/34 г. — 23,4%;	1937/38 г. — 26,9%
3-е пятилетие	1938/39 г. — 27,4%;	1942/43 г. — 27,8%
4-е пятилетие	1943/44 г. — 28%;	1947/48 г. — 30%

Можно ли такой темп годовых приростов промпродукции назвать фантастическим? Едва ли.

Едва ли могут быть возражения против такой тенденции в динамике темпов годовых приростов промышленной продукции. Между тем именно эти размеры годовых приростов обеспечивают такой темп развития промышленности, при котором достигается не только увеличение промышленной продукции к концу четвертой пятилетки в 100 раз, но и такое увеличение внутрипромышленных накоплений, которое позволяет значительную часть накоплений промышленности (500 миллиардов за 20 лет!) направить на ускорение развития других отраслей народного хозяйства—сельского хозяйства прежде всего.

При этом необходимо отметить, что такие накопления в промышленности не только не противоречат директивам партии о снижении отпускных цен, об удешевлении промтоваров для деревни, а, наоборот, именно из этих директив и исходят: гипотеза проектирует снижение себестоимости за 20 лет на 75% и отпускных цен на 60%.

Надо отметить, что некоторые расчеты автора утрачивают свою исключительную невероятность при сравнении с Западом и в особенности с САСШ; так, построив в согласии с наметкой автора, за 4-е пятилетие 500 тысяч километров железнодорожного пути, мы (через 20 лет!) по густоте железнодорожной сети не достигнем еще нынешней густоты сети САСШ.

А ведь перед страной не автором рассматриваемой гипотезы, но партией, революцией, историей поставлена задача—в минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран.

Здесь нет необходимости повторять расчеты и доводы, которыми автор обосновывает реальность всех его цифровых наметок и проектировок. Дело не в цифрах, условность которых понимает и сам автор, а в тенденциях, иллюстрацией которых являются цифровые наметки и цифровые расчеты гипотезы. И с этой точки зрения едва ли можно возражать против тех предпосылок, которые положены в основу гипотезы Л. М. Сабсовича.

Следует отметить, что проблему темпов автор решает на основе анализа нашего роста за предыдущие годы,—в полном соответствии с принципиальными основами пятилетки хозяйственного строительства.

В то же время следует подчеркнуть, что перед пятилеткой, которая недавно еще казалась почти невыполнимой многим скептикам, уже сейчас открываются новые возможности, гораздо более широкие перспективы. Практика выполнения пятилетки уже в текущем году дает нам ряд иллюстраций, подтверждающих теорию нарастания темпов [1].

В движение пришли массы рабочего класса и бедняцко-середняцкого крестьянства, и именно в этом залог того, что наши (недавно казавшиеся слишком смелыми) мечты сегодня оказываются превзойденными жизнью. Значение этих моментов прекрасно предвидел Ленин, когда писал:

«Придавленные капиталистическим строем, мы не можем в точности даже представить себе в настоящее время, какие богатые силы.... таятся и могут развернуться при социалистическом устройстве общества» [2].

«...Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. **Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем»** [3].

На основе своих проектировок темпов развития СССР, автор развертывает перед читателями широкую картину развивающегося социализма; в круг рассматриваемых вопросов на ряду с проблемой темпов и роста накоплений в промышленности, снижения себестоимости в более или менее конкретном цифровом освещении входят также основные показатели по труду, транспорт, сельское хозяйство, проблема избыточного населения, культурная революция и обобществление быта, проблема создания нового человека.

Автор «пытается заглянуться в лицо нового человека» и считает, что «вопрос о том, как наиболее целесообразно жить человечеству в социалистическом строе»—пора начать разрабатывать более основательно.

В этой второй части работы Л. М. Сабсовича многое может быть подвергнуто строгой критике; здесь и схоластический оттенок некоторых исчислений и

[1]) См., напр., передовую в этом номере «Большевика».
[2]) См. «Очередные задачи советской власти».
[3]) В. И. Ленин, т. XVIII, ч. 2.

фантастические наброски (например, автор считает, что через 15 лет можно будет «смести с лица земли все существующие города, села, деревни в их теперешнем виде и построить новые поселения...»).

Давая такую гипотезу построения социализма, автор отрывает ее не только в тенденциях, но и в сроках,—от ряда крупнейших факторов, которые (даже не говоря о войне) в действительности имеются и несомненно окажутся налицо еще в продолжение ряда лет; автор ведет страну вперед к социализму ровной и прямой дорогой.

Этот момент отрыва необходимо здесь отметить для того, чтобы подчеркнуть всю условность определенных автором сроков построения социализма в СССР. Отмечает его и сам автор.

Но наличие этого момента ни в какой мере не колеблет правильности решения автором основной, важнейшей части поставленной им задачи—«показать, какими масштабами мы должны измерять наше развитие в течение ближайших 15—20 лет»...

Вполне сознавая наличие ряда недостатков и условностей в своей гипотезе генерального плана, автор все же опубликовал ее, руководствуясь желанием посильно помочь проникновению в массы пролетариата конкретного представления о наших перспективах, о наших действительных возможностях, о темпах нашего развития и тем самым содействовать мобилизации энергии и творческой активности масс на дело социалистического строительства. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал огромную роль печати в деле «экономического перевоспитания масс населения»,—перевоспитания тем более необходимого, что «буржуазные писатели исписали и исписывают горы бумаги, воспевая конкуренцию, частную предприимчивость и прочие великолепные доблести и прелести капиталистического порядка, что основные принципы и приемы своего хозяйничания буржуазия умела хорошо внедрять в массы»... При всей условности ряда расчетов и построений рассматриваемой гипотезы нужно признать, что в разрешении этой задачи, в борьбе за мобилизацию активности и, как говорил Ленин, за «экономическое перевоспитание масс»,—книжка Л. М. Сабсовича будет хорошим бойцом

С. Шапурин.